801-13
424
114
Е 3/114

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ).

БУДНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. А. Евдокимова, Троицкая улица, 18.
1895.

Князь Дм. Голицынъ (Муравлинъ).

БУДНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. А. Евдокимова, Троицкая улица, 18.
1895.

21752-0
2011137315

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Неудача	1
Въ Алжирѣ	68
Ваня	90
Кража	95
Володя	108
Невѣста	118

НЕУДАЧА.

М.П.М.

Василій Васильевичъ Присельскій, худощавый, рыжій, страшно храпѣлъ, свѣсивъ голову черезъ подушку, которая почему-то забилась ему подъ плечо. Кругомъ, по всей комнатѣ, по старымъ хромымъ стульямъ и на потертомъ диванѣ валялись принадлежности его туалета, разбросанныя передъ отходомъ ко сну. На кругломъ столикѣ у кровати, никелевые часы, покоясь въ пепельницѣ на грудѣ окурковъ, вяло тикали. И все въ комнатѣ производило впечатлѣніе чего-то тоскливаго, безпріютнаго. Ощущалась безалаберная бѣдность,—рваное бѣлье, прикрытое неоплаченными сюртуками. Василій Васильевичъ храпѣлъ и былъ очень некрасивъ. Усы торчали щетиной, борода была всклочена, и къ общему уродству примѣшивалось, замѣтное даже во снѣ, очень глупое и очень гордое выраженіе лица.

Дверь скрипнула, тусклый свѣтъ ворвался въ комнату, освѣтилъ плѣшинки бархатной мебели.

На порогѣ показался Алексѣй Васильевичъ, братъ Василія Васильевича.

Они были замѣчательно похожи другъ на друга. Даже близкіе знакомые не всегда ихъ съ первой минуты отличали одного отъ другого. Близ-

нецы, оба холостяки, оба прокутившіе въ молодости свое состояніе, они, за послѣднія десять лѣтъ безденежья, жили бокъ-о-бокъ въ меблированныхъ комнатахъ, служили въ одномъ и томъ же министерствѣ, одинаково терпѣли во всемъ неудачи, и общность ихъ жизни усилила сходство въ манерахъ, походкѣ, интонаціяхъ. Только у Алексѣя былъ голосъ гораздо болѣе непріятный и писклявый.

— Ты спишь?— спросилъ онъ и, не получивъ отвѣта, повторилъ этотъ праздный вопросъ.

Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, готовъ къ отбытію по мѣсту служенія.

Нагнувшись, посмотрѣлъ онъ на часы брата, убѣдился въ томъ, что уже второй часъ, и сталъ энергично теребить Василія за плечо. Тотъ захрапѣлъ еще болѣе угрожающимъ образомъ.

— Да вставай-же! Проснись!—закричалъ Алексѣй,—мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— А-а! хрипло протянулъ Василій, — а! Это ты? Чорррть, какъ я хорошо выспался. Представь себѣ...

— У тебя есть деньги? — торопливо задалъ вопросъ Алексѣй.

— А? Деньги? Какія деньги? Развѣ у меня были деньги? Ты думаешь, что у меня были деньги?

И Василій окончательно проснулся, обрадованный подобнымъ предположеніемъ. Но онъ тотчасъ-же вспомнилъ, что послѣдніе гроши ушли на извозчика, вспомнилъ и впалъ въ нѣкоторое безпокойство:

— Нѣтъ... у меня нѣтъ... У тебя есть? Я хотѣлъ попросить у тебя...

Алексѣй Васильевичъ торжествующе засмѣялся.— Да, есть. Я вчера былъ у Ардатовыхъ и выигралъ тридцать рублей въ безикъ. Мы спасены. Двадцать рублей дадимъ хозяйкѣ, намъ по пяти, а послѣ завтра пятнадцатое число, и мы получимъ деньги отъ дяди.

Дядя, тамбовскій помѣщикъ, высылалъ имъ ежемѣсячно сто рублей, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его племянники никогда не смѣли показываться ему на глаза.

— Фу, какъ хорошо!—обрадовался Василій,— но ты дай мнѣ не пять рублей. а десять... Мнѣ нужно. . хозяйкѣ можно заплатить меньше, не бѣда.

— Въ такомъ случаѣ, мы опять не обернемся... послушай, Вася.

— Ну, полно, обернемся... Мнѣ нужно купить букетъ... Сегодня день рожденія Антонины Ивановны. А я навѣрно на ней женюсь... Вчера, на балу у Бучининыхъ, ея мать была такъ любезна и сама она такъ мило шутила...

Пришла Алексѣю очередь обрадоваться.

— Молодецъ! Двѣсти тысячъ приданаго! Я тебѣ всегда говорилъ, что ты побѣдишь. Тебѣ— блестящая свадьба, мнѣ—карьера.

Такъ распредѣлили они между собой предметы жизненныхъ упованій. Алексѣй Васильевичъ, считавшій себя болѣе дѣловымъ и виднымъ работникомъ, рѣшилъ добиться благополучія путемъ достиженія хорошо оплачиваемой должности. Василій Васильевичъ, какъ человѣкъ влюбчивый и полагавшійся на свою свѣтскость, отмежевалъ себѣ область богатыхъ невѣстъ. Они точно подѣлили весь міръ между собой, по добровольному согла-

шенію, и взяли себѣ по половинкѣ, чтобы другъ другу не мѣшать. И съ большой нѣжностью слѣдилъ каждый изъ нихъ за успѣхами другого, не только въ силу братскаго сочувствія, но также и оттого, что давно было положено подѣлить блага, когда блага явятся.

— Ну, разскажи, какъ, какъ-же все было?— сталъ допрашивать Алексѣй, оживленный.

Василій закурилъ папиросу. Довольный своимъ торжествомъ, онъ долго медлилъ, началъ наконецъ.

— Пріѣхалъ я вчера къ Бучининымъ... очень поздно... Потому что я по дорогѣ встрѣтилъ Ельскаго, знаешь, того, дурака, который у насъ служитъ... Я ему говорю «угостите меня пивомъ у Лейнера», онъ говоритъ мнѣ «хорошо»... Мы зашли. Мнѣ очень пить хотѣлось... Тогда, тотъ... какъ его зовутъ... я засидѣлся... поѣхалъ къ Бучининымъ, а тамъ уже масса народа... Я сразу увидѣлъ, что Наладины тутъ... А у меня, ты знаешь, съ Наладиными дѣло шло совсѣмъ на ладъ.

Тутъ они оба фыркнули, чрезвычайно довольные остротой

— Я подошелъ... поговорилъ съ ними... вижу, тотъ, какъ его... вижу что не клеится какъ-то... а тутъ еще танцы кругомъ меня, пары вертятся, мѣшаютъ... Я ее пригласилъ на мазурку, Тонечку... Она записала, а я пошелъ въ буфетъ. Борисъ Павловичъ приказалъ подать мнѣ славнаго крюшончика... Я ему и говорю: «а мой тесть здѣсь»... Онъ спрашиваетъ: «кто?»... Я говорю «Иванъ Петровичъ Наладинъ». Онъ сталъ поздравлять... Ты понимаешь, если-бы имѣлось малѣйшее сомнѣніе, онъ бы не сталъ поздравлять. Положимъ, я предложенія не дѣлалъ, но вѣдь предложеніе послѣдняя вещь.

— Послѣдняя, разумѣется, согласился Алексѣй Васильевичъ.

— Кромѣ того, ясно, что всѣ считаютъ меня женихомъ Тонечки... Я у нихъ четыре раза въ эту зиму обѣдалъ... Сама Анна Степановна меня всѣмъ хвалитъ... Наконецъ, Иванъ Петровичъ еще недавно говорилъ мнѣ, что съ большимъ удовольствіемъ слушастъ, когда я пою романсы Фигнера... Тонечка любитъ со мною встрѣчаться, такъ мило шутитъ... Она мнѣ еще на прошлой недѣлѣ сказала: «Vous n'êtes pas roux, vous êtes d'un blond Vénitien»... А когда барышни влюблены, имъ всегда венеціанское мерещится, это извѣстно.

— Дальше, дальше... ты ужасно долго разсказываешь...

— Ну, потомъ, тотъ, какъ его... я снова пошелъ къ Наладинымъ... Тонечка танцовала съ Павловичемъ кадриль, а мамаша была въ гостинной... Кругомъ нея была масса дамъ, и всѣ онѣ толковали объ итальянской оперѣ... Я сейчасъ придумалъ и сказалъ очень смѣшно, какъ всегда на балахъ говорятъ объ итальянской оперѣ, и о чемъ-бы говорили, если-бы итальянской оперы не было. Всѣ очень мило смѣялись. Я не захотѣлъ настаивать на своемъ успѣхѣ и снова пошелъ въ буфетъ и нарочно долго тамъ остался, а то-бы пришлось подходить къ другимъ барышнямъ, а я рѣшилъ, что это будетъ нехорошо: могутъ подумать, что я за всѣми ухаживаю, и это мнѣ повредило-бы въ глазахъ Наладиныхъ.

— Совершенно вѣрно, согласился Алексѣй,— осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Потомъ, въ карточной, я подсѣлъ къ Наладину и все время подсказывалъ ему ходы. Ему это было очень пріятно. Я ему сказалъ, что когда я женюсь, то не буду играть въ карты, потому, что молодыя жены этого не любятъ, и вотъ говорю «напримѣръ, Антонина Ивановна терпѣть не можетъ картъ». Онъ конечно, понялъ, но ничего не сказалъ. Потомъ я уговаривалъ его выпить крюшончика. Онъ отказался. Тогда я пошелъ къ его женѣ и сказалъ, что я очень взволнованъ. Я дѣйствительно, тотъ, какъ его, былъ очень взволнованъ. Она это увидѣла и стала уговаривать, чтобы я успокоился. Тутъ я ясно намекнулъ, что я не могу успокоиться, что у меня душа полна страданій, а она, представь себѣ, чутьли не сердито говоритъ: «завтра все пройдетъ»... Это неопровержимо, она дала мнѣ понять, что сегодня мои страданія кончаются, и даже разсердилась на мою притворную непонятливость. Не могъ-же я ей кинуться на шею и благодарить! Но я очень прочувствованно на нее посмотрѣлъ. Въ это время стали играть мазурку. Я хотѣлъ идти за ея дочерью, но она остановила меня, сказавъ: «сегодня вы съ нею лучше не танцуйте»... Понимаешь, какая глубокая деликатность! Это значитъ, что мы уже другъ для друга не чужіе, что всѣ это знаютъ и что я долженъ держать себя очень сдержанно, пока предложеніе не сдѣлано. Я и ушелъ опять въ буфетъ... Тутъ скоро и ужинъ подоспѣлъ. Я нарочно сидѣлъ очень задумчивый и всѣ это замѣтили, кивали на меня, перешептывались. Очевидно, вѣсть о предстоящей свадьбѣ облетѣла весь столъ. Но я притворялся будто ничего не замѣчаю... Но все-таки надо

было дать понять, знаешь... Тогда, немного до конца ужина, я вышелъ изъ-за стола, пробрался въ залу, сѣлъ за рояль и, самъ себѣ акомпанируя, запѣлъ арію изъ «Онѣгина», знаешь «куда, куда, куда вы удалились»...

— Да, знаю, ты замѣчательно хорошо это поешь. Мнѣ очень нравится.

— Имъ тоже очень понравилось, но тутъ пришелъ этотъ нахалъ таперъ и сказалъ, что его послали играть для котильона. Ты знаешь, я не люблю, чтобы со мной нахальничали. Кромѣ того, неловко было-бы, если-бы Наладины подумали, что со мной можно не церемониться. Я и пробралъ этого мерзавца, такъ что стекла затрещали. Я страшно разсердился. Но это произвело хорошее впечатлѣніе. Хозяева предо мною извинились. Тонечки я больше не видѣлъ. Вѣроятно, она тоже была взволнована. Она хорошенькая. Я люблю блондинокъ. Когда передо мною извинились, я, тотъ, какъ его, поѣхалъ домой. Сегодня я дѣлаю предложеніе.

— Браво! Молодецъ! Я же говорилъ, что и наша звѣзда взойдетъ!—вскрикнулъ Алексѣй Васильевичъ,—вѣдь тамъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти тысячъ приданаго.

— Да, около того,—пренебрежительно проговорилъ его братъ,—конечно, on pourrait trouver mieux...

— Ну, и это превосходно... Знаешь, меня только одно безпокоитъ... Ты за самою барышней вчера мало ухаживалъ... Ты все съ ея родителями бесѣдовалъ, а ей такъ и не признался въ любви.

Василій Васильевичъ призадумался немного.

— Нѣтъ, ничего, — проговорилъ онъ. — Она знаетъ. У меня лицо очень выразительное... Мнѣ сейчасъ пора собираться. Сдѣлаю предложеніе... Сегодня двѣнадцатое декабря... Свадьбу назначимъ на седьмое января... Надо такихъ подобрать шаферовъ, чтобы въ носъ ударило...

— Да, да...а какъ думаешь, сразу можно будетъ получить деньги?

— А то какже! Я, братъ, церемониться не люблю. Какъ изъ церкви выйдемъ, сейчасъ родителей за бока... Пятьдесятъ тысячъ тебѣ, двадцать тысячъ на поѣздку въ Парижъ... А на остальныя домъ куплю, шикарный особнякъ. Тесть будетъ, навѣрно, кромѣ того, ежегодно отпускать деньги. Богатъ вѣдь, каналья...

— Ну, дай тебѣ Богъ, я очень радъ... А я, все-таки, пойду на службу... Я хочу объясниться съ вице-директоромъ. Открылась вакансія младшаго дѣлопроизводителя. Надо, чтобы мнѣ ее дали. И навѣрное дадутъ. Я вчера представилъ громадную работу, не текущую, понимаешь, не обязательную. Особенную.

— Да, я знаю, проектъ новаго закона о единствѣ ломбардовъ.

— Именно. Это замѣчательная мысль. Я написалъ все, проектъ,—положеніе, уставъ, представленіе и даже, для полноты, написалъ примѣрные отзывы изъ всѣхъ министерствъ. У меня было заготовлено давно, а вчера я закончилъ и сдалъ регистратору для отсылки вице-директору. Ты понимаешь, что теперь обстоятельства измѣнились. Восемь лѣтъ насъ съ тобою держали безъ должности. Тебѣ-то все равно, у тебя другая дорога, но мнѣ-то, при моихъ работахъ! Я теперь могу

принять должность младшаго дѣлопроизводителя только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы меня въ теченіе этой-же зимы сдѣлали старшимъ, вернули старшинство, т. е. произвели въ коллежскіе ассесоры. Наконецъ, могутъ дать къ Пасхѣ чинъ надворнаго, а тогда я немедленно перейду въ центральный департаментъ на должность пятаго класса, съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ вернуться въ министерство вице-директоромъ. Тутъ твоя свадьба мнѣ очень поможетъ. Я, съ деньгами, легко заведу связи.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ!—оживился Василій Васильевичъ,—все можетъ быстро измѣниться къ лучшему! Это, братъ, борьба за существованіе!

— Такъ я пойду. Я уже опоздалъ немного. До свиданья... Ты гдѣ обѣдаешь сегодня?

— Конечно у Наладиныхъ. Они меня оставятъ у себя, торжество будетъ. Дай-же денегъ.

— Вотъ... Куда ни шло... Возьми пятнадцать... Хозяйка подождетъ.

— Еще-бы! Я ее такъ пугну градоначальникомъ, что она своихъ не узнаетъ.

II.

Прибывъ въ министерство, Алексѣй Васильевичъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ себя чувствуетъ вовсе не такимъ, какъ въ другіе дни. Конечно, отнынѣ все по новому пойдетъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ они съ братомъ причислены «для занятій» къ департаменту административныхъ дѣлъ, и за все это время не добился онъ ни назначенія, ни почетной награды. Василію все-равно:

онъ намѣренно отказывается отъ всякой работы, не желая мѣшать брату и поставивъ себѣ другія цѣли. Но онъ-то, Алексѣй, кажется, не мало отличился. Разумѣется, теперь онъ блестяще поправилъ всѣ обстоятельства составленіемъ проекта по вопросу о единствѣ ссудныхъ кассъ. Въ такихъ вопросахъ важна иниціатива. Онъ не ждалъ, чтобы ему заказали работу. Мало того, онъ самъ ее выдумалъ и теперь, навѣрно, директоръ и вице-директоръ поражаются блестящимъ исполненіемъ этого труда, удивляются стилистическимъ и организаторскимъ способностямъ составителя.

— Болванъ! Принимай-же скорѣй пальто!— властно прикрикнулъ онъ на швейцара.

Онъ уже сознавалъ себя силой, требовалъ поклоненія и заискивающей почтительности.

Гордо онъ пошелъ по лѣстницѣ. На встрѣчныхъ лицахъ онъ искалъ признаковъ того, что все министерство узнало о его выдающемся успѣхѣ. Но всѣ смотрѣли на него довольно равнодушно. Очевидно, вѣсть не успѣла разойтись по вѣдомству.

«Хорошо-бы именно здѣсь сдѣлаться начальникомъ!»—думалъ онъ, и въ немъ шевелилась особенная сила, составившаяся изъ всѣхъ перенесенныхъ, за восемь лѣтъ безплодной службы, огорченій. Хотѣлось стать властью, приказывать, дозволять, запрещать, главнымъ образомъ запрещать и дѣлать строгіе выговоры.

Такіе люди чужими слезами смываютъ съ своей души наслоенія желчи и зависти, образовавшіяся въ годы неудачъ.

— Вы куда это?—строго окликнулъ онъ на второй площадкѣ чиновника для письма.

Тотъ оторопѣлъ, проговорилъ съ запинкой:

— За справкой, въ архивъ.

— А развѣ телефона у насъ нѣтъ? Не можете по телефону спросить? Вамъ-бы лишь пробѣжаться, знаю я васъ... Ну, такъ и быть, идите... Но впредь будьте болѣе прилежны.

Чиновникъ для письма пошелъ дальше, озадаченный. Ужь не получилъ-ли Присельскій важное назначеніе?

«Пробирать ихъ надо,—разсуждалъ Алексѣй Васильевичъ.—Какъ только я буду назначенъ младшимъ дѣлопроизводителемъ, то попрошу, чтобы мнѣ отрядили команду такихъ молодцовъ. Живо шелковыми станутъ. Сегодня мнѣ объявятъ о предстоящемъ назначеніи, а дня черезъ три приказъ будетъ подписанъ. У брата будутъ деньги. У меня — власть. При такихъ условіяхъ жить можно!»

Онъ рѣшилъ: мы молодцы!

Вереницею корридоровъ добрался онъ до своего департамента и тотчасъ-же прошелъ въ комнату регистратора.

— Здравствуйте... Вы вчера отправили мой пакетъ по назначенію?

— Да, онъ въ настоящее время находится у Модеста Александровича.

— А Модестъ Александровичъ здѣсь, у себя въ набинетѣ?

— Да.

Присельскій милостиво кивнулъ и направился въ ту комнату, гдѣ ему и другимъ причисленнымъ полагалось заниматься. «Меня навѣрно вызовутъ»,—думалъ онъ.—«Надо быть на готовѣ».

— А, Гопченко, здравствуй, сказалъ онъ,

увидѣвъ товарища, уныло сидящаго за письменнымъ столомъ,—что дѣлаешь?

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на Алексѣя Васильевича и испуганнымъ тономъ произнесъ:—А?!

Это было худощавое, забитое существо, сгорбленный брюнетъ лѣтъ тридцати съ тонкими длинными усами и тревожнымъ выраженіемъ лица. Надъ нимъ всѣ смѣялись, издѣвались надъ его болѣзненною глупостью. Совершенно безвольный, боящійся всего и всѣмъ поддающійся, онъ былъ чрезвычайно удобенъ на досугѣ, для остротъ. Никому неизвѣстно было, зачѣмъ его причислили къ министерству, такъ какъ онъ самъ понималъ свою непригодность къ занятію должности и однажды едва не заплакалъ, когда по департаменту прошелъ ошибочный слухъ о намѣреніи начальства его куда-то кѣмъ-то назначить. Но онъ ежедневно являлся на службу, садился на опредѣленное мѣсто, читалъ старыя дѣла и почтительно изгибался при видѣ старшихъ. Говорили, что у него есть сестра, совсѣмъ такая-же, какъ онъ, и что у нихъ имѣется нѣдурное состояньице, оставленное отцомъ, умершимъ въ бѣлой горячкѣ.

— Ты все читаешь?—переспросилъ Алексѣй Васильевичъ,—это хорошо. Директоръ приказалъ, чтобы ты читалъ только правыя страницы, а лѣвыхъ не читалъ.

— Лѣвыхъ не читалъ?—удрученно спросилъ Гопченко и тотчасъ же покорился:—хорошо, мнѣ все равно.

— Дуракъ, я съ тобой пошутилъ. Что, изъ полуначальственныхъ сегодня никого нѣтъ?

— Не знаю. Я не знаю. Я никого не видѣлъ. Никого.

— Я подалъ проектъ по вопросу о единствѣ ссудныхъ кассъ, понимаешь?—торжественно началъ Присельскій, но увидѣлъ, что его сообщеніе ни мало не дѣйствуетъ на слушателя.

— Дуракъ, ласково повторилъ онъ и пошелъ искать другихъ собесѣдниковъ.

Въ сосѣдней комнатѣ начальникъ отдѣленія и два дѣлопроизводителя сдѣлали Алексѣю Васильевичу овацію:

— Слышали! Слышали! Ну, братъ, отличился! Проектъ составилъ и никому изъ насъ не говорилъ!

Все это были люди, поступившіе на службу послѣ Присельскаго и обогнавшіе его.

— А что?—весело спросилъ тотъ, польщенный,—вы не слышали, Модестъ Александровичъ доволенъ?

— Вѣроятно... Онъ намъ ничего не говорилъ. Ельскій былъ у него въ кабинетѣ и подсмотрѣлъ, что на столѣ лежитъ толстая тетрадь, написанная твоей рукой, а на первой страницѣ резолюція его превосходительства.

— Какого? Директора? Какая резолюція?—заволновался Алексѣй Васильевичъ, которому стали мерещиться благодарственные отзывы и упоминанія о наградахъ.

— Чрезвычайно загадочная. Изволили поставить вопросъ: «что это значитъ?» и, поставивъ, подчеркнуть краснымъ карандашемъ.

Присельскій нахмурился.—Странно, проговорилъ онъ.—А какъ вы думаете, теперь должность дадутъ?

— Все отъ усмотрѣнія начальства зависитъ. Отчего-же нѣтъ. Вакансія открылась. Тебѣ или твоему брату.

— Да развѣ братъ написалъ проектъ! Что за глупость! И брату этого не нужно. Онъ женится и беретъ полтора милліона приданаго.

Слушатели отнеслись къ этимъ словамъ съ явнымъ недовѣріемъ. Одинъ изъ нихъ даже сказалъ:

— Итакъ, нахваставъ на значительную сумму, ты свободно можешь перебраться въ другое помѣщеніе.

— Ну, вотъ еще! Я не вру! Свадьба будетъ объявлена черезъ двѣ недѣли.

— Вотъ и ошибаешься... до перваго апрѣля осталось гораздо больше времени.

— Черти, презрительно произнесъ Алексѣй Васильевичъ,—у кого изъ васъ есть папироса?..

Онъ закурилъ, развалился на кожаный диванъ и долго пыхтѣлъ, соображая, пока сослуживцы углублялись въ работу. Въ немъ поднималось чувство жалости къ нимъ, къ людямъ безъ «горизонтовъ». Везетъ имъ, а вѣдь всѣ они лишены иниціативы... Ну, кто бы изъ нихъ догадался написать непрошенный, незаказанный трудъ, кто изъ нихъ умѣетъ думать о предметахъ, непредусмотрѣнныхъ начальствомъ? Конечно, ни одинъ. А онъ можетъ. «Это въ крови Присельскихъ», рѣшилъ онъ.

— Послушайте,—спросилъ онъ вдругъ,—а теперь окончательно выяснилось, что вакансія младшаго дѣлопроизводителя свободна? Мнѣ нужно это знать въ точности, для соображенія.

— Не только освободилась, но даже у директора имѣется кандидатъ,—отвѣтили ему.

Присельскій встрепенулся.

— Кандидатъ? У директора? Кто говорилъ?

Но тутъ-же успокоился и прибавилъ:

— Вѣроятно, обо мнѣ идетъ рѣчь. Скажите прямо.

— Нѣтъ, не о тебѣ. Модестъ Александровичъ сказалъ, что директоръ беретъ кого-то изъ финансовъ.

Алексѣй Васильевичъ покраснѣлъ отъ злости. Ничего подобнаго онъ не предвидѣлъ.

— Что? Изъ финансовъ? Это безобразіе! Когда-же это безобразіе прекратится... Я такъ не оставлю... Я пойду къ вице-директору.

Онъ всталъ, грузно зашагалъ по комнатѣ, красный, какъ хорошо свареный омаръ.

— Проходимцевъ какихъ-то сажаютъ, не вознаграждаютъ трудовъ, эксплоатируютъ...

— Полно, успокойся!—уговаривали его,—ну, слѣдующую вакансію получишь.

— Я уже восемнадцать пропустилъ ихъ въ одномъ этомъ году... Я пойду къ Модесту Александровичу.

Онъ вышелъ въ корридоръ, сказалъ курьеру:—доложи вице-директору.

У самыхъ дверей онъ нѣсколько притихъ, сталъ обдумывать вступленіе своей рѣчи.

— Просятъ, объявилъ курьеръ, раскрывая дверь вице-директорскаго кабинета.

Присельскій вошелъ, съ гораздо меньшею увѣренностью въ себѣ, нежели онъ раньше предполагалъ.

Модестъ Александровичъ Вейсъ, съ наружностью невозмутимаго остзейца, быстро писалъ что-то, за столомъ, гдѣ въ папкахъ громоздились казенныя бумаги. При входѣ Алексѣя Васильевича онъ привсталъ, протянулъ ему руку и, обычнымъ жестомъ указавъ на стулъ, сказалъ:

— Прошу садиться. Что прикажете?

— Ваше превосходительство — началъ было Присельскій, но Вейсъ прервалъ:

— Я васъ прошу садиться. Мнѣ неудобно, когда со мною говорятъ стоя, а я сижу.

Алексѣй Васильевичъ покорно опустился на стулъ.

— Ваше превосходительство, мнѣ желательно было-бы знать о судьбѣ моей работы.

Модестъ Александровичъ медленно перебралъ нѣсколько папокъ, раскрылъ одну изъ нихъ.— Это?—спросилъ онъ.

— Да, ваше превосходительство, проектъ представленія по вопросу о единствѣ...

— Да, да, — перебилъ вице-директоръ, — оказывается, что вы по собственному почину его составили. Директоръ очень удивился, а я вѣдь не поручалъ вамъ ничего подобнаго. Впрочемъ, дѣло не въ этомъ. Вопросъ, затрогиваемый вами, не имѣетъ ровно никакого практическаго значенія, и приходилось-бы пожалѣть о напрасныхъ вашихъ трудахъ, если-бы выполненіе работы не было столь мало соотвѣтствующимъ требованіямъ дѣла. Вы, очевидно, не имѣли еще случая ознакомиться съ фактурою представленій.

Присельскій былъ до крайности смущенъ и не находилъ словъ. Какъ, его работа оказывается никуда не годной! А онъ столько возлагалъ на нее надеждъ! Какъ-же теперь относительно назначенія...

Словно рухнуло въ немъ что-то, и онъ пыхтѣлъ, красный, жалкій.

Вице-директоръ продолжалъ:

— Наконецъ, я долженъ вамъ сообщить, что

директоръ, съ которымъ я имѣлъ случай сегодня утромъ бесѣдовать, повидимому остался крайне недоволенъ тѣмъ, что вы на подобное занятіе расходуете время, болѣе нужное для другихъ, иногда поручаемыхъ вамъ текущихъ работъ. Съ своей стороны, я предпочелъ-бы видѣть въ васъ и въ вашемъ братѣ то простое и дѣловое отношеніе къ службѣ, которое я привыкъ замѣчать въ вашихъ сослуживцахъ...

— Мой братъ не хочетъ...—вырвалось было у Алексѣя Васильевича, и онъ запнулся.

— Чего собственно вашъ братъ не хочетъ? спросилъ Модестъ Александровичъ, безстрастно.

Будь на это дано время, Присельскій успѣлъ-бы придумать что-нибудь, но надо было отвѣтить сейчасъ-же, поневолѣ сказать правду и вдаваться въ интимныя подробности.

— Мой братъ не ищетъ должности. Онъ желаетъ служить только изъ чести...

— Такъ-съ. А вы? Вы стремитесь получить назначеніе? Какое?

— Младшаго дѣлопроизводителя, ваше превосходительство. Имѣется вакансія...

Вейсъ неопредѣленно повелъ губами. Ему очень непріятно стало. Онъ не зналъ, отдѣлываться-ли ему общими фразами, или безжалостно заявить, что никакихъ надеждъ не должно быть. Правдивость пересилила.

— Да, имѣется вакансія, протяжно произнесъ онъ,—но она предоставляется другому. Вообще, въ силу обстоятельствъ, о которыхъ я считалъ бы неудобнымъ распространяться, вамъ слѣдовало-бы отложить всякое попеченіе о карьерѣ въ нашемъ вѣдомствѣ. Я вамъ откровенно совѣтую пе-

рейти въ другое министерство. Съ нашей стороны будетъ данъ возможно благопріятный отзывъ.

Сказалъ это Модестъ Александровичъ и раскаялся, до того измѣнилась физіономія Присельскаго. Можно было ожидать, что съ нимъ сдѣлается ударъ. Совершенно пунцовый, онъ всталъ и раза три ударилъ себя въ грудь, точно выбивая изъ себя слова, не находившія выхода.

— Это вы говорите мнѣ! вырвалось у него наконецъ, — мнѣ! Мои работы негодятся... мое усердіе не цѣнится!..

— Полно, перестаньте, ласково проговорилъ Вейсъ,—я высказалъ только свое предположеніе и отъ души вамъ желаю успѣха... но условія службы таковы, что... Простите, у меня много работы.

Онъ привсталъ, протянулъ руку. Алексѣй Васильевичъ потрясъ ее и вышелъ изъ кабинета.

Злость колыхала его. Болѣе чѣмъ когда-либо считалъ онъ себя достойнымъ быстрыхъ повышеній... все несправедливость, непотизмъ, кумовство!—мысленно бухалъ онъ и неудержимо пыхтѣлъ. О, онъ покажетъ имъ, когда пробьется.

— Ну, что? встрѣтили его сослуживцы, — объяснился съ вице-директоромъ?

Присельскій хмуро повелъ глазами.

— Отдѣлалъ его. Я ему сказалъ, что онъ мерзавецъ.

— О! О! Такъ-таки прямо! раздались недовѣрчивые возгласы,—что-же, онъ обѣщалъ подать въ отставку?

— Болваны! выругался Алексѣй Васильевичъ.— Конечно, я въ вѣжливой формѣ. Каналья объявилъ, что меня не назначатъ, но что онъ самъ желаетъ мнѣ всякихъ успѣховъ.

— Очевидно, это интрига министра... Да, и везетъ-же тебѣ... Сейчасъ приходилъ Добервиль, изъ канцеляріи, и клялся, что министръ подаетъ въ отставку, по болѣзни... Доктора требуютъ его немедленнаго отъѣзда на югъ... Новый министръ тебя назначитъ.

— И все вы врете! разсердился Присельскій и пошелъ въ другую комнату.

Тамъ все сидѣлъ Гопченко, сидѣлъ и читалъ старыя дѣла.

— Слышалъ, обратился къ нему Алексѣй Васильевичъ, — слышалъ, какую подлость дѣлаютъ со мной?

— О! испугался Гопченко, точно обжегся, — какую такую подлость?

Присельскій ему объяснилъ, довольный тѣмъ, что нашелъ почтительнаго слушателя.

— Ты понимаешь, что мнѣ послѣ этого оставаться въ министерствѣ нельзя. Я хочу проситься въ земледѣліе. И ты, дуракъ, чего корпишь тутъ! Ничего не добьешься. Пойдемъ вмѣстѣ.

— Пойдемъ, покорно согласился Гопченко и всталъ, какъ будто требовалось идти «въ земледѣліе» немедленно.

— Садись. Не сегодня. Я подожду свадьбы своего брата. Въ новомъ вицъ-мундирѣ пойду.

Тщедушный хохолъ одобрилъ:

— Да, въ новомъ... Я тоже пойду въ новомъ. Я попрошу денегъ у сестры. Она богата.

Алексѣй Васильевичъ удивился.

— Какъ, у тебя имѣется сестра съ деньгами.

— Да. У нея сорокъ тысячъ приданаго. Отъ дѣдушки. Но никто ее замужъ не беретъ. Говорятъ: глупа и некрасива.

— Съ лица не воду пить, глубокомысленно замѣтилъ Присельскій, — но сорокъ тысячъ не деньги. Мой братъ беретъ состояніе. Онъ женится на Антонинѣ Ивановнѣ Наладиной... Но какую подлость со мной сдѣлали!

Впечатлѣніе внезапно уничтоженныхъ надеждъ вернулось къ нему съ новой силой. Безсильная злоба сливалась съ безпросвѣтной тоской. Дураки! Утѣшаются тѣмъ, что будетъ скоро другой министръ! Который годъ ходятъ слухи о перемѣнахъ, а ничего изъ этого не выходитъ... Братъ женится... получить отъ него денегъ и въ отставку подать... Нѣтъ, въ отставку нельзя... Путемъ служебнымъ до власти дойдешь.

Въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа пошелъ онъ, въ пятомъ часу, домой.

По дорогѣ, горькія чувства въ немъ росли. Такое было ощущеніе, словно люди до сихъ поръ продолжаютъ считать его, сорокалѣтняго, широкоплечаго, громаднаго, — глупымъ и смѣшнымъ ребенкомъ, словно все человѣчество старше его и имѣетъ право ставить его въ уголъ. Постоянно выростаютъ надежды и немедленно разрушаются. Пыль отъ этихъ надеждъ мусоромъ лежитъ въ душѣ.

Нѣтъ свѣта въ жизни. Тусклая тоска заѣдаетъ. Чувства вялы, дряблы, хворы.

Самоубійство? мелькнуло въ головѣ Алексѣя Васильевича. Но онъ быстро оставилъ эту мысль.

Напиться? Въ карманѣ около пятнадцати рублей... Отправиться въ ресторанъ и истратить ихъ?

На этомъ менѣе трагическомъ рѣшеніи Присельскій остановился.

Онъ прибавилъ шагу и нечаянно толкнулъ

рослаго старика. Пробормотавъ извиненіе, онъ хотѣлъ спѣшить дальше, но старикъ его окликнулъ:

— Monsieur Присельскій... Дайте-же два слова услышать отъ васъ.

Алексѣй Васильевичъ оглянулся и былъ пріятно удивленъ, узнавъ сенатора князя Чернскаго, котораго часто встрѣчалъ у Ардатовыхъ, на винтовыхъ, вечерахъ.

— Ахъ, ваше сіятельство, извините... Простите, пожалуйста, я васъ не узналъ.

— Куда-же вы такъ торопитесь? Порученія строгаго начальства?

Мигомъ Присельскій сообразилъ, что слѣдуетъ соврать.

— Да, громадную работу дали. Спѣшу домой, писать надо.

— А въ городѣ говорятъ, что вашъ министръ хочетъ идти на покой.

— Да, говорятъ,—съ важностью подтвердилъ Алексѣй Васильевичъ,—по всѣмъ признакамъ, это вѣрный слухъ. Въ томъ департаментѣ, гдѣ я служу, замѣчается по этому поводу тревога. Мнѣ еще сегодня говорилъ вице-директоръ, что его высокопревосходительство не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ.

— Такъ... такъ... Ну, до свиданія, Василій Васильевичъ.

— Да я не Василій, а Алексѣй. Василій—это мой братъ...

Чернскій сконфузился. — Представьте, такое сходство...

Разставшись съ княземъ, Присельскій, болѣе бодрый, нежели былъ за полчаса передъ тѣмъ, ускорилъ шагъ по направленію къ ресторану.

III.

Послѣ ухода брата, Василій Васильевичъ сталъ медленно одѣваться.

Настроеніе духа его было великолѣпное, и онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на себя въ зеркало, вспоминая выраженіе Антонины Ивановны Наладиной «blond vénitien». Сомнѣній въ предстоящей свадьбѣ онъ не допускалъ. Весь вопросъ сводился для него къ тому, дѣйствительно-ли дадутъ такое большое приданое, какъ объ этомъ толкуютъ.

Наконецъ-то прекращается тоска по поводу отсутствія денегъ. Онъ женится, а братъ дѣлаетъ карьеру.

Василій Васильевичъ одѣлся особенно тщательно. Представилось нѣкоторое затрудненіе въ дѣлѣ выбора рубашки, потому-что онѣ всѣ отличались изъянами, и слѣдовало рѣшить, что̀ менѣе замѣтно: худой воротникъ или пострадавшія манжетки. Галстукъ былъ выбранъ свѣтлый, усы энергично закручены, прическа старательно закончена.

Половина третьяго. Надо скорѣе напиться чаю и идти. Въ сосѣдней комнатѣ, около потухшаго самовара, стоялъ стаканъ холоднаго чая. Присельскій залпомъ выпилъ его, закурилъ папироску и рѣшилъ отдать пять минутъ соображеніямъ. Прежде всего, слѣдуетъ-ли покупать букетъ?

Люди, входящія въ комнату со связкою цвѣтовъ, всегда чувствуютъ себя неловко. Это странно, но это такъ. Послать букетъ изъ магазина, съ визитной карточкой... Неудобно. И Василій

Васильевичъ не безъ удовольствія пришелъ къ тому выводу, что, пока онъ не объявленъ женихомъ, никакіе подарки не обязательны. А на жениховскія подношенія можно будетъ занять денегъ у того-же Ивана Петровича. Будущему зятю не отказываютъ, иначе онъ можетъ разсердиться и отказаться отъ намѣренія вступить въ бракъ.

Итакъ, пятнадцать рублей остаются въ полной неприкосновенности.

Бросивъ послѣдній инспекторскій взглядъ на свой сюртукъ, Присельскій надѣлъ пальто, цилиндръ и галоши и взялъ тросточку. Нѣкоторое волненіе овладѣло имъ, при мысли о томъ, что онъ приближается къ минутѣ торжества, но сейчасъ-же волненіе это перешло въ безпокойство, такъ какъ онъ подумалъ, что въ корридорѣ легко встрѣтить хозяйку, а хозяйка ужасно зла на тѣ двадцать-пять рублей, которые она за прошлый мѣсяцъ не дополучила.

Судьба покровительствовала Василію Васильевичу. Хозяйки въ корридорѣ не оказалось.

Быстро спустился онъ по лѣстницѣ и съ торжествующимъ видомъ вышелъ на улицу. Свѣжій воздухъ окончательно подбодрилъ его, и онъ рѣшилъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы побѣдить съ блескомъ. Для этого, прежде всего, надо было побриться и подушиться слегка.

Онъ зашелъ къ ближайшему парикмахеру, съ важностью разсѣлся, отдалъ нѣсколько краткихъ приказаній относительно своей бороды и усовъ.— И поскорѣй! закончилъ онъ.

Но самъ затянулъ дѣло, требуя поправокъ и измѣненій. Въ немъ явилась нервность. Успокоился

онъ только подъ конецъ, когда рѣшенъ былъ вопросъ о проборѣ.

Отъ парикмахера онъ пошелъ пѣшкомъ. Былъ четвертый часъ. Наладины жили на Сергіевской. Лучше всего идти пѣшкомъ; рѣшилъ онъ. Въ сущности, если я заберусь рано, то долго придется ждать, пока всѣ передобѣденные гости удалятся.

Мѣрно шагая, онъ съ большой увѣренностью подвигался впередъ. Достаточно предвкусивъ ожидаемое обогащеніе, онъ сталъ думать о томъ, что, помимо всего остального, женится на прехорошенькой блондинкѣ. И, между прочимъ, онъ конечно въ нее влюбленъ. Главнымъ образомъ, пріятно то, что она его любитъ. Также пріятно, что онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на ея родителей. Они убѣдятся въ томъ, что онъ человѣкъ остроумный, находчивый, получившій блестящее воспитаніе и могущій проложить себѣ дорогу въ обществѣ.

Сегодня, разумѣется, все рѣшится. Онъ сдѣлаетъ предложеніе. Его ждутъ. Оно будетъ принято. Къ кому обратиться?—Сперва къ Тонечкѣ?—Конечно. Поменьше формальностей. И требовать, чтобы свадьба была отпразднована какъ можно скорѣй. Надоѣло ждать.

И онъ снова сталъ думать о томъ, что Тонечка хорошенькая блондинка.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ Сергіевской улицѣ, гдѣ жили Наладины, его взгляды на жизнь принимали все болѣе и болѣе розовый характеръ. Самоувѣренность его была настолько велика, что избытокъ ея перерождался въ непоколебимыя надежды, въ какое-то нахальное отношеніе къ будущему.

«Такіе какъ я,—думалъ онъ,—въ жизни всегда одерживаютъ верхъ. Это справедливо».

Показался, наконецъ, знакомый подъѣздъ. Тутъ у Василія Васильевича слегка защемило въ сердцѣ.

А что если скажутъ: мы согласны, но просимъ подождать годъ... Тоня еще слишкомъ молода!

Будетъ досадно. Ждать цѣлый годъ! Съ такой квартирной хозяйкой.

Къ подъѣзду подкатила карета, потомъ двое саней прискользнули, и лица, знакомыя Присельскому, быстро вошли въ домъ. Все это поздравители. Непріятно, что придется пережидать ихъ долго.

Пріосанившись, Василій Васильевичъ пошелъ быстрѣй, съ гордымъ видомъ.

Съ той-же гордою осанкой вошелъ онъ въ подъѣздъ и сталъ передъ зеркаломъ вестибюля разстегивать пальто.

— Вы изволите идти къ Наладинымъ,—спросилъ внушительнаго вида швейцаръ, подходя.

— Ну, да, къ Наладинымъ,—небрежно отвѣтилъ Присельскій,—что за вопросы! Калоши возьми.

— У господъ Наладиныхъ сегодня никого дома нѣтъ и они не скоро вернутся...

Василій Васильевичъ вспыхнулъ и закричалъ на всю лѣстницу:

— Что за глупости! Ты пьянъ! Сегодня у нихъ праздникъ, и я самъ видѣлъ, что у нихъ гости собираются.

— Вы господинъ Присельскій?—спросилъ швейцаръ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, повторилъ:—Дома нѣтъ.

Не пришло даже Василію Васильевичу въ голову, что его могутъ не принять. Очевидно, швей-

царъ выпилъ или нахальничаетъ потому, что давно не получалъ отъ него на чай.

Ничего не говоря, но красный отъ злости, Присельскій сбросилъ пальто и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Нельзя-съ, нельзя-съ!—заволновался швейцаръ и кинулся было за нимъ, но отступилъ передъ угрожающимъ видомъ гостя.—Дуракъ! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь!

Василій Васильевичъ былъ совершенно пьянъ отъ гнѣва, когда звонилъ у двери квартиры Наладиныхъ.

— Дома?—спросилъ онъ лакея и, не дожидаясь отвѣта, шумно ввалился въ переднюю и громкимъ, дрожащимъ голосомъ приказалъ:

— Доложи: Присельскій.

Изъ гостиной доносился шумъ голосовъ. Рѣзкій хохотъ Тони сверкалъ яснымъ нотками на густомъ фонѣ мужскихъ басовъ. И этотъ идіотъ-швейцаръ смѣетъ утверждать, что дома нѣтъ! Надо потребовать его удаленія. Теперь всѣ желанія будутъ исполняться.

Василій Васильевичъ, прихорашиваясь передъ зеркаломъ, немного успокоился.

Вдругъ, въ гостиной стало совсѣмъ тихо. Мѣрный, отчетливый голосъ Ивана Петровича Наладина произнесъ:

— Вѣдь я говорилъ, чтобы больше не принимать. Бѣда съ этою новою прислугой.

Съ Присельскимъ едва не сдѣлался ударъ. Онъ понялъ. Его, именно его одного, принять не желаютъ. Случилось что-то непонятное, возмутительное. Всѣ надежды пошли прахомъ. Его гонятъ. Его не хотятъ видѣть. И вдругъ, мигъ просвѣтлѣнія нарисовалъ ему всю картину его поведенія у Бучининыхъ. Ему стало ясно, что могли обидѣться. Онъ сообразилъ, что былъ наканунѣ пьянъ. Все пропало. Потеряно все!

Поспѣшно, не ожидая возвращенія лакея, Василій Васильевичъ вышелъ на лѣстницу, заперъ за собою дверь. На площадкѣ онъ постоялъ немного, тяжело дыша. Давнишній плаксивый мальчикъ пробуждался въ немъ. Ему хотѣлось топать ногами и кричать:—За что мнѣ все это, Боже мой!

Внизу хлопнула дверь. Кто-то спросилъ:

— Наладины принимаютъ?

— Такъ точно-съ.

Присельскій сталъ медленно спускаться съ лѣстницы. Навстрѣчу ему поднимался молодой полковникъ, котораго онъ часто видѣлъ у различныхъ общихъ знакомыхъ.

— А! Здравствуйте, Алексѣй Васильевичъ,— сказалъ полковникъ, обманутый сходствомъ.

Молча, Присельскій пожалъ ему руку. Въ вестибюлѣ онъ притворился безпечнымъ и замѣтилъ швейцару:

— Ты все перепуталъ... Это Василія Васильевича было приказано не принимать, а я Алексѣй Васильевичъ.

На улицѣ было уже настолько темно, что Присельскій могъ не стѣсняться прохожихъ и не скрывать своего волненія.

Съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ, густо красный, стиснувъ губы, онъ имѣлъ видъ человѣка, всѣ душевныя силы котораго сосредоточились на словѣ «расшибу»! Непосильный гнѣвъ опьянялъ его, гнѣвъ неопредѣленный, широкій,

безграничный, заливающій желчью все то, чего касалась мысль.

Случилось то, чего онъ никакъ не могъ ожидать. Обстоятельства довели его до самыхъ яркихъ надеждъ, и, вдругъ, все въ ничто превратилось. Всѣ планы рушились. Его снова бросило въ безпросвѣтную бѣдность.

— Мерзавцы!—прошепталъ онъ, сжимая мощные кулаки въ карманахъ.

...Люди гадки, подлы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Будь онъ богатъ или украшенъ звучнымъ титуломъ, всѣ бы наперерывъ стремились принять участіе въ счастіи его. А теперь онъ никому не нуженъ, и его просто приказываютъ не принимать. Одна надежда и осталась,—надежда на брата. Онъ устроился и поможетъ.

Ужь не идти-ли и мнѣ по служебной дорогѣ?—задалъ себѣ вопросъ Василій Васильевичъ.

Но эта мысль не долго въ немъ пробыла. Она шла слишкомъ въ разрѣзъ съ его обычными стремленіями.

Онъ шелъ, неуклюже переваливаясь съ бока на бокъ, не торопясь, съ такимъ чувствомъ, какъ будто ему вообще то идти некуда. Совѣстно будетъ передъ братомъ... Братъ такой умный, всегда устроится...

Когда онъ дошелъ до Невскаго, злость нѣсколько улеглась. Волною находило ощущеніе досады, особенно при мысли, что не только богатое приданое улыбнулось, но и хорошенькой жены не будетъ, Тони блондинки. Такъ онъ себя чувствовалъ, словно въ душѣ было электрическое освѣщеніе—и вдругъ погасло.

Поровнявшись съ Доминикомъ, онъ зашелъ

выпить рюмку водки и выпилъ ихъ двѣ, закусилъ икрой.

Послѣ этого ему стало легче, и мысли его сосредоточились на томъ, что въ карманѣ имѣется рублей тринадцать. Погулять немного и отправиться обѣдать въ ресторанъ... Въ такихъ случаяхъ очень полезно выпить.

— А я васъ опять встрѣчаю и очень этому радъ! остановилъ его князь Чернскій, — скажите, Алексѣй Васильевичъ, въ какіе именно часы могу я застать вашего министра, внѣ пріемнаго времени?

Василій Васильевичъ, низко кланяясь, отвѣтилъ:

— Вы, князь, принимаете меня за моего брата...

— Ахъ, простите... все не могу привыкнуть къ вашему удивительному сходству... простите, до свиданія.

Не успѣлъ Присельскій отойти на нѣсколько шаговъ, какъ раздалось около него:

— А когда же свадьба?

Это спрашивалъ веселый молодой человѣкъ изъ праздношатающихся. Василій Васильевичъ былъ съ нимъ на ты, но не зналъ его фамиліи

— Свадьба? переспросилъ онъ суровымъ тономъ,—какая?

Ему было очень непріятно. Что за дурацкій вопросъ! Надо что-нибудь соврать.

— Какая? Развѣ ты двухъ зайцевъ гоняешь? Я говорю о Наладиныхъ...

— О! презрительно протянулъ Присельскій,— я объ этомъ и не думаю. Наладины напрасно распускали такой слухъ, очевидно желая выдать за меня свою дочь, но я никогда не намѣревался жениться на ихъ дочери.

И тутъ-же рѣшилъ, что будетъ такъ говорить всѣмъ. Честь будетъ спасена.

Довольный произведеннымъ эффектомъ, онъ сказалъ:

— До свиданія... я тороплюсь. Мы съ братомъ обѣдаемъ во французскомъ посольствѣ, а передъ тѣмъ надо отдать визитъ сенатору Кинешемскому.

И быстро пошелъ по направленію къ излюбленному ресторану.

IV.

Въ общей залѣ ресторана, народа набралось еще не очень много. За однимъ изъ столиковъ сидѣли братья Присельскіе, оба грустные, оба успѣвшіе уже выпить порядочно.

Сошлись они въ ресторанѣ въ началѣ шестого часа и сразу поняли, взглянувъ другъ на друга, что дѣла плохи.

Въ одинъ годосъ спросили они:—Не выгораетъ?—и въ одинъ голосъ отвѣтили:—Не выгорѣло...

Они выпили у буфетной стойки по двѣ рюмки водки, потомъ прошли къ самому дальнему угловому столику и, потребовавъ два обѣда, начали дѣлиться впечатлѣніями. Каждый изъ нихъ сталъ возмущаться и огорчаться за своего брата. Долго разсказывали они, все болѣе и болѣе поддаваясь грусти. Ничего уже не было общаго съ утреннимъ ихъ настроеніемъ. Общая ненависть къ человѣчеству сближала ихъ, окончательно отожествляла ихъ души.

Сами того не замѣчая, они произносили одинаковыя слова, производили тожественные жесты и одновременно опоражнивали большія кружки пива.

— Итакъ, — резюмировалъ Алексѣй Васильевичъ, нѣсколько болѣе склонный къ обобщеніямъ,—въ настоящее время такимъ людямъ, какъ мы, остается только погибать, потому что мы интриговать и обманывать неспособны.

— Намъ болѣе дѣлать нечего,—согласился Василій Васильевичъ, — для того, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни, надо быть интриганомъ и шарлатаномъ. Это несомнѣнно.

— И развѣ это честно! Я видная сила въ министерствѣ. Я работаю болѣе, чѣмъ кто-либо. Съ дѣломъ я знакомъ лучше всѣхъ. Наконецъ, то впечатлѣніе, которое я произвелъ на товарищей своимъ проектомъ о единствѣ ссудныхъ кассъ, ясно доказываетъ, что такими людьми, какъ я, необходимо дорожить, чтобы удержать ихъ въ вѣдомствѣ... Но вѣдь я преданъ дѣлу... Мнѣ-бы ничего не стоило просить Чернскаго оказать мнѣ протекцію по другому министерству... Но я не хочу!

— Развѣ справедлива судьба! Я женихъ завидный, это всякій скажетъ. Я Присельскій, я благовоспитанъ, я сумѣлъ составить себѣ положеніе въ обществѣ, не смотря на полное отсутствіе средствъ. Наконецъ, то впечатлѣніе, которое я несомнѣнно произвелъ на Тонечку, ясно доказываетъ, что я могу нравиться... Но я всегда слишкомъ честенъ... Мнѣ-бы ничего не стоило ухаживать параллельно за нѣсколькими барышнями... Но я не захотѣлъ...

— Во всякомъ случаѣ, для тебя дѣло далеко

не потеряно. Богатыхъ и хорошихъ невѣстъ очень много. Кто тебѣ мѣшаетъ обратить всѣ свои стремленія на нихъ? Разъ на разъ не придется.

— А мнѣ кажется, что тебѣ не слѣдуетъ оставлять надежды. Ты временно поставленъ въ невыгодныя условія, потому что министръ тебя, очевидно, не любитъ. Кто тебѣ мѣшаетъ разсчитывать на то, что при другомъ министрѣ ты нагонишь все потерянное время? Все мѣняется на свѣтѣ.

— И то правда... Сегодня упорно говорили о томъ, что министръ подаетъ въ отставку по болѣзни...

— Видишь... А я постараюсь найти, съ своей стороны, такую невѣсту, что Наладины лопнутъ съ досады.

Послѣ такого рѣшенія, они допили свое пиво и потребовали еще. Смутныя надежды появились въ нихъ, постоянно разростаясь. Будущее представилось многообѣщающимъ. Нервность какая-то толкала впередъ, подсказывала, что не долго осталось ждать... Переживутъ они трудное время и будутъ съ избыткомъ вознаграждены.

Появилось у нихъ на столѣ еще пиво, еще и еще. Захмѣлѣли они, стали улыбаться.

Долго сидѣли они, очень долго, перекидываясь отрывочными фразами. Они не замѣчали, какъ проходило время, потому что минуты ускользали отъ ихъ вниманіи. И имъ было хорошо. Имъ нравилась ресторанная обстановка.

— Смотри, вотъ Павловичъ идетъ,—сказалъ Алексѣй Васильевичъ, въ одиннадцатомъ часу.

Павловичъ былъ богатый юноша, причисленный къ какому-то министерству и спеціалистъ по

распространенію достовѣрныхъ слуховъ. Увидѣвъ Присельскихъ, онъ направился къ нимъ, подсѣлъ къ ихъ столику.

— Здравствуйте... Алексѣй Васильевичъ, поздравляю съ обновкой. Отставка вашего министра принята.

Такого извѣстія было вполнѣ достаточно, чтобы сбить съ обоихъ братьевъ бо́льшую часть хмѣля. Но и за этимъ въ нихъ осталось столько пивного экстаза, что Алексѣй Васильевичъ вскрикнулъ «ура!», а Василій Васильевичъ, въ знакъ глубокой радости, стукнулъ по столу громаднымъ кулакомъ, причемъ опрокинулъ пепельницу.

Сосѣди оглянулись. Павловичъ сказалъ:

— Братья, тише. Вы смущаете народонаселеніе.

— А это вѣрно? Вѣрно? Вопросъ рѣшенный?— приставалъ Алексѣй,—вы, Константинъ Николаевичъ, не ошибаетесь?

— Кто вамъ сказалъ? Отъ кого вы слышали?— волновался Василій Васильевичъ.

— Ужь коль скоро я говорю, значитъ вѣрно... Человѣкъ, десятокъ устрицъ, на мелкую. Я сейчасъ былъ въ Александринкѣ, не досидѣлъ. Тоска страшная. Тамъ я встрѣтилъ вашего вице-директора, Вейса. Онъ мнѣ сказалъ, что сегодня въ шесть часовъ все было подписано, а потому и не составляетъ секрета...

— А кто новый?— спросилъ Алексѣй Васильевичъ,—назначенъ уже? Говорите-же...

— Да, назначенъ... сейчасъ... Человѣкъ, дайте мнѣ тоже пива... Назначенъ сенаторъ князь Чернскій.

Тутъ уже восторгъ Присельскихъ дошелъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Остолбенѣлые, они смо-

трѣли другъ на друга съ нѣмымъ восхищеніемъ. Имъ было ясно, что началось таки, наконецъ, покровительство судьбы... Линія пошла.

Когда съ нихъ сошло оцѣпенѣніе, они, одинаковымъ движеніемъ, радостно хлопнули Павловича по плечу и стали наперерывъ ему объяснять:

— Вы не могли принести лучшей вѣсти... Помилуйте, это такой министръ, о которомъ только и можно было мечтать... Мы съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ... Онъ насъ любитъ... Еще на прошлой недѣлѣ, онъ мнѣ говорилъ: «неужели у васъ все еще нѣтъ штатнаго мѣста».. Да, онъ брату говорилъ... А я сегодня его встрѣтилъ, и онъ меня принялъ за брата... И я его встрѣтилъ, и онъ тоже меня принялъ за брата... Онъ насъ хорошо знаетъ, онъ насъ любитъ... Теперь прошла эра несправедливостей и притѣсненій... Братъ получитъ должность... Да, я получу должность...

Павловичъ самодовольно прожевывалъ устрицу. Его радовало, что онъ произвелъ впечатлѣніе.

— Отчего же не каждому изъ васъ по хорошей должности?— спросилъ онъ.

— И то правда... Впрочемъ, нѣтъ, сказалъ Василій Васильевичъ, — служба — не мое призваніе. Я больше созданъ для общественной, земской дѣятельности. Дѣла поправятся, куплю имѣніе. Буду лѣтомъ хозяйничать, а зиму проводить въ свое удовольствіе.

— А я, конечно, получу сразу старшаго дѣлопроизводителя и вслѣдъ за тѣмъ начальника отдѣленія и вице-директора. Это будетъ мнѣ достойнымъ вознагражденіемъ за потерянное время.

— Конечно, подтвердилъ Василій Васильевичъ.

Они потребовали еще пива, много пива. Павловичъ тоже пилъ. Онъ имъ нравился.

Алексѣй Васильевичъ чувствовалъ къ нему приливъ благодарности. Онъ пожелалъ доказать свою признательность.

— Знаете что, поступайте къ намъ, въ тотъ департаментъ, гдѣ я служу... Вы еще такъ молоды... Вамъ что, двадцать пять лѣтъ? Ну, вотъ видите... Я вамъ окажу протекцію и быстро двину васъ впередъ.

— Ну, нѣтъ! отмахнулся Константинъ Николаевичъ, — на что мнѣ служба! Я и такъ обезпеченъ, не могу пожаловаться. Лучше пользоваться полною свободой. Съ меня достаточно и того, что, когда мать плохо себя чувствуетъ, мнѣ приходится вывозить сестру. Это своего рода служба, и очень скучная.

Братья въ одинъ голосъ проговорили:

— Какъ, у васъ есть сестра?

— Да, и преславненькая... Скоро пора и замужъ выдавать... Жениховъ достаточно. На приданое зарятся.

Присельскіе переглянулись. Алексѣй Васильевичъ подмигнулъ брату, съ видомъ беззавѣтно хитраго человѣка, и сказалъ:

— Жаль, жаль, что вы не хотите служить... Мнѣ бы очень хотѣлось быть вамъ полезнымъ. Вы такой славный и симпатичный. Мы съ братомъ часто вспоминаемъ о васъ и всегда восторгаемся вашими душевными качествами.

— Да, да,—съ чувствомъ удостовѣрилъ Василій Васильевичъ.

Павловичъ былъ тронутъ.

— Господа, будьте увѣрены, что и я... я тоже...

— Милый! съ нѣжностью протянулъ Василій Васильевичъ.

— Да чего ужъ тутъ! подхватилъ Алексѣй Васильевичъ,—такъ давно знакомы, и еще не выпили на ты.

Тотчасъ же выпили, согласно уставу наградили другъ друга бранными словами и быстро потребовали коньяку, для вытрезвленія, какъ объяснили братья Присельскіе.

Павловичъ былъ уже не совсѣмъ твердъ. Онъ пришелъ въ тотъ фазисъ опьяненія, который порождаетъ любовь къ ближнему.

— Жаль, что мы такъ рѣдко встрѣчаемся... Братья, отчего вы никогда не зайдете ко мнѣ?

Будь онъ трезвымъ, то замѣтилъ бы, что Алексѣй жестоко ткнулъ Василія подъ столомъ.

— Мы зайдемъ... какъ же... спасибо... Василій, будь у нихъ завтра... я вѣдь очень занятъ по службѣ, не могу раньше воскресенья, а ты завтра... Непремѣнно завтра зайди...

— Но такъ, чтобы не обезпокоить твоей семьи, осторожно замѣтилъ Василій.

Константинъ Николаевичъ удивился.

— Это что значитъ! Напротивъ, я тебя познакомлю. Моихъ друзей у меня дома любятъ.

Присельскіе снова переглянулись, съ трудомъ попадая другъ другу во взглядъ. Потребовали еще коньяку, потомъ бенедиктину. Они были счастливы, безумно счастливы... Около полуночи, братья непзвѣстно почему выпили другъ съ другомъ брудершафтъ... Подсѣли еще какіе-то знакомые, совсѣмъ неопредѣленныхъ очертаній. Василій Васильевичъ цѣловался съ Павловичемъ, а Алексѣй Васильевичъ приглашалъ присутствующихъ на

обѣдъ который былъ намѣренъ дать въ день своего назначенія.

V.

Розалія Карловна Павловичъ, мать веселаго Константина Николаевича и хорошенькой восемнадцатилѣтней брюнеточки Вѣры, была очень толстая и шумливая дама. Многіе изъ тѣхъ, которые у нея обѣдали или бывали на ея вечерахъ, утверждали, что она жидовка. Дѣйствительно, не только въ ея профилѣ, но и въ характерѣ замѣчалось много семитическаго. О ея происхожденіи ничего не было извѣстно въ точности. Покойный мужъ ея, изворотливый милліонеръ и отчасти мошенникъ, женился на ней заграницей, безумно очаровавшись ея красотой, и, въ теченіе десяти лѣтъ, пока не охладѣлъ держалъ ее чуть ли не взаперти, постоянно ревнуя. Вѣчно копошась въ дѣлахъ и денежныхъ оборотахъ, онъ не замѣчалъ неблаговоспитанности своей жены и вовсе не заботился о ея развитіи. Когда она подурнѣла, онъ пересталъ ею интересоваться совсѣмъ. Розалія Карловна, конечно, злилась и становилась отъ этого все болѣе и болѣе некрасивой.

Вдругъ, Павловичъ умеръ отъ разрыва сердца. По духовному завѣщанію, вдова получила пятьдесятъ тысячъ пожизненнаго дохода, а все остальное—милліоны, два имѣнія, три дома—къ дѣтямъ перешло.

Оказавшись самостоятельною, Розалія Карловна захотѣла пользоваться благами свѣтской жизни и вознаградить себя за прежнее время, проведен-

ное въ тоскѣ. Ея мечта была — имѣть гостиную, куда бы съѣзжалось блестящее общество. Быть знакомою съ титулованными и высокопоставленными людьми — стало ея цѣлью. Въ нѣсколько лѣтъ, почти ничего не расходуя на себя, она, изъ доходовъ своихъ, пріобрѣла небольшой особнякъ, отдѣлала его роскошно и глупо и стала понемногу внѣдряться въ петербургское общество, постепенно повышая требованія къ кругу своихъ знакомыхъ. Первые шаги были очень трудны. Но когда Костя подросъ и сталъ воспитываться въ энциклопедическомъ училищѣ, оказалась возможность, путемъ уловокъ, познакомиться съ родителями его товарищей. Дальше уже все пошло само собою. А когда была замѣчена красота Вѣрочки, то большаго и желать было нечего.

Теперь весь вопросъ сводили къ тому, за кого Вѣрочку выдать. Болѣе всего, конечно, былъ бы желателенъ человѣкъ богатый, титулованный и съ вѣскимъ положеніемъ. Въ числѣ холостыхъ и вдовыхъ знакомыхъ такихъ, къ сожалѣнію, не имѣлось. Были богатые люди съ некрасивыми фамиліями, были довольно высокопоставленные выходцы изъ міра аферистовъ, находились перезаложенные графы и князья, но никто не совмѣщалъ въ себѣ всѣхъ желательныхъ качествъ. И Розалія Карловна неустанно умножала число холостыхъ людей, приглашаемыхъ въ домъ, рѣшивъ, что, по всей вѣроятности, шансовъ будетъ болѣе. Молодые и старые приходили, иногда влюблялись въ Вѣрочку и назрѣвали для предложенія, но старуха умѣла держать себя такъ, что всѣ ждали, не рѣшаясь, считали себя на искусѣ. Надъ Розаліей Павловичъ всѣ смѣялись, но пріѣзжали къ

ней. Находили, что у нея хорошенькая дочь и хорошій поваръ.

А хорошенькая Вѣрочка, посвященная въ планы и соображенія матери, спокойно ждала. Ей было все равно. Она знала, что не останется старой дѣвой, и вполнѣ довѣряла житейскому опыту Розаліи Карловны. Окруженная влюбленными, она вовсе не собиралась влюбляться сама и думала только о томъ, какъ бы весело проводить время. Всѣ знали это, ухаживали безъ ревности, но съ упорствомъ энергичныхъ конкуррентовъ. Иные, наиболѣе рѣшительные и стремящіеся лишь завладѣть приданымъ, отъ души желали Вѣрочкѣ заболѣть какою-нибудь уродующею болѣзнью... Тогда бы отпали всѣ тѣ, которые увлекаются ея красотой. Это увеличило бы шансы.

Василій Васильевичъ Присельскій былъ введенъ въ домъ на другой день послѣ того, какъ выпилъ съ Костей Павловичемъ брудершафтъ. Увидѣвъ Вѣрочку, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что влюбленъ въ нее. А за Розаліей Карловной онъ положилъ ухаживать, чтобы расположить ее въ свою пользу. Съ перваго же дня онъ заявилъ о своемъ родствѣ съ тремя выдающимися государственными дѣятелями, намекнулъ на то, что имѣетъ право на графскій титулъ, коснулся ожидаемаго крупнаго наслѣдства, спѣлъ два романса и занялъ у Константина Николаевича двадцать пять рублей. Съ тѣхъ поръ онъ считалъ свое положеніе въ домѣ упроченнымъ и сталъ всѣмъ знакомымъ сообщать о предстоящей свадьбѣ.

Розалія Карловна была отъ него въ нѣкоторомъ восторгѣ. Въ сущности, онъ ей нравился за ея собственный счетъ. Высокій. широкоплечій, угне-

тающей наружности, онъ производилъ на нее впечатлѣніе. И она просила его бывать почаще.

Прошла недѣля. Василій Васильевичъ считалъ свои акціи стоящими очень высоко.

— Я увѣренъ въ успѣхѣ, сказалъ онъ въ одно утро брату, — на этотъ разъ нельзя сомнѣваться. Старуха такъ увлеклась мною, что приметъ мое предложеніе съ удовольствіемъ. Я ускорю дѣйствія.

Алексѣй Васильевичъ, для котораго по службѣ все еще ничто не обрисовывалось, мрачно отвѣтилъ:

— Если у тебя не выгоритъ дѣло съ дочерью, то тогда можешь жениться на матери.

Но подобное предположеніе показалось его брату чрезвычайно обиднымъ и даже глупымъ.

Въ этотъ день у Павловичъ былъ назначенъ званый обѣдъ. Василій Васильевичъ, будучи, конечно, въ числѣ приглашенныхъ, рѣшилъ особенно блеснуть остроуміемъ и прочими своими качествами. Для этого пришлось заблаговременно занять у Константина Николаевича десять рублей, и деньги эти были обращены на покупку новой рубашки. Молодой Павловичъ охотно давалъ въ долгъ обоимъ братьямъ. Въ сущности, онъ начиналъ питать уваженіе къ Присельскимъ. Они съ такимъ упорствомъ твердили ему о своей собственной благовоспитанности, умѣ, связяхъ и всякихъ качествахъ, что онъ, безпечно лѣнивый, безконтрольно имъ довѣрялъ. Однажды, Присельскій женихъ, въ пьяномъ видѣ, сказалъ ему:

— Знаешь, Костя, я адски влюбленъ въ твою сестру и хочу на ней жениться...

— Ну, такъ что же... Это не моего департамента дѣло. Я очень радъ.

Послѣ такихъ словъ, Василій Васильевичъ уже не могъ, разумѣется, сомнѣваться въ успѣхѣ.

Ровно въ шесть часовъ, чрезвычайно блестящій и въ превосходномъ настроеніи духа, онъ явился на обѣдъ.

У Павловичъ собралось уже человѣкъ пятнадцать гостей. Дамъ было всего три. Всѣ онѣ были некрасивы, въ дорогихъ туалетахъ, и, конечно, упорно говорили объ итальянской оперѣ. Это были старинныя знакомыя Розаліи Карловны. Она дорожила ими потому, что могла относиться къ нимъ свысока, знала, что онѣ не отвлекаютъ вниманія молодыхъ людей отъ Вѣрочки, и часто поручала имъ наведеніе справокъ о степени благонадежности того или другого лица. Сама Павловичъ, толстая, краснокожая, горбоносая, съ горою черныхъ волосъ и невыносимо пронзительнымъ голосомъ, казалась среди нихъ очень приличной. Но брилліантовъ было на ней слишкомъ много.

Что же касается мужчинъ, то они производили почти всѣ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Тутъ было три кавалерійскихъ офицера, одинъ разорившійся графъ, пара разбогатѣвшихъ разночинцевъ, отставной генералъ, страдающій подагрой, одинъ тульскій помѣщикъ, одинъ чиновникъ съ будущностью, два безличныхъ товарища Кости и чрезвычайно симпатичный молодой человѣкъ, о которомъ ровно никто изъ присутствующихъ не зналъ, что онъ судился дважды за мошенничество, но былъ оправданъ.

— Графъ! Какой вы милый, что не забыли нашей просьбы отобѣдать съ нами! крикливо привѣтствовала хозяйка Василія Васильевича, который, при всемъ своемъ апломбѣ, не сразу сообразилъ,

что графскій титулъ именно къ нему примѣняется. Но всякія его сомнѣнія, по этому поводу, исчезли, когда Розалія Карловна познакомила его съ присутствующими.

— Ольга Андреевна, Генріетта Карловна, madame Бузикъ, позвольте вамъ представить графа Присельскаго... un grand ami de mon fils... Графъ замѣчательный музыкантъ и пѣвецъ, такъ что приходится сожалѣть о томъ, что служба отнимаетъ у него такъ много времени...

Присельскій еще раскланивался передъ дамами, чрезвычайно польщенный, а старуха Павловичъ уже называла ему мужчинъ:

— Monsieur Холодовъ, баронъ Пацъ фонъ-Пацхеймъ, monsieur Кривецкій... тоже наши хорошіе друзья, такіе добрые...

Кавалеристы одновременно звякнули шпорами и руки ихъ столкнулись у руки Василія Васильевича.

— Графъ Мурзиковъ, нашъ старинный другъ, monsieur Крузе, monsieur Ивановъ...

Присельскій, при неуклюжести своей фигуры, не успѣвалъ повертываться въ сторону каждаго называемаго лица, наступилъ на ногу генерала, страдающаго подагрой, услышалъ пронзительный крикъ, сталъ беззавѣтно извиняться и дважды съ чувствомъ отрекомендовался графомъ молодому человѣку, дважды благополучно судившемуся за мошенничество.

Какъ изъ бани выбрался онъ изъ круга мужчинъ и быстро направился къ Вѣрѣ Николаевнѣ, которая, скучливо болтая съ товарищами брата, встрѣтила его очень радушно.

— Вы не забыли обѣщанныхъ романсовъ?.. Помните, вы третьяго дня обѣщали...

Василій Васильевичъ дѣйствительно обѣщалъ доставить какіе-то новые романсы, но сдѣлалъ это по крайнему легкомыслію, такъ какъ у него ихъ не было, а пріобрѣтать положительно не хотѣлось. Онъ, однако, не смутился.

— Представьте... я до сихъ поръ не могъ получить ихъ обратно отъ княгини Перехватъ-Литовской... Я пришлю вамъ завтра утромъ, со своимъ курьеромъ.

— Фи!.. Какъ вамъ не стыдно, что вы не исполнили своего обѣщанія? Вы за это мнѣ два раза пропоете послѣ обѣда арію Ленскаго. Это будетъ служить наказаніемъ.

Душа Присельскаго такъ и освѣтилась розовыми лучами. Онъ всегда былъ увѣренъ, что пѣніе его является однимъ изъ наибольшихъ средствъ очарованія дамъ. Онъ хотѣлъ было присѣсть къ Вѣрочкѣ, но Розалія Карловна, снабдившая его графскимъ титуломъ, не согласилась отъ него отстать, заставила его занять мѣсто такъ, чтобы онъ по симетріи соотвѣтствовалъ графу Мурзикову, и втянула въ общій разговоръ.

— Мы сейчасъ говорили о томъ, что теперь совсѣмъ мало даютъ интересныхъ пьесъ...

— Даже не мало, а вовсе не даютъ,—подкрѣпилъ генералъ, злой отъ подагры, а графъ Мурзиковъ, неизвѣстно съ какой цѣлью, визгливо засмѣялся, потеръ себѣ лысину и сказалъ:—Театръ.

Больше ничего. Въ мозгу отъ прежнихъ кутежей у него многаго не хватало.

Судившійся молодой человѣкъ, Архановъ, замѣтилъ:

— Потому что общественный интересъ къ театру падаетъ.

— Какъ ничего интереснаго!—горячо вступился Присельскій, который съ перваго-же слова хозяйки искалъ средства завладѣть всеобщимъ вниманіемъ, —воля ваша, я этого не понимаю... Я еще на прошлой недѣлѣ смотрѣлъ въ Михайловскомъ театрѣ замѣчательную комедію... Тотъ, какъ его... Я уже не помню, какъ она называется... Страшно было смѣшно... Понимаете, тотъ, какъ его... во второмъ дѣйствіи одинъ господинъ убѣгаетъ отъ мужа своей любовницы, спасается черезъ окно, карабкается внизъ по водосточной трубѣ и спускается прямо на голову одной своей прежней содержанкѣ... а пока онъ спускается, онъ замѣчаетъ, что забылъ надѣть...

Тутъ только и успѣли его остановить предложеніемъ идти со всѣми въ столовую. Вѣрочкѣ было очень смѣшно. Розалія Карловна не знала, сдѣлалъ-ли Присельскій безтактность, или такъ принято въ высшемъ обществѣ.

А Василій Васильевичъ сердился неимовѣрно. Онъ понялъ, что его разсказъ сочли неприличнымъ, и это возмущало его. Что за чепуха! Сюжетъ публичнаго представленія, какъ ни верти, не можетъ быть неприличнымъ.

Съ горя, протиснувшись къ закусочному столу, онъ выпилъ двѣ рюмки водки и тотчасъ-же успокоился, рѣшивъ, что оправдаетъ себя въ глазахъ общества. Закусилъ онъ селедкой, а затѣмъ, пожелавъ быть галантнымъ, обратился къ стоявшей съ нимъ рядомъ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Теперь вамъ не позволите-ли?

Ольга Андреевна, косоглазая дама съ видомъ пуганой вороны, вздрогнула и шопотомъ проговорила:

— Что вы! Неужели вы думаете, что я пью водку. Это довольно странно съ вашей стороны...

«Опять не понимаютъ!» подумалъ Василій Васильевичъ и снова разсердился.

— Да не водки-же!—почти крикнулъ онъ,— точно я не знаю, что дамы водки не пьютъ. Я хотѣлъ вамъ предложить икры, а вы меня не поняли. И если-бы даже я предложилъ водки, то въ этомъ не было-бы преступленія. Иныя пьютъ.

Его рѣзкій голосъ покрылъ разговоры окружающихъ. Всѣ повернулись къ нему.

Ольга Андреевна прошипѣла:

— Я никакъ не воображала, что въ этомъ домѣ кто-нибудь позволитъ себѣ на меня кричать.

Положеніе становилось непріятнымъ. Розалія Карловна, сильно поколебленная въ своемъ мнѣніи о Присельскомъ, сказала:

— Полноте, ma chère, это вамъ такъ показалось... Monsieur Присельскій хотѣлъ пошутить...

Она больше не называла его графомъ. Онъ счелъ это сквернымъ признакомъ и поспѣшилъ извиниться, чѣмъ, однако, остался самъ недоволенъ, усмотрѣвъ, что набросилъ этимъ на свой поступокъ неблагопріятную тѣнь.

Тутъ пошли къ столу. Генералъ, возненавидѣвшій Василія Васильевича съ тѣхъ поръ, когда тотъ наступилъ ему на ногу, громко замѣтилъ хозяйкѣ:

— У современной молодежи имѣются своеобразныя черты, съ которыми надо считаться,..

«Постой,—подумалъ Присельскій,—доберусь и до тебя, наговорю тебѣ колкостей вдоволь»?

Дурное настроеніе духа усилилось въ немъ,

когда онъ увидѣлъ, что ему приходится сидѣть между графомъ Мурзиковымъ и Архановымъ, очень далеко отъ Вѣрочки, да еще такъ, что ей было-бы неудобно посмотрѣть на него, если-бы она захотѣла это сдѣлать. Еще полчаса тому назадъ, онъ считалъ себя самымъ сильнымъ кандидатомъ, а теперь является сомнѣніе. Этотъ дурачекъ, Костя, на него не смотритъ, точно недоволенъ, Розалія Карловна съ опаскою заглядываетъ въ его сторону, а во всѣхъ остальныхъ чувствуется какое то враждебное настроеніе.

Онъ сталъ угрюмъ, принялъ видъ глубоко несчастнаго человѣка. Ему казалось, что это трогаетъ сердца хозяйки и ея дочери. Но, за супомъ, разговоръ завязался, на него перестали обращать вниманіе. Это заставило его отказаться отъ трагической наружности. Со свойственной ему энергіей, онъ рѣшилъ, что снова воздвигнетъ себѣ пьедесталъ. Когда лакей къ нему нагнулся и спросилъ: «мадера или хересъ?», Василій Васильевичъ избралъ хересъ и подставилъ тотъ стаканчикъ, который былъ побольше, быстро осушилъ его и попросилъ въ догонку мадеры. Увидѣвъ, что сосѣди это замѣтили, онъ счелъ это случаемъ поправить дѣло.

— Нигдѣ нѣтъ такой прекрасной мадеры, какъ у васъ, заявилъ онъ черезъ весь столъ Розаліи Карловнѣ.

Она не слышала, подщебетывала рѣчамъ генерала. Очевидно, генералъ выдвигался на первую позицію. А тульскій помѣщикъ и одинъ изъ кавалеристовъ наперерывъ что-то разсказывали Вѣрочкѣ. Она смѣялась. Несомнѣнно, тѣ тоже забираютъ выгодное положеніе, оттираютъ его. И Присельскій разсердился на то, что его не слушаютъ, тѣмъ болѣе, что Архановъ и Мурзиковъ переглянулись, находя его смѣшнымъ.

Громко, отчетливо, онъ повторилъ:

— Нигдѣ нѣтъ такой хорошей мадеры, какъ у васъ...

Хозяйка услышала, повернулась къ нему. Всѣ примолкли. Что за гадость! И всѣ такъ глупо смотрятъ.

— Я очень рада, что она вамъ такъ нравится, натянутымъ тономъ произнесла старуха Павловичъ.

— Вы это говорите потому, что я попросилъ еще? началъ Присельскій, но Розалія Карловна даже руками замахала.

— Ахъ! Помилуйте!

Около Вѣрочки, молодые люди смѣялись.

— То водка, то мадера, послышалось гдѣ-то.

Василій Васильевичъ, красный какъ кумачъ, уткнулся въ тарелку.

Мурзиковъ ему шепнулъ:

— Графъ, я нахожу, что хозяйка съ вами очень нелюбезна.

Присельскій былъ чрезвычайно несчастенъ. Ему всегда было очень тяжело въ тѣ минуты, когда обстоятельства не позволяли ему себя чувствовать всесокрушающе торжествующимъ. Онъ нуждался въ самоувѣренности. Нахальное настроеніе было для него потребностью. Оно какъ бы дѣлало его не простымъ смертнымъ.

Выпилъ онъ два большихъ стакана краснаго вина и слегка приблизился къ оптимизму. Очевидно, ему не сочувствуютъ всѣ эти соперники, но Вѣрочка не сказала ни слова. Можетъ быть, вся поддержка въ ней.

И онъ, любезно улыбаясь, нагнулся немного впередъ и обратился къ Вѣрѣ Николаевнѣ:

— Вы знаете, что послѣзавтра открывается выставка англійскихъ художниковъ?

Всѣ, въ началѣ, точно испугались немного, но, увидѣвъ, что Василій Васильевичъ задаетъ вовсе не странный вопросъ, успокоились. Хорошенькая брюнетка отвѣтила:

— Да, я слышала... Мы съ мамой пойдемъ... только не въ первые дни, когда большая давка...

— Вотъ именно я и хотѣлъ вамъ предложить слѣдующее... Я, тотъ, какъ его... Я знаю секретаря англійскаго посольства и могу черезъ него устроить такъ, что васъ пустятъ завтра, то-есть до открытія. Вы будете первыя...

И Вѣрочка, и Розалія Карловна обрадовались. Имъ было очень лестно.

— Пожалуйста! Пожалуйста!

Довольный успѣхомъ, Василій Васильевичъ продолжалъ:

— Это очень интересная выставка. Можно даромъ получить каталогъ. Будутъ два рисунка Гладстона.

Въ сущности, онъ ровно никого не зналъ въ англійскомъ посольствѣ и вовсе не надѣялся добыть право на входъ до открытія выставки, но ему важно было вернуть себѣ выгодное положеніе немедленно, важно было, что Вѣрочка привѣтливо улыбалась, а Розалія Карловна перестала хохлиться.

Хозяйкѣ было очень пріятно, что у ея гостя повсюду связи. Но женихомъ она его больше не считала. Однако, его фигура, мощная, ей нравилась, хотя и угнетала.

Кругомъ завязался разговоръ объ искусствѣ.

Архановъ, который именно съ картинами когда-то мошенничалъ, выказалъ много спеціальныхъ познаній. Тульскій помѣщикъ отстаивалъ Рѣпина, а чиновникъ съ будущностью вставилъ нѣсколько фразъ изъ «чтеній объ искусствѣ», Тэна. Присельскій, душевно успокоенный, снова принялся за красное вино и, ставъ искренно веселымъ, громко сказалъ:

— А по моему, очень хороши французскіе художники. Они прекрасно пишутъ голыхъ женщинъ.

Мало того, что его заявленіе показалось страннымъ, слово «голыхъ» было произнесено съ такимъ аппетитомъ, что графъ Мурзиковъ подпрыгнулъ, а дамы взвизгнули.

— Monsieur Присельскій, я ничего въ этомъ хорошаго не вижу, съ достоинствомъ сказала Розалія Карловна.

Василій Васильевичъ разсердился и пришелъ въ окончательный азартъ.

— Я не понимаю! вскрикнулъ онъ, — когда можно выставлять какую-нибудь картину, то почему же нельзя о ней говорить? Это такъ же, какъ про Михайловскій театръ! Я вамъ разсказалъ сюжетъ пьесы, и вы нашли это неприличнымъ... Я хорошо видѣлъ, что вы нашли неприличнымъ... Я сразу замѣтилъ... вѣдь меня никакъ нельзя провести въ такихъ дѣлахъ...

Онъ бодро выпилъ бокалъ шампанскаго и продолжалъ:

— И что неприличнаго въ этомъ сюжетѣ, я васъ спрашиваю? Что жена измѣняетъ своему мужу, что...

— Да перестаньте же, шепнулъ Архановъ, — что съ вами?

Но Присельскаго уже нельзя было остановить.

— И вы еще не дали мнѣ договорить... Когда тотъ, какъ его, спускается по водосточной трубѣ, то самый главный комическій эффектъ заключается въ томъ, что онъ не успѣлъ надѣть...

— Ахъ! Ахъ! всполошились дамы.

— Да вовсе не то, что вы думаете... онъ не успѣлъ надѣть... тотъ, какъ его... ботинки!

Чувство нежданнаго облегченія прошло вокругъ стола. Всѣ были Присельскому благодарны за то, что онъ не сказалъ гораздо худшаго. Но тутъ внезапно развернулись дѣятели изъ разночинцевъ, Крузе и Ивановъ. Имъ неудержимо захотѣлось разсказывать анекдоты, сперва чисто историческіе, а потомъ объ исторіяхъ, не всегда чистыхъ. Попались два или три намека, отъ которыхъ Розалія Карловна тревожно взглянула на дочь, а та строила мордочки безъ выраженія.

Василій Васильевичъ былъ очень радъ. Онъ чувствовалъ, что выкарабкался и торжествуетъ. По этому случаю, онъ выпилъ еще шампанскаго, да кстати ужь и мадеры. Онъ былъ пьянъ достаточно, чтобы этого не сознавать. Самоувѣренность выразилось на его лицѣ въ полной мѣрѣ. Послѣ обѣда онъ сдѣлаетъ предложеніе. Зачѣмъ откладывать? И такъ ушло много времени. Праздники на носу. Надо себя обезпечить безотлагательно.

Кругомъ становилось очень шумно. Даже генералъ смѣшилъ, разсказывалъ кавказскіе анекдоты.

— Я тоже, я тоже знаю! громко закричалъ Присельскій, — я вамъ разскажу... Это одна дама приходитъ къ мировому судьѣ... Нѣтъ, не такъ... она, какъ его, получила повѣстку, въ которой

вызывалась какъ свидѣтельница; тогда она является къ знакомому, показываетъ и спрашиваетъ: «что это значитъ?..» Тотъ говоритъ... Ахъ, нѣтъ, впрочемъ, тотъ, какъ его... Это очень неприлично... Я лучше потомъ разскажу...

— Большое вамъ спасибо за то, что удержались, обиженнымъ тономъ произнесъ генералъ.

За столомъ притихли. Василій Васильевичъ замѣтилъ, что волна сочувствія опять отъ него отхлынула, и рѣшилъ во что бы то ни стало снова завоевать симпатіи. Съ бокаломъ въ рукѣ, онъ всталъ.

— Господа, я позволю себѣ предложить тостъ за виновницу торжества...

Но къ нему были враждебно настроены. Съ разныхъ сторонъ послышались вопросы: «за кого? Здѣсь именинницъ нѣтъ! Чей день рожденія? Непонятно».

Василій Васильевичъ озлился и продолжалъ, не вполнѣ ясно произнося слова:

— Именинницы бываютъ виновницами торжества только одинъ разъ въ годъ, а я говорю о виновницѣ постоянной... Я говорю о Вѣрѣ Николаевнѣ, вокругъ которой мы всѣ сгруппировались звеномъ поклоненія и преданности, млѣющимъ звеномъ, тающимъ, какъ вотъ это мороженое на нашихъ тарелкахъ.

— Василій Васильевичъ! попыталась было его остановить старуха Павловичъ, но безуспѣшно.

— Тише! Прошу вниманія! Я стою за откровенность. Какъ въ древне-рыцарскія времена, мы собрались сюда на турниръ и всѣ бросимся въ арену за перчаткой, которую Вѣра Николаевна кинетъ...

— Да, да... довольно... Василій Васильевичъ, мы прекрасно понимаемъ.

— Ничего вы не понимаете... Пусть эта перчатка падетъ къ моимъ ногамъ, и я буду тѣмъ львомъ, съ которымъ каждому изъ васъ придется сражаться! Я отдамъ свою жизнь, но перчатки не отдамъ...

Розалія Карловна встала, за нею всѣ, стулья задвигались, но Присельскій ничего не замѣчалъ.

— Я отдамъ самого себя въ жертву во имя великаго принципа: не мнѣ, такъ никому... Какъ собака на сѣнѣ, которая сама не ѣстъ и никому не даетъ...

Всѣ уходили изъ столовой, поскорѣй, чтобы не дослушаться до невозможныхъ словъ.

— Постойте, постойте, я не кончилъ!—крикнулъ Василій Васильевичъ, рванулся впередъ, уронилъ два стула, рюмку разбилъ. Онъ остался одинъ. Тутъ, вдругъ, съ нимъ совершилась перемѣна, онъ притихъ. Внезапно увидѣлъ онъ самого себя, усмотрѣлъ, что все пропало, что онъ самъ все погубилъ... Стыдно ему стало, совѣстно до крайности!— Дуракъ! съ озлобленіемъ сказалъ онъ самому себѣ, быстро прошелъ въ переднюю, надѣлъ пальто, нахлобучилъ шапку и вышелъ на лѣстницу.

VI.

Алексѣй Васильевичъ, отобѣдавъ у Ардатовыхъ и выигравъ, послѣ обѣда, три рубля въ винтъ, вернулся рано домой и принялся за работу. Онъ придумалъ себѣ новый трудъ: алфавитный указатель всѣхъ дѣлъ министерства за минувшій годъ.

Ему казалось, что такая работа непремѣнно обратитъ на него удивленное вниманіе начальства. Если вопросъ о единствѣ ссудныхъ кассъ представился не имѣющимъ практическаго значенія, то задуманный алфавитный указатель долженъ, напротивъ, найти постоянное примѣненіе. И не простой указатель, нѣтъ, а съ краткимъ изложеніемъ каждаго дѣла.

Ему необходимо было отличиться. Новый министръ, князь Чернскій, еще не подписалъ ни одного приказа о назначеніи, и, можетъ быть, вакансія младшаго дѣлопроизводителя до сихъ поръ не замѣщена. И Чернскій, повидимому, ни мало не интересуется вопросомъ о томъ, служитъ-ли у него подъ начальствомъ Присельскій, или нѣтъ. На общее представленіе причисленные не были, почему-то, допущены, а въ дни министерскаго обхода департаментовъ братья Присельскіе, какъ нарочно, оба на службу не пошли, проснувшись невѣроятно поздно, послѣ очень сложнаго пьянства.

Оставалось только одно средство: отрекламировать себя какимъ нибудь особеннымъ трудомъ.

Такъ какъ начальство никакихъ работъ ему не поручало, у Алексѣя Васильевича было времени болѣе чѣмъ достаточно. Днемъ онъ собиралъ справки въ министерствѣ, заносилъ краткія свѣдѣнія на карточки, а по вечерамъ ломалъ себѣ голову надъ составленіемъ вступительной статьи. Начало, первыя строки, были уже готовы и чрезвычайно ему нравились... «Въ обширномъ отечествѣ нашемъ, простирающемся отъ береговъ Ледовитаго океана до знойныхъ индійскихъ степей и отъ японскихъ водъ до Балтійскаго моря, много-

различныя условія жизни порождаютъ столь-же многоразличныя потребности, которыя, въ свою очередь, влекутъ за собою возникновеніе сложныхъ правообязанностей и вопросовъ, которые, вслѣдъ за тѣмъ, идутъ дальше, сосредоточиваются въ министерствахъ, силы которыхъ посвящены ихъ разработкѣ...»

Ему казалось, что болѣе эффектнаго вступленія никому не придумать.

Зато, очень трудно было продолжать столь-же успѣшно. Онъ кусалъ перо, гримасничалъ, ерзалъ на стулѣ.

Неожиданное появленіе брата оторвало его отъ работы. Съ перваго взгляда стало ясно, ему что съ Василіемъ Васильевичемъ случилась мрачная неожиданность. Выраженіе лица было у него отчаянное, глаза слезились.

— Что такое?... въ чемъ дѣло? заволновался Алексѣй Васильевичъ.

— Все пропало! Всѣ надежды прахомъ! Я окончательно и навсегда погибъ.

— Да не томи-же... Ты былъ у Павловичъ? Неужели эти мерзавцы не приняли предложенія?

Съ большимъ трудомъ, Василій Васильевичъ сталъ разсказывать, откровенно изложилъ все.

Алексѣй слушалъ, огорченный. У него не хватило духа осуждать брата... Просто, обстоятельства сложились такъ... Но, тѣмъ не менѣе, все пропало... Исхода нѣтъ... Если алфавитный указатель не поможетъ —хоть въ воду.

Договоривъ, Василій Васильевичъ схватился за голову и заплакалъ. Судьба слишкомъ больно его била.

Алексѣй Васильевичъ, горячо любившій своего брата, тоже прослезился. Сплошная неудача ихъ жизни доходила до трагизма.

Рокъ преслѣдуетъ безпощадно... Станешь надѣяться, а судьба на это разсердится тотчасъ.

Они обнялись, поцѣловались. Въ ихъ страданіи не было ничего смѣшного.

— Что-же теперь дѣлать намъ? со вздохомъ спросилъ Василій, когда немного успокоился.

— Подумаемъ, сказалъ Алексѣй,—можетъ быть еще извернемся. Я, вѣроятно, скоро получу должность, но ты...!

Они стали думать, думали долго. Мысли лѣниво двигались.

Наконецъ, Василій удрученнымъ тономъ произнесъ:

— Ужъ я теперь о милліонахъ не мечтаю... Лишь бы хоть что нибудь добыть, тысячъ десять, чтобы не пропасть.

— Да, конечно, согласился Алексѣй, — но и такую сумму найти очень трудно.

Вдругъ, онъ ударилъ себя по лбу и радостно закричалъ:—Ахъ, я телятина!

Удивился Василій, вопросительно посмотрѣлъ на брата.—Въ чемъ дѣло?

— Да вѣдь у насъ есть въ полномъ распоряженіи невѣста, и не въ десять, а въ сорокъ тысячъ! Такая, которая навѣрно выйдетъ за тебя замужъ, ручаюсь чѣмъ хочешь, даже головой!

— Кто же это? оживился Василій. — Сорокъ тысячъ? Отлично. Я согласенъ.

— Сестра Гопченко, объяснилъ Алексѣй,—какимъ образомъ мы не сразу подумали о ней!

Василій Васильевичъ задумался.

— Да, сестра Гопченко .. Ты говоришь, сорокъ тысячъ? Но вѣдь она, говорятъ, идіотка? Это, положимъ, не совсѣмъ пріятно.

— Напротивъ! Всѣ знаютъ, что она идіотка, и тебѣ поэтому не надо будетъ стѣсняться. Будешь совсѣмъ свободенъ. Деньги будутъ въ твоемъ распоряженіи, а сорокъ тысячъ—это такой кушъ, что, имѣя его въ рукахъ, можно разбогатѣть положительно, нажить очень много... Завтра я переговорю съ Гопченко и мы вечеромъ пойдемъ къ нему, представимся его сестрѣ. Они будутъ въ восторгѣ. Наконецъ, Гопченко не посмѣетъ мнѣ противорѣчить. Я съ нимъ не церемонюсь.

— Конечно! Отлично! Это очень хорошо! Молодецъ ты, Алеша! И можно устроить такъ, чтобы поскорѣй свадьбу и поскорѣй деньги на руки... Въ сущности, эта партія выгоднѣе всѣхъ, потому что я буду хозяиномъ положенія.

Долго еще бесѣдовали братья, оживленные новыми надеждами. Было рѣшено, что Алексѣй получитъ пять тысячъ рублей, а такъ какъ у него будетъ должность, то этихъ денегъ окажется для него вполнѣ достаточно.

Счастливые, они обнялись, пожелали другъ другу спокойной ночи и разошлись по своимъ кроватямъ. Раздѣвшись, Василій Васильевичъ легъ, придвинулъ свѣчку поближе и сталъ читать газету.

— Слушай, крикнулъ онъ вдругъ брату въ другую комнату,—объявляется о продажѣ особняка чрезъ кредитку... Я думаю, слѣдовало-бы купить, съ переводомъ долга. Это, говорятъ, очень выгодно.

Алексѣй Васильевичъ дѣловитымъ тономъ отвѣтилъ:

— Я обдумаю этотъ вопросъ. Напомни мнѣ завтра.

VII.

На слѣдующій день, все устроилось чрезвычайно благополучно, какъ предсказывалъ Алексѣй Васильевичъ.

Братья отправились на службу вмѣстѣ. Этого съ ними уже давно не бывало. По дорогѣ въ министерство, Василій счелъ долгомъ дважды напомнить брату, что онъ-то вовсе не мечтаетъ о служебной карьерѣ и сегодня, въ департаментѣ, ни одной бумаги не коснется.—А то, самъ знаешь... могутъ подумать, что я отбиваю у тебя должность.

А Алексѣй подробно развивалъ свои планы. Его упованія, выдвигаемыя назначеніемъ Чернскаго, ни мало не поблекли. Можетъ быть, старикъ о немъ и забылъ, временно, но, увидѣвъ алфавитный указатель, онъ вспомнитъ и щедро вознаградитъ за потерянные годы. Подобные примѣры бывали.

Василій Васильевичъ соглашался вполнѣ. Проходя мимо Милютиныхъ лавокъ, онъ рѣшилъ, что, получивъ на руки приданое, немедленно угоститъ себя массою устрицъ и многими бутылками портера.

Пришли въ министерство; они поднялись въ свой департаментъ, прошли въ ту комнату, гдѣ одиноко сидѣлъ Гопченко надъ старыми дѣлами. При входѣ братьевъ Присельскихъ, онъ, по обыкновенію, вздрогнулъ.—Ахъ!

— Здравствуй, сказалъ Алексѣй Васильевичъ,—мы очень рады, что застали тебя.

— Да, мы очень рады, подтвердилъ Василій Васильевичъ,—это очень хорошо.

Гопченко стыдливо захохоталъ, короткимъ смѣхомъ, и снова углубился въ дѣло.

— Брось, приказалъ Алексѣй Васильевичъ,—мы пришли переговорить съ тобой. У тебя есть сестра...

— Она дура, она глупая,—равнодушно произнесъ Гопченко, поднявъ голову.

— Ты хочешь, чтобы она вышла замужъ?

— Да, я хочу. У нея приданое. Надо замужъ.

— Въ такомъ случаѣ, выдай ее за моего брата.

— Да, Александръ Борисовичъ, выдайте ее за меня, подтвердилъ Василій Васильевичъ.

Въ глубинѣ души онъ волновался, но считалъ, что ампломбъ необходимъ.

Гопченко оторопѣлъ. Неожиданность его всегда пугала.

— За васъ?.. За Василія Васильевича?.. выдать ее замужъ?

И вдругъ оживился, съ радостью произнесъ:

— Ахъ, какъ это хорошо! Я очень доволенъ. Она тоже будетъ очень довольна. Я думалъ, что никто не захочетъ на ней жениться, потому что она дура. Вы хорошо дѣлаете. У нея сорокъ тысячъ приданаго. Только она глупа и очень некрасива.

— Прошу тебя не выражаться такъ о невѣстѣ моего брата, строго замѣтилъ Алексѣй Васильевичъ, радуясь тому, что нашелъ надъ кѣмъ потѣшиться.

Александръ Борисовичъ внезапно притихъ.

— Извините, пожайлуста, я не зналъ.

Братья переглянулись. Теперь уже не могло быть никакого сомнѣнія въ удачѣ.

— Ну, веди насъ,—сказалъ Алексѣй Васильевичъ,—ты вѣдь рядомъ живешь. Веди, познакомь. Я не люблю терять время. Скорѣе-же, что̀ ты замѣшкался!

— Къ ней? пробормоталъ Гопченко,—а можетъ быть тогда Василій Васильевичъ и не захочетъ. Она некрасива.

— Маршъ! Не разсуждать. Не твоего ума дѣло... и добрый товарищъ долженъ исполнять просьбы. Кромѣ того, я можетъ быть завтра буду твоимъ начальникомъ.

Гопченко покорно всталъ и пошелъ за Присельскими. Василій съ трудомъ сдерживалъ свою радость, а Алексѣй шепталъ ему:

— De la tenue, que diable!

Какъ тутъ не радоваться! Сорокъ тысячъ въ полное распоряженіе, и очень скоро!

Они шли по лѣстницѣ внизъ, когда, на поворотѣ, оказались лицомъ къ лицу съ министромъ, нѣсколько испугались и поклонились низко. Гопченко даже въ дрожь бросило.

Князь Чернскій узналъ Присельскихъ.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, — Алексѣй Васильевичъ, Василій Васильевичъ... старые знакомые.

Имена братьевъ онъ, по обыкновенію, перепуталъ. Польщенные, они еще разъ поклонились. Особенно торжествовалъ Алексѣй Васильевичъ, потому что вслѣдъ за министромъ шелъ вице-директоръ Вейсъ и могъ убѣдиться въ добромъ расположеніи высшаго начальства къ издавна преслѣдуе-

мому подчиненному. Онъ хотѣлъ уже пуститься въ разговоръ, но Чернскій спросилъ:

— Куда это вы отправляетесь въ служебное время? По дѣлу?

— Нѣтъ, на полчаса, позавтракать... Сегодня придется сидѣть долго.

— А...

И министръ прослѣдовалъ дальше, сопровождаемый Вейсомъ. Братья видѣли, какъ онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ вице-директоромъ, кивая на нихъ. Чего добраго, обоихъ назначитъ.

— Какіе вы храбрые! съ удивленіемъ прошепталъ Александръ Борисовичъ,—а онъ васъ любитъ?

— Очень, подтвердилъ Алексѣй Васильевичъ,— ну, скорѣй. Черезъ полчаса надо быть здѣсь. Министръ потребуетъ для объясненій по службѣ.

Быстро спустились они внизъ, надѣли пальто и вышли на улицу.

Гопченко сказалъ:

— Я боюсь, что сестра испугается.

Но ему не позволили долго раздумывать.

— Иди-же, а то братъ женится на другой.

Александръ Борисовичъ больше не сталъ возражать. Онъ пошелъ впередъ, братья за нимъ.

Алексѣй Васильевичъ взялъ на себя роль распорядителя и объяснялъ, по дорогѣ, брату, какъ слѣдуетъ поступить:

— Ты понимаешь, намъ нужно вѣдь познакомиться. Ты, конечно, понравишься... скажешь то, что постоянно говоришь въ этихъ случаяхъ, но ничего не говори о своихъ намѣреніяхъ. Она потомъ узнаетъ отъ своего брата, и это будетъ гораздо лучше. Завтра и послѣзавтра ты опять придешь, одинъ, а въ концѣ недѣли сдѣлаешь

предложеніе. Если она такъ же глупа, какъ ея братъ, то съ ней нечего стѣсняться.

— Да, да, да, радостно согласился Василій Васильевичъ. Онъ обдумывалъ, стоитъ ли ему держать собственныхъ лошадей или онъ будетъ нанимать помѣсячно.

— Вотъ, здѣсь, объявилъ Гопченко, съ заискивающимъ видомъ.

Ему хотѣлось, чтобы его похвалили, сказали ему—«ты добрый малый».

Но Присельскіе только кивнули. Вошли въ подъѣздъ, поднялись по узкой лѣстницѣ въ третій этажъ.

Александръ Борисовичъ повторилъ:

— Вотъ, здѣсь.

И позвонилъ. Василій Васильевичъ заволновался и внушилъ Гопченко:

— Ты пока ничего не болтай о свадьбѣ.

Горничная отперла дверь. Они вошли въ переднюю, сняли пальто.

— Софья Борисовна дома? спросилъ Гопченко и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, повелъ своихъ гостей въ комнаты. Къ нимъ на встрѣчу шла его сестра.

Брюнетка лѣтъ двадцати пяти, она была поразительно похожа на брата, слѣдовательно некрасива. Въ первую минуту, она казалась слѣпою, въ такой степени былъ безжизненъ ея взглядъ. При видѣ постороннихъ, она остановилась, безмолвная, съ подергиваніями рта.

— Здравствуй, сказалъ Гопченко,—я на минутку зашелъ... съ товарищами.

И вкрадчиво посмотрѣлъ на Присельскихъ, такіяли онъ слова произнесъ.

— Позвольте представиться, молодцовато пробасилъ Алексѣй Васильевичъ и назвался,—а это мой братъ, Василій Васильевичъ. Мы оба друзья вашего брата и надѣемся заслужить вашу дружбу.

Софья Борисовна не шелохнулась. Трудно было угадать, на кого изъ трехъ она смотритъ.

Братья переглянулись, посмотрѣли на Александра Борисовича. Тотъ также застылъ, считая свою роль оконченною.

Присельскимъ сдѣлалось очень тоскливо на душѣ. Молчаніе длилось.

— Вы позволите сѣсть? спросилъ Алексѣй Васильевичъ.

Неожиданно, брюнетка оживилась и стала смѣяться.—Ахъ, сѣсть? Да, да... А я не понимала, зачѣмъ вы пришли... Садитесь, будьте добры... Шурочка, садись тоже.. Послушай, какъ они похожи другъ на друга. Это очень хорошо. Я люблю когда такъ. Садитесь. Я тоже сяду.

Василій Васильевичъ положилъ начало разговору:

— Неужели вы всѣ дни проводите дома? И вамъ не скучно, когда братъ на службѣ?

— Нѣтъ, не скучно. Шурочка очень глупъ, съ нимъ скучно... Но я сижу постоянно дома, потому что я не люблю незнакомыхъ людей.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны и насъ не любить, потому что еще не знаете.

— Нѣтъ, я васъ очень люблю. Вы такъ похожи другъ на друга. Я это люблю.

— Онъ хочетъ на тебѣ жениться, неожиданно выпалилъ Гопченко и привелъ этимъ свою сестру въ восторгъ.

Она засмѣялась.

— Неужели! Какъ я рада! Онъ такой милый!..

И вдругъ опять застыла, помертвѣла, погасла.

— Неужели вы были бы согласны выйти за меня замужъ? Вы меня вѣдь еще не знаете... Неужели? спросилъ Василій Васильевичъ.

— Какъ это скучно! вяло отвѣтила она, — я уже сказала, что я очень рада... Мнѣ долго казалось, что я никогда не выйду замужъ, потому что Шурочка глупъ и къ намъ не ходитъ никто, а я сама не знаю, къ кому идти. Вотъ, когда я выйду замужъ, то жизнь сдѣлается совсѣмъ другая. Вы меня не оставите на этой квартирѣ? И, пожалуйста, чтобы каждый день ходилъ ко мнѣ докторъ. Я чувствую, что я больна, а меня лечить не умѣютъ.

Все это она проговорила ровнымъ тономъ, тоскливо глядя впередъ.

Больше ничего нельзя было отъ нея добиться. Она молчала. Гопченко мучительно улыбался.

Присельскіе сказали, что имъ пора на службу, и встали.

Софья Борисовна встала тоже, проводила ихъ до двери и, вдругъ, со слезами въ голосѣ, сказала:

— Приходите почаще... Когда я одна, я все время пою вальсъ «Невозвратное время« и плачу.

А Гопченко сказалъ:

— Я останусь дома... Тамъ министръ... Я боюсь. Приходите почаще.

Братья молча спустились съ лѣстницы. Имъ было очень тяжело.

На улицѣ, первымъ заговорилъ Алексѣй Васильевичъ:

— Ну, чтожъ... Я нахожу, что дѣло улажено.

Конечно, она некрасива и глупа, но будетъ вполнѣ подчиняться тебѣ. Каково твое мнѣніе?

— Да... Мнѣ ее жаль. Но что же дѣлать! Она—единственное мое спасеніе. Я согласенъ.

— И сорокъ тысячъ—это очень хорошія деньги. На нихъ можно составить состояніе.

— Разумѣется. Знаешь, даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Такъ шли они, другъ друга утѣшая. Но оба они вынесли тоскливое чувство изъ свиданія съ Софьей Борисовной. Особенно мрачно былъ настроенъ Василій Васильевичъ. Слишкомъ много, за послѣдніе годы, было у него блестящихъ надеждъ и слишкомъ ужъ ничтожно было ихъ осуществленіе. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ, что свадьбу надо отпраздновать скорѣй.

Вернулись они въ свой департаментъ. Не успѣли они войти въ корридоръ, какъ курьеръ подбѣжалъ къ Василію Васильевичу.

— Его превосходительство Модестъ Александровичъ васъ просятъ.

— Не его, а меня,—поправилъ Алексѣй Васильевичъ, обрадованный.

— Никакъ нѣтъ-съ, Василія Васильевича.

— Странно... Тебѣ, вѣроятно, замѣчаніе за то что ты не ходишь на службу... Ты ему объясни...

Василій Васильевичъ пошелъ за курьеромъ, недоумѣвая. Очевидно, ему предстоитъ выговоръ. Онъ отвѣтитъ, что не чувствуетъ влеченія къ дѣятельной службѣ. Ну, ихъ! Сорокъ тысячъ есть.

Вошедши въ кабинетъ вице-директора, онъ поклонился съ чувствомъ нѣкоторой независимости.

Вейсъ привсталъ, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Будьте добры, присядьте.

Присельскій покорно исполнилъ это желаніе. Ему, все-таки, было непріятно.

— Я васъ пригласилъ, медленно проговорилъ Модестъ Александровичъ,—съ тѣмъ, чтобы объявить вамъ о распоряженіи министра. Вы назначаетесь на должность младшаго дѣлопроизводителя.

— Не я, а мой братъ! вскрикнулъ Василій Васильевичъ.

— Нѣтъ, именно вы, Василій Васильевичъ Присельскій, — съ вѣжливой улыбкой настоялъ Вейсъ,—это точно выраженная воля его сіятельства.

Новоиспеченный младшій дѣлопроизводитель совершенно растерялся.

— А мой братъ? нерѣшительно пробормоталъ онъ.

— А вашъ братъ остается по прежнему причисленнымъ. Вы имѣете завтра представиться директору, въ вицъ-мундирѣ и бѣломъ галстухѣ. Поздравляю васъ. Имѣю честь кланяться. Простите, я очень занятъ.

Василій Васильевичъ вышелъ въ корридоръ. Онъ былъ совсѣмъ огорошенъ... Должность... Съ наградными—двѣ тысячи въ годъ... Карьера, вниманіе министра.

— Ну, что? накинулся на него Алексѣй Васильевичъ.

— Меня назначили младшимъ дѣлопроизводителемъ, а ты остаешься причисленнымъ. Я самъ не вѣрилъ... такъ приказалъ Чернскій.

Выпучивъ глаза, Алексѣй Васильевичъ растерянно смотрѣлъ на своего брата.

— Постой, постой, проговорилъ онъ, — тутъ

можно сойти съ-ума... Ты назначаешься, а я нѣтъ?

— Я назначенъ, а ты нѣтъ... Чернскій насъ постоянно путаетъ.

И Василій Васильевичъ подробно изложилъ весь свой разговоръ съ Вейсомъ.

Алексѣй внимательно выслушалъ, потомъ взялъ брата подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по корридору, приговаривая:

— Надо обдумать... надо рѣшить.

Вдругъ, онъ оживился.—Чтожъ! Такъ хочетъ судьба. Намъ нужно помѣняться дорогами.

— Какъ помѣняться? Я не понимаю,—съ тоской произнесъ Василій. Ему было жалко брата. Несчастье Алексѣя отравляло ему радость.

— Очень просто. Ты будешь двигаться впередъ по службѣ, я буду, подъ рукой, помогать тебѣ работой, а самъ женюсь на сестрѣ Гопченко. Такъ хочетъ судьба.

Василій Васильевичъ безумно обрадовался. Братъ разрубилъ Гордіевъ узелъ.

— Молодецъ! Конечно! Какой ты умный! И ты мнѣ дашь пять тысячъ изъ приданаго.

— И я тебѣ дамъ пять тысячъ изъ приданаго. А ей все равно. Мы ей одинаково понравились.

— Молодецъ! Какой ты умный!

— И я тебѣ уступлю свою работу по алфавиту...

Они поцѣловались.

— Трогательная картина, сказалъ Ельскій, проходя мимо,—въ чемъ сила вашего восторга?

Алексѣй Васильевичъ объяснилъ:

— Мы поздравляемъ другъ друга. Братъ назначается младшимъ дѣлопроизводителемъ, а я женюсь на сестрѣ Гопченко, которая очень милая дѣвушка, просто прелесть... и съ большимъ приданымъ. Отнынѣ, мы счастливы.

Упоенные восторгомъ, братья стали принимать поздравленія. Вѣсть быстро облетѣла департаментъ.

Черезъ полчаса, Присельскіе отправились въ ресторанъ. По дорогѣ, Алексѣй Васильевичъ мечталъ о томъ, что, получивъ приданое за женой, будетъ ежедневно завтракать у Кюба, а Василій Васильевичъ все болѣе и болѣе въ той надеждѣ укрѣплялся, что Чернскій имъ очарованъ и быстро двинетъ его по службѣ. И хорошо, что онъ остается холостымъ. Ему удобнѣе будетъ брать командировки.

ВЪ АЛЖИРѢ.

Было тихо, совсѣмъ. Мягкая февральская жара усыпляла море, наполнившее синевой широкую бухту бѣлаго Алжира. Душистая зелень развернулась, радуясь теплу, затопляла Мустафу волнами пальмовыхъ листьевъ. Кое гдѣ, золотистыми гирляндами желтыхъ точекъ, виднѣлись спѣлые мандарины. Свѣжій ароматъ сгущалъ воздухъ. Вдали, по другую сторону залива, за рядами зеленыхъ холмовъ, сверкала снѣжными вершинами красавица Атласа,—Джурджура.

— Нина Ѳедоровна!—вскрикнулъ Ногаевъ,—посмотрите, что за прелесть!

Онъ широкимъ жестомъ показалъ впередъ, внизъ, на городъ, на европейскую часть Алжира, расположившуюся широкой лентой многоэтажныхъ красивыхъ зданій у подножія Арабской Казбы, гдѣ пріютился неподвижный Востокъ, сонно-величавый и живописно-грязный. Издали, Казба, со своими квадратными бѣлыми домиками безъ крышъ, производила впечатлѣніе громадной пригоршни кусковъ сахара, брошенной въ зелень. Алжирскій молъ игрушечно вырисовывался на синей водѣ. Пароходы лодочками казались.

А надо всѣмъ этимъ разстилалось ярко-голубое небо, такое яркое, точно оно, а не солнце, свѣтило и грѣло.

И Ногаевъ гордился, словно свою собственность показывая. Откинувъ немного назадъ голову, красивый двадцатипятилѣтній брюнетъ съ темными глазами и мягкой бородой, онъ посмотрѣлъ на свою спутницу съ такимъ выраженіемъ, какъ будто просилъ: «да похвалите же!»...

— Дѣйствительно, прелесть, отъ души проговорила она.

Они пошли дальше, подъ руку, медленно спускаясь по широкой серпентинѣ безконечной улицы Michelet, улицы виллъ, садовъ и гостиницъ, превращающейся подъ городомъ въ скверный провинціальный бульваръ.

Имъ обоимъ было хорошо, весело.

Она, хорошенькая блондинка, тоже лѣтъ двадцатипяти, улыбалась не только для того, чтобы красивые зубы показать. Пріѣхавъ всего только за три дня изъ Ниццы, она еще всему удивлялась. А Ногаевъ, проведшій уже два мѣсяца въ Алжирѣ, обновлялъ около нея свою впечатлительность.

Проходили арабы, желтые, въ рваныхъ бурнусахъ, проскакивали черные суданцы, сидя на осликахъ, уродливые туареги навстрѣчу попадались, красивые сытые турки, англичане въ экскурсіонныхъ экипажахъ, офицеры на хорошихъ лошадяхъ... все это радовало ихъ, забавляло.

— Хорошо здѣсь, Нина Ѳедоровна! сказалъ Ногаевъ, вдругъ измѣнивъ голосъ, словно другой разговоръ начинался.

Она это замѣтила, встрепенулась, взглянула на него. Въ его глазахъ она увидѣла, что онъ сталъ

къ ней иначе относиться, не такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ, а такъ, какъ прежде, тамъ, на сѣверѣ... а она-то радовалась, думала, что онъ эту «дурь» оставилъ.

Окружающая природа дѣйствуетъ! съ усмѣшкой подумала Нина Ѳедоровна, но усмѣшка была неискренна. Она почувствовала, что сердце ея забезпокоилось.

— Сядемте здѣсь, предложилъ онъ, указывая на каменную скамью, пріютившуюся среди кустовъ розъ.

— Да я, Романъ Львовичъ, не устала...

— И я не усталъ, а торопиться некуда. Неужели вы уже домой стремитесь...

Они сѣли.

Она понимала, что онъ сейчасъ будетъ говорить о любви, такъ же какъ въ прошломъ году, въ Ментонѣ, и что теперь уже никто не помѣшаетъ: знакомыхъ здѣсь нѣтъ. Романъ Львовичъ угадалъ, что она это понимаетъ, и сталъ волноваться.

— Какъ я радъ, тихо произнесъ онъ,—что вы пріѣхали сюда... и пріѣхали вы вѣдь потому, что я здѣсь... да?

Послѣднія слова онъ произнесъ неувѣренно, полушутливо.

Она разсмѣялась.

— Вовсе нѣтъ. Пріѣхала оттого, что боюсь холода, а въ этомъ году холодно въ Ниццѣ.

Онъ притворился, что только представляется разочарованнымъ.

— Вотъ какъ... А я думалъ, вамъ жаль стало человѣка, погибающаго отъ послѣдствій инфлуэнцы...

Но онъ вдругъ измѣнилъ тонъ:

— Пустяки. Мнѣ жалости не надо. Слава Богу, я здѣсь поправился, здоровѣе прежняго. Мнѣ не жалости надо. Мнѣ надо...

— Чтобы я васъ любила?—насмѣшливымъ голосомъ перебила Нина Ѳедоровна, но иронія ей не удалась; она сама это замѣтила и чувствовала, что ею овладѣваетъ то настроеніе, которое она до сихъ поръ въ немъ замѣчала.

— Чтобы вы были моей женой, рѣзко докончилъ онъ.

Она не ожидала этого, теперь. Горячія ощущенія забились въ ней. Это глупо, до нельзя глупо! твердила она себѣ, всегда разсудительная. Донынѣ этого не было... Отчего я теперь такая?.. Я не хочу...

Она не отвѣчала, тускло смотрѣла впередъ, на песчаную площадку, гдѣ, въ тѣни исполинскихъ каштановыхъ деревьевъ, мавританка, вся въ бѣломъ, съ завѣшаннымъ лицомъ, разговаривала съ взрослымъ арабомъ, сверкая глазами. Немного дальше, два негритенка, въ мундирахъ учебнаго заведенія, кувыркались.

Ногаевъ продолжалъ:

— Вы не хотите? Не согласны? Почему? Вы свободны. Вотъ ужъ восемь мѣсяцевъ, какъ вы овдовѣли, лишились нелюбимаго мужа... У васъ не можетъ быть особенныхъ причинъ отказать; мы одного общества, однѣхъ связей... Конечно, главная причина,—я вамъ не нравлюсь...

— Вы! вскрикнула она.

Онъ схватилъ ее за руку.

— Такъ отчего же, милая? Отчего...

Нина Ѳедоровна оттолкнула его, тихо.

— Развѣ такъ можно, сразу,—съ трудомъ проговорила она.

Оба притихли.

Чувство счастья мѣшало ему говорить. Въ ея словахъ слышались ему другія: «я тебя люблю». Наконецъ-то... Вотъ уже три года, какъ онъ ее знаетъ, какъ она затронула его душу... Встрѣтилъ онъ ее впервые въ Петербургѣ, съ мужемъ, барономъ Гайтеномъ, удручавшимъ жену тоской своихъ болѣзней. Тогда уже онъ мальчишески влюбился, съ припадками глупыхъ надеждъ и мучительнаго трепета... И она не подозрѣвала, что онъ ее любитъ... Такъ прошло мѣсяца четыре, въ незначительныхъ встрѣчахъ и робкихъ словахъ. Потомъ, вдругъ, она исчезла. Оказалось, что у ея мужа горловая чахотка. Надо было проводить зимы въ теплыхъ мѣстахъ. Перекочевывали они изъ Мерана въ Ниццу, изъ Монтре въ Ментону или въ Санъ-Ремо. Два года не видѣлъ онъ ея, влюблялся въ другихъ, но постоянно о ней думалъ. Наконецъ, будучи въ Парижѣ и узнавъ, что она въ Ментонѣ, онъ поѣхалъ туда... Гайтенъ злобно метался, измученный чахоткой, терзалъ свою жену, невѣжливо принялъ Ногаева... А Нина Ѳедоровна точно сумасшедшая была, сбитая съ толка придирками мужа, не знала минуты покоя. Однажды, Романъ Львовичъ едва не рѣшился на ясно выраженное признаніе, началъ, но она, кажется, и не слыхала его словъ, не отвѣтила, заговорила о мужѣ и заплакала... Кто-то пришелъ, помѣшалъ Ногаеву продолжать. На другой день онъ уѣхалъ, рѣшивъ, что стыдно отбивать у несчастной женщины ея послѣднее утѣшеніе—честность. Въ Петербургѣ онъ думалъ о ней. Рѣзкое чувство поднялось въ

немъ, когда онъ узналъ о смерти Гайтена. Услышалъ онъ, что Нина Ѳедоровна похоронила мужа въ Парижѣ, а гдѣ она сама—никто не зналъ, кого онъ ни спрашивалъ... Пришла инфлуэнца, онъ заболѣлъ, перенесъ тяжкое воспаленіе въ легкихъ. Когда онъ поправился, ему посовѣтовали пожить въ теплѣ, и онъ уѣхалъ въ Алжиръ, изъ любопытства. Тутъ онъ здоровѣлъ, развлекался, позабылъ немного о ней, но вдругъ увидѣлъ ея имя въ спискѣ иностранцевъ, населяющихъ Ниццу. Первой его мыслью было ѣхать туда, но онъ раздумалъ: лучше здѣсь... тамъ постоянныя напоминанія о покойникѣ... И онъ сталъ писать, просить, звать, мало надѣясь... Мало надѣясь! А теперь...

А она думала: зачѣмъ я пріѣхала!... Вѣдь должна же она была знать, что этимъ кончится, что здѣсь наступитъ минута, когда придется сказать «да» или «нѣтъ»... Вѣдь знала она, что онъ ее любитъ... Да, ну, такъ что же?.. Онъ хочетъ быть ея мужемъ... И при словѣ «мужъ» раздается въ душѣ эхо хрипоты покойнаго мужа, возраждается вереница оскорбляющихъ впечатлѣній, воспроизводится ощущеніе сѣрой больничной тоски... ей даже запахъ лѣкарствъ мерещится... Конечно, *этотъ* не похожъ на того, онъ ей нравится... Но вѣдь надо любить, любить надо, чтобы счастливой быть! Неужели я не могу?—подумала она.—Неужели у меня отъ этой жизни душа опустѣла и чувства выдохлись? Нѣтъ же! Я молода, онъ молодъ, и все кругомъ такъ хорошо!

И она посмотрѣла вокругъ себя, точно прося силы у моря, у пальмъ, у неба. Семь лѣтъ замужества не могутъ же оставить слѣдъ навѣки. Одна минута можетъ спасти.

Отъ мужа я овдовѣла, не ото всего! мысленно вскрикнула она.

— Нина Ѳедоровна? Нина? вопросительно произнесъ Ногаевъ, не понимая, отчего она боится дать ему счастье. Вѣдь онъ знаетъ, какой отвѣтъ зарождается на ея губахъ; она уже не можетъ его оттолкнуть. Онъ добился, побѣдилъ.

Она едва не отвѣтила «да» и испугалась возможности произнести это слово. Но вѣдь все равно—я его произнесу! подумала она, воодушевляемая горячимъ чувствомъ, наполняющимъ ея душу теплыми волнами. Господи! Какъ хорошо! Сколько радости и счастья можно найти на землѣ!

— Нина Ѳедоровна?

— Подождите, сказала она, — я... подумаю... завтра, завтра утромъ.

Это проговорила она противъ воли, заставила себя. Привычная разсудительность твердила ей: сперва обдумай.

— Развѣ сердце думаетъ! вспылилъ Ногаевъ, но она такъ умоляюще на него посмотрѣла, что онъ переста̀лъ сердиться.

— Завтра утромъ, — повторила она,—приходите ко мнѣ, въ Saint-Georges.

Она встала.

— А теперь прощайте... Довольно. Слишкомъ много.

Романъ Львовичъ не сталъ ее удерживать, понимая, что настойчивость повредитъ.

— До завтра, сказалъ онъ и искалъ, что̀ бы еще сказать, могущее запасть ей въ душу, но она уже повернулась и шла снова въ гору, быстро скрылась за извивомъ дороги.

II.

Ногаевъ, посмотрѣвъ ей вслѣдъ со счастливой улыбкой, весело взмахнулъ тростью и направился скорымъ шагомъ внизъ, къ городу.

Наконецъ-то! Наконецъ-то!—думалъ онъ, и дальше этого слова мысль его не шла, т. е. невыражалась словами, а только образы будущаго принимала. Впереди сплошное широкое счастье, а теперь, въ душѣ, такой избытокъ радости, что чувствуешь себя способнымъ обрадовать всякаго встрѣчнаго... Вѣдь сомнѣнія быть не можетъ... Ея взглядъ уже сказалъ «да»...

— A! Baba Salem! —вскрикнулъ онъ, увидѣвъ передъ собой чернаго суданца, нищаго, извѣстнаго всему Алжиру своими комичными кривляньями.

Старикъ, съ потрескавшимися, мѣстами посѣрѣвшими морщинами на уродливомъ лицѣ, съ толстыми губами и плутовскимъ взглядомъ, раскачивался, переваливаясь съ ноги на ногу, подъ тактъ безформенной музыки, извлекаемой имъ изъ грубаго инструмента, похожаго на гитару. Лохмотья его бурнуса были живописны.

— Tiens, mon vieux!

Романъ Львовичъ далъ ему большую серебряную монету.

Баба̀-Салемъ сталъ еще ниже присѣдать, съ ужимками ученаго медвѣдя.

Не успѣлъ Ногаевъ сдѣлать еще шаговъ тридцать, какъ на него набѣжали двѣ дѣвочки-нищенки, кабилки, Мазуина и Фатьма, и принялись со смѣхомъ теребить его, клянча: damassou, damassou (donne moi un sou)...

Получили, отстали, убѣжали, смѣясь.

Весело посвистывая, Романъ Львовичъ приближался къ Алжиру.

Какъ хорошо, что это случилось здѣсь! — думалъ онъ. — *Это*, т. е. сегодняшнее свиданье съ Ниной Ѳедоровной, увѣренность, счастье. *Здѣсь*, т. е. въ томъ благодатномъ краѣ, гдѣ февраль — весна, гдѣ зелень саженныхъ кактусовъ сказочность обстановкѣ придаетъ. Никогда еще не уходилъ онъ такъ глубоко въ эту опьяняющую поэзію юга, никогда еще не видѣлъ такъ. Все встрѣчное казалось ему новымъ: и безобразные омнибусы-кориколо, навьюченные кучами грязныхъ арабовъ, и мозабиты въ ковровыхъ рубахахъ, и продавцы мандариновъ, заунывно выкрикивающіе «un sou le tas!», и игрушечно красивые зуавы, и косматая голова заклинателя змѣй, не шалящаго конвульсій надъ безвреднымъ и ошалѣвшимъ ужомъ.

Но, сквозь всѣ впечатлѣнья, Ногаевъ думалъ: она меня любитъ, мы повѣнчаемся...

Мысль его перешла на то, что въ Алжирѣ нѣтъ русской церкви... Въ Марсели есть греческая... въ Ниццѣ имъ неудобно... Въ Россію ѣхать — далеко... Лучше всего — въ Парижѣ. Послѣ свадьбы... да чтò объ этомъ думать! Развѣ теперь, именно теперь, не хорошо?

И онъ глубоко вздохнулъ, наслаждаясь сознаніемъ своего счастья.

— Романъ Львовичъ! Куда? Погодите трошки.

Ногаевъ оглянулся и увидѣлъ толстую широкоплечую фигуру соотечественника, съ которымъ почти ежедневно встрѣчался. Это былъ Спиридонъ Емельяновичъ Бульбуленко, сынъ богатаго сахарозаводчика, попавшій въ Алжиръ чуть ли не

съ пьяныхъ глазъ, послѣ усиленныхъ кутежей въ Парижѣ.

— Ну, батенька, какую я сегодня штуку нашелъ, — просто прелесть, даю вамъ честное слово! Пожалуйте ко мнѣ завтра въ гостинницу откушать. Повѣрите-ли, иду я сегодня утромъ по pêcherie и вдругъ вижу эдакую черепаху, аршинъ длины, лежитъ на прилавкѣ брюхомъ къ верху и лапами барахтается. Купилъ за десять франковъ. Потомъ еще дикобраза пріобрѣлъ, даю вамъ честное слово. Кромѣ того, распорядился, чтобы достали лучшаго этого канальскаго Vin de Staouèli и de Mèdèah, да ликеровъ изъ Блиды; изъ Бискры же я еще третьяго дня приказалъ вытелеграфировать особенныхъ финиковъ и бананововъ. Такимъ образомъ, у насъ совсѣмъ африканскій завтракъ будетъ, по случаю двадцать восьмаго дня моего рожденія. Дѣловъ-то — куча!

Его широкая физіономія стала еще шире отъ смѣха. Рыжіе усы заторчали къ верху.

— Какъ я радъ васъ видѣть! Какъ я радъ! — сказалъ Ногаевъ, пожимая ему руку, — отлично, позавтракаемъ завтра, выпьемъ за ваше здоровье, а теперь пойдемте, прогуляемся. Вы свободны?

— А то куда-жъ мнѣ дѣваться... дѣловъ то — куча!

Пошли. Романъ Львовичъ хотѣлъ разсказать ему про свое счастье, послушать свои собственныя радостныя слова. Съ чего бы начать?.. да поскорѣй...

— Большая просьба: будьте у меня на свадьбѣ, шаферомъ, — съ разстановкой проговорилъ онъ.

Бульбуленко ротъ разинулъ, удивился. Это чрезвычайно обрадовало Ногаева.

— Шаферомъ?!
— Ну, да...
— Вы женитесь?
— Женюсь.
— Ихъ гратулире. На комъ же?

Романъ Львовичъ сталъ разсказывать, подробно, увлекаясь, вдаваясь и въ то, чего его собесѣдникъ не могъ понять, какъ поэтъ, которому бы вздумалось прочитать свое стихотвореніе лабазнику. И Спиридонъ Емельяновичъ слушалъ, восторгался, говорилъ «дѣловъ-то—куча» и руками махалъ, загораживая путь прохожимъ.

Они уже прошли подъ рядами толстыхъ пальмъ, окаймляющихъ скверъ, вошли подъ арки улицы Баб-Азунъ, алжирскаго гостиннаго двора, гдѣ толкается, отъ трехъ до шести часовъ, все европейское общество города. Они уже добрались до громадной бѣлой площади съ большой бѣлой мечетью и статуей герцога Орлеанскаго, гдѣ арабскіе бурнусы теряются въ массѣ разноцвѣтныхъ европейскихъ костюмовъ, а Ногаевъ все еще разсказывалъ, не желая отрываться отъ того, что доставляло ему удовольствіе. Бульбуленко внималъ, думалъ «ишь ты, развезло его». Какъ добрый малый, онъ радовался и рѣшилъ, что надо будетъ, по этому торжественному случаю, еще что-нибудь африканское къ завтраку пріобщить. Filet de gazelle, что ли...

— Ну, и слава Богу,—проговорилъ онъ, когда Ногаевъ кончилъ,—а теперь пойдемъ до Грюбера. Самое время.

— Да я вѣдь не пью,—возразилъ Романъ Львовичъ.

— Ну, хоть и сельтерской за здоровье Нины Ѳедоровны выпьете. А то хоть такъ посидите... Дѣловъ-то—куча!

III.

Воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ. Далеко, до мыса Матифу, раскрывался видъ съ площадки Taverne Grüber, гдѣ всѣ столики были заняты туристами, офицерами мѣстнаго гарнизона, съ дамами и безъ дамъ. Было два или три араба, шейхи, явившіеся изъ пустыни къ генералъ-губернаторскому балу, красивые, строгіе, одѣтые въ богатые костюмы, пьющіе кофе, приготовленный по-европейски.

Мальченки, негры и арабы, оборванные, въ грязныхъ фескахъ, сновали на четверинкахъ между столиками, толкая передъ собой деревянную подставку для чистки сапогъ, и покрикивали:—Mous-sou, cirir! cirir!

Уличные продавцы, кабилы и турки, предлагали кинжалы, ковры, платки, портсигары, съ восточной назойливостью. Разнощики газетъ суетились и орали:—L'Akhbar, vient de paraitre! Demandez l'Anti-juif! Voici la Vigie!

— Рро! Фисса! Балекъ! Барка!—ожесточенно отмахивался Бульбуленко,—ну васъ всѣхъ къ бису! Вотъ надоѣли-то, съ неумытыми рылами!

Онъ пилъ уже второй стаканъ абсента и становился краснымъ. Впрочемъ, легкое пьянство было ему къ лицу, дѣлало его симпатичнымъ.

— А вы-то что-жъ не пьете! Даю вамъ честное слово, въ первый разъ вижу такого паныча, чтобы выпить боялся, да на радостяхъ еще! Оно

правда, что я самъ здѣсь много не могу, потому хорошей закуски нема... а то бы огирокъ солсный, балычка, икорки бархатной, да водочки номеръ двѣсти тысячъ... Здѣсь я было, вмѣсто очищенной, вздумалъ чистый абсентъ пить, такъ скоро отказался, а то гарсоны собирались и глазѣли на меня.., даже непріятно, даю вамъ честное слово... Нѣтъ, вы, панычъ, пріѣзжайте къ намъ, хотя съ жинкой, а то и безъ жинки, знаете, по пидъ тыню, и тамъ я вамъ самъ въ лѣсу сварю нашу малороссійскую полевую кашу, такую что пальчики обсосете, даю вамъ честное слово! И раковъ наварим, въ бѣломъ винѣ. Я умѣю, дѣловъ-то куча! А вы когда думаете отсюда ѣхать.

— Не знаю... Это мы завтра рѣшимъ,—отвѣтилъ Ногаевъ, разсѣянно.

Болтовня Спиридона Емельяновича убаюкивала его, помогала мечтать.

Булбуленко усмѣхнулся.—Завтра! Ухъ счастливый мальчикъ! А хорошенькая, должно быть, эта Нина Ѳедоровна...

— Смотрите, курьеръ прибылъ,—перебилъ Романъ Львовичъ.

Курьеръ, т. е. марсельскій пароходъ, входилъ въ гавань, медленно, точно съ трудомъ, поворачиваясь кормой къ пристани, куда наваливалась праздная толпа.

— Опоздалъ, рыло свинячье,—замѣтилъ Спиридонъ Емельяновичъ, — должно быть, у Балеарскихъ покачало.

— Должно быть, — равнодушно проговорилъ Ногаевъ.

Съ неудовольствіемъ, онъ замѣчалъ, что его оживленіе пропадаетъ и что свиданіе съ Бульбуленко больше ничего пріятнаго не даетъ. Неужели оставаться въ одиночествѣ до завтра?.. Истерзаешься отъ нетерпѣнья...

— Ah! Monsieur Boulboulenko, monsieur de Nogaief, quel plaisir de vous voir!

Къ нимъ подходилъ знакомый алжирскій французъ, землевладѣлецъ изъ Миліаны, человѣкъ лѣтъ сорока, сѣдоватый, немного обрюзглый, наѣзжающій еженедѣльно въ Алжиръ для грубыхъ кутежей. Онъ уже успѣлъ выпить, повидимому, и былъ въ томъ благодатномъ настроеніи, въ которомъ французъ, встрѣтивъ русскаго, считаетъ необходимымъ заручиться его согласіемъ на возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи.

Бульбуленко былъ въ соотвѣтствующемъ настроеніи духа и, поэтому, на столикахъ, послѣ абсента, явились le vermouth franco-russe, le genièvre franco-russe и l'amer-curaçao franco-russe. Въ концѣ концовъ, было выпито достаточно, чтобы привести къ соглашенію представителей всѣхъ державъ. Даже Романъ Львовичъ соблазнился бенедиктиномъ.

— А теперь аллонъ ше Кадуджа, предложилъ Бульбуленко, —неспа, monsieur Gabry?

— Kadoudja? Comment donc! Allons diner chez elle. C'est une idée superbe. Elle demeure rue de la mer Rouge? Oui, oui, je connais l'endroit...

— Что это за Кадуджа,— спросилъ Ногаевъ.

Monsieur Gabry понялъ вопросъ и закипятился. Какъ? Monsieur de Nogaief не знаетъ Кадуджи? Une femme très-chic, de la haute volée, vous savez. Très-couleur locale. Il faut voir ça. Et charmante, très-aimable. D'ailleurs, celà n'engage à rien.

— А все-жъ! вмѣшался Бульбуленко, — или вы какъ женихъ, опасаетесь? Да развѣ не все

равно, гдѣ пообѣдать? И никто не узнаетъ... Мы по пидъ тыню... Дѣловъ то куча!

Ногаевъ согласился. Любопытно.

Они пошли. Былъ седьмой часъ, темнѣло. Въ Европейской части города движеніе стихало, гуляющіе расходились обѣдать. Подъ арками жидовской улицы Баб-ел-Уэдъ попадались улыбающіяся женщины безъ шляпъ, оборванные мальтійцы и испанцы.

Габри, взявъ подъ руку Романа Львовича, продолжалъ толковать о политикѣ. Паденіе Буланже его огорчало, хотя онъ и увѣрялъ que c'est un farceur. Ногаевъ вѣжливо соглашался. Бульбуленко шелъ впереди, размахивая руками.

Свернули налѣво, въ арабскую улицу, узкій проходъ, съуживающійся наверху, тамъ, гдѣ выступаютъ вторые этажи пузатыхъ домовъ. Здѣсь было почти совсѣмъ пусто, изрѣдка туземцы встрѣчались, малоподвижные. Проулки неуклюже извивались въ лабиринтѣ бѣлыхъ строеній, прилѣпившихся къ горѣ. Спиридонъ Емельяновичъ спотыкался на ступенькахъ и давалъ честное слово въ томъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ Сумахъ мостовая лучше. Наконецъ, онъ остановился у довольно большого дома.

— Здѣсь, объявилъ онъ и застучалъ висячимъ молоткомъ, придѣланнымъ къ темной деревянной двери,—видите, рѣзьба на дверяхъ какая...

Съ чего они взяли, что здѣсь можно обѣдать! тоскливо думалъ Ногаевъ, раскаиваясь въ томъ, что пошелъ съ пьяными.

Послышалось шлепанье ногъ по камню, застучалъ засовъ. Въ полураскрытую дверь показалась крошечная желтолицая старушка.

— Мадемуазель Кадуджа? сказалъ Бульбуленко.

Старушка привѣтливо улыбнулась, закивала всѣмъ и, посторонившись, пропустила ихъ мимо себя, безмолвно.

Они очутились въ просторномъ дворѣ, вокругъ котораго, вторымъ этажомъ, шла галлерея съ каменными колоннами. У самаго входа, направо, сидѣла другая старушка, черная, и жарила на угольяхъ что-то, не вкусно пахнувшее. Налѣво, въ большой нишѣ, полузакрытой красною полинявшею занавѣской, лежала третья старуха, повидимому госпожа, съ тряпками на головѣ. Около нея сидѣла молодая женщина съ сильно выраженнымъ еврейскимъ типомъ. Молодая поднялась и сказала, ломаннымъ французскимъ языкомъ, чтобъ пришедшіе шли за ней. Взобрались они по узкой каменной лѣстницѣ, окрашенной въ голубой цвѣтъ, и попали на галлерею, служившую какъ бы открытымъ корридоромъ, соединяющимъ пять или шесть комнатъ. Двери этихъ комнатъ были завѣшаны кисеей.

Тишина была замѣчательная, мѣшающая говорить.

Но Спиридонъ Емельяновичъ не могъ долго молчать. — Сюда, налѣво, вотъ помѣщеніе Кадуджи... я-жъ знаю... Вы не думайте, что это мурло—Кадуджа! Это Зора—подруга... Зора, апель Кадуджа.

Въ комнатѣ Кадуджи не было никого. Зора отправилась за ней. Пріятели поискали, гдѣ бы сѣсть, но стульевъ не оказалось. Вмѣсто нихъ имѣлись тонкія циновки, расположенныя вокругъ треножника, на которомъ красовался очень боль-

шой мѣдный подносъ, испещренный арабесками. Въ углу стоялъ простой, самый европейскій комодъ; надъ нимъ висѣли часы англійскаго типа. Направо была дверь. Бульбуленко растворилъ ее и посмотрѣлъ.

— Тамъ кровать, объявилъ онъ.

— Bonjour, bonjour, bonjour, —раздался веселый голосъ.

Входила Кадуджа, высокая женщина лѣтъ шестнадцати, стройная, граціозная, съ открытымъ привѣтливымъ лицомъ классической арабской красоты. Синяя курточка, вышитая золотомъ, шелковая бѣлая рубашка, бѣлые шаровары съ красными полосами, красныя туфли, надѣтыя на босую ногу, браслеты на ногахъ, все это было у нея изящно, чисто и хорошо.

— Bonjour, bonjour, tu vas bien? говорила она, награждая гостей schake—hands'ами, съ одинаковой любезностью, какъ будто знала ихъ всѣхъ давно. Она попросила ихъ сѣсть, опустилась сама на циновку, подобравъ ноги, что гостямъ удалось съ трудомъ, особенно Спиридону Емельяновичу. Когда она узнала, что пришедшіе собираются у нея обѣдать, то обрадовалась, крикнула Зору, объяснила ей что-то по арабски.

Та угрюмо кивнула головой и вышла.

— J'ai du champagne,—объявила Кадуджа.

Когда Ногаевъ замѣтилъ, что она, вѣроятно, слѣдуя магометанскому закону, не станетъ пить, она пояснила, что шампанское—ничего, а вотъ краснаго вина она не пьетъ, ибо оно производитъ въ желудкѣ пятна, какъ на бѣльѣ, несмывающіяся. Тотчасъ же она принесла изъ другой комнаты

три бутылки, не очень теплыя, сама откупорила ихъ и стала угощать, чтобы не скучали...

— Bois, bois, уговаривала она Ногаева и спросила: —es-tu marié?

— Non.

— Lorsque tu seras marié, amène ta femme. J'aime beaucoup recevoir des dames. Et jamais elle ne saura que tu es venu seul.

Вообще, она держала себя прилично, съ достоинствомъ, не покидавшимъ ея даже тогда, когда она стала съ откровенностью отвѣчать на вопросы Gabry относительно подробностей своего житья. Послѣ первыхъ трехъ бутылокъ, явились еще три. Романъ Львовичъ пилъ, не отставая отъ другихъ. Сперва ему казалось, будто онъ пьетъ потому, что празднуетъ свою радость, а потомъ онъ объ этой радости забылъ, а продолжалъ пить по инерціи. Когда принесли большое блюдо кускуса съ бараниной, онъ уже не былъ въ состояніи ѣсть, хотя и тянулся пальцами къ блюду. Габри уговаривалъ Кадуджу проплясать танецъ живота и именно такъ проплясать, какъ это однажды продѣлали въ его присутствіи въ одномъ изъ тѣхъ арабскихъ домовъ верхней Казбы, гдѣ женщины татуированы, благо это нравится матросамъ. А Бульбуленко пускалъ въ ходъ всѣ французскія слова, какія зналъ, чтобы провести параллель между кускусомъ и малороссійской кашей. Онъ наконецъ потребовалъ еще шесть бутылокъ, замѣтивъ «и кто-бъ его пилъ, якъ бы не нужда!», развалился на циновку и сталъ пѣть во все горло:

Ганзя душка, Ганзя любка,
Ганзя милая голубка,

Ганзя рибка, Ганзя птычка,
Ганзя цаца-молодычка

— Pas si fort, сказала Кадужда,—ma mère n'aime pas ca.

Впрочемъ, она сама начала шумѣть и съ улыбкой слушала грязныя фразы француза. Она, также какъ Габри и Бульбуленко, перевалила за ту черту, послѣ которой пьешь, потому что пьянъ.

Шумъ немного отрезвилъ Ногаева. Ему было скверно, жарко, противно; даже гостепріимная хозяйка перестала нравиться. Никто не видѣлъ, какъ онъ всталъ, вышелъ на галлерею. Внизу онъ встрѣтилъ Зору, вручилъ ей нѣсколько золотыхъ за угощеніе и выбрался на улицу.

Было совсѣмъ темно. Наступила африканская ночь съ чернымъ небомъ и большими звѣздами. Изъ арабскихъ кофеенъ доносился глухой шумъ, говоръ, кое-гдѣ минорное пѣнье слышалось... Внизу, ближе къ городу, было тише. Только со стороны воротъ Баб-ел-Уэдъ раздался протяжный крикъ. Вѣроятно, мальтійцы кого-нибудь рѣзали.

«Завтра, завтра, день счастливый!» насвистывалъ Ногаевъ.

IV.

Когда Нина Ѳедоровна проснулась, къ ней пришли всѣ тѣ мысли, съ которыми она, поздно вечеромъ, заснула, разстроенная. Возобновились онѣ съ большой отчетливостью, совсѣмъ разогнали сонъ. Она начала одѣваться, медленно, зная, что зарождается для нея день тусклый и непріятный, что сегодня ужъ не будетъ такихъ минутъ, какъ

вчера, да и не должно быть. Она этого не хочетъ.

Женою Романа Львовича она не станетъ, потому что не можетъ ею быть, не можетъ быть ничьей женой.

Наканунѣ, слова Ногаева, окружающая природа, все это расшевелило ея душу, подняло съ глубины сердца что-то похожее на молодое чувство, и она едва не увлеклась. Пріѣхала она сюда отъ скуки; можетъ быть, остатокъ былого кокетства привлекъ ее къ Роману Львовичу, понравилось ей, что онъ ее зоветъ. Была увѣренность въ томъ, что она не позволитъ симпатіи превратиться въ любовь, даже въ увлеченье. Едва не ошиблась она, но опомнилась теперь. Развѣ она можетъ любить, развѣ не потускнѣло въ ней все хорошее и чуткое, за годы несчастнаго брака, за эти ужасные годы!

Жизнерадостной и любящей вышла она замужъ, мертвенно-сухой изъ замужества вышла.

Семь лѣтъ страданій, мелкихъ, подтачивающихъ, семь лѣтъ, звучащихъ хриплыми упреками мужа, постоянными оскорбленіями, семь лѣтъ больничнаго ухода и жалкой пародіи на любовь. Мерана, деревни, Ментоны — она больше видѣть не можетъ, изъ-за перенесенныхъ тамъ скорбей. Также одна мысль о бракѣ, о близости къ мужчинѣ, вызываетъ въ ней желаніе крикнуть: «нѣтъ, нѣтъ, ни за что!» Кашляющій грязный призракъ надвигается на нее, въ ушахъ раздаются оскорбляющія слова, все существо ея наполнено ощущеніемъ опротивѣвшаго.

Ни за что, ни за что!

Такого опьяненія, какъ вчера, уже не будетъ.

Жизнь обманула разъ, больше не обманетъ. Вдова она, въ полномъ смыслѣ этого слова. Только теперь поняла она это ясно, вполнѣ. Эти семь лѣтъ тяжестью прошли по ея жизни, оставили на всѣхъ ея чувствахъ загрязняющую колею, куда, неизмѣнно, укладываются нынѣ всѣ впечатлѣнія и мысли. Въ старыя мѣха молодого вина не вливаютъ. Выйдти ей замужъ, значитъ — обмануть, стать для мужа тѣмъ, чѣмъ былъ для нея Гайтенъ, отдать уставшее сердце, дряхлую душу и сказать:— вотъ это чувство, вотъ это любовь!

Куда ей, душевно-безприданницѣ, замужъ выходить!

— Не хочу, вслухъ произнесла она,—въ бракѣ я никому не дамъ счастья и сама въ немъ счастья не найду.

Она растворила окно, облокотилась на подоконникъ.

Внизу широкій садъ гостиницы раскрывался вѣеромъ пальмъ, кактусовъ, оливковыхъ и чашковыхъ деревьевъ. На площадкѣ, хорошенькія англичаночки играли въ крокетъ. На плетеной кушеткѣ лежалъ болѣзненный молодой человѣкъ и, увидѣвъ Нину Ѳедоровну, поклонился ей.

Она разсѣянно кивнула и поспѣшила къ письменному столу, вспомнивъ, что Ногаевъ придетъ,— а лучше устроить такъ, чтобы онъ не пришелъ.

«Отвѣчаю: нѣтъ», написала она,—«почему? Не спрашивайте, не поймете. Просто скажу, что не люблю васъ, а съ дружбы въ такихъ случаяхъ не начинаютъ»...

Отчего я себѣ сразу не сказала, что его не люблю? съ усмѣшкой подумала она.—Это было гораздо проще, нежели все прошлое поднимать.

. . . . . .

Два часа спустя, когда Бульбуленко увидѣлъ Ногаева и замѣтилъ его разстроенный видъ, то угадалъ какое горе случилось, развелъ руками и отъ души проговорилъ:

— Даю вамъ честное слово... Дѣловъ-то куча!

ВАНЯ.

Когда пробило четыре часа, чиновникъ для письма Ивановъ аккуратно спряталъ перья, карандаши и бумагу въ ящикъ стола и тихою, робкою поступью пошелъ въ кабинетъ экспедитора Фролова.

— Павелъ Петровичъ, мнѣ сегодня разрѣшите пораньше домой... У меня елка.

Фроловъ, очень добродушный и толстый человѣкъ, весело переспросилъ:

— Елочка? А вы все мнѣ сдали?

— Какъ же-съ... Списокъ чиновъ, два доклада и десять писемъ къ членамъ остзейскаго комитета.

— Ну, и ступайте съ Богомъ... Я и прочихъ скоро распущу... Время праздничное... А для кого елка-то?

— Для сына, для Вани... семь лѣтъ. Славный такой.

Ивановъ едва не прослезился. Онъ не могъ говорить о сынѣ иначе, какъ съ пріятной болью въ душѣ. Тускло живется, страдно, а придешь домой, именно въ то мѣсто, гдѣ ощущаешь свою бѣдность, и посмотришь на сына, такъ думается: ради этого ангела судьба сжалится...

И большой сегодня праздникъ. Ваня будетъ радоваться. Радость Вани—счастье всѣмъ.

— Да, это хорошо, одобрилъ Фроловъ, — но дѣти народъ такой, что...

Онъ не успѣлъ договорить, потому что за его спиной энергично задребезжалъ телефонъ.

Давъ отвѣтный звонокъ, Фроловъ приложилъ трубку къ лѣвому уху и членораздѣльно проговорилъ:

— Канцелярія отчетнаго министерства... Я, ваше высокопревосходительство...

Ивановъ угадалъ, что говоритъ самъ министръ, и замеръ, боясь шелохнуться.

Фроловъ слушалъ и отвѣчалъ.

— Точно такъ... слушаю-съ, слушаю-съ... трое на лицо... лучше всѣхъ Ивановъ... онъ здѣсь, ваше высокопревосходительство... слушаю-съ... изволите приказать немедленно?.. слушаю-съ... будетъ исполнено.

Волновался Ивановъ, не понимая.

Экспедиторъ повѣсилъ трубку на мѣсто и прервалъ сообщеніе двумя короткими звонками.

— Возьмите два листа слоновой бумаги и отправляйтесь къ министру, сказалъ онъ,— его высокопревосходительство мнѣ телефонируютъ, что требуется немедленно переписать докладъ. Они выкинули двѣ строки. Желаютъ, что бы въ ихъ присутствіи...

Ивановъ совершенно упалъ духомъ. »А елка? думалъ онъ.—А елка?»

— Полно! утѣшилъ его Фроловъ,—вы должны гордиться тѣмъ, что вашъ прекрасный почеркъ доставляетъ вамъ такую честь.

Иванову очень хотѣлось отвѣтить, что Ваня

отнесется къ такой чести равнодушно, и что подобныя отличія ничего кромѣ тяготъ не приносятъ... да и ждать дома будутъ, станутъ безпокоиться. Ваня заплачетъ... Если Ваня заплачетъ, то ничто не поправитъ такой бѣды.

— Ну, скорѣй! нетерпѣливо произнесъ Фроловъ.

Пришлось идти. Вереницею длинныхъ коридоровъ, держа въ рукѣ обложку, гдѣ лежали листы слоновой бумаги, Ивановъ пробрался на квартиру его высокопревосходительства. Въ прихожей, курьеры отнеслись къ нему сочувственно:

— Что, жучатъ?

Одинъ изъ нихъ пошелъ докладывать. Иванова позвали въ кабинетъ. Тамъ сидѣлъ самъ министръ, котораго чиновникъ для письма никогда еще такъ близко не видѣлъ.

«Какой серьезный!» подумалъ онъ.

Напрасно онъ такъ подумалъ. Его высокопревосходительство вовсе не былъ серьезенъ. Онъ веселился сердцемъ при мысли о томъ, что сейчасъ распахнетъ двери въ гостиную и впуститъ туда, къ подаркамъ, своего сына, Ваню, семи лѣтъ.

— Господинъ Ивановъ? спросилъ министръ,— садитесь сюда. Перепишите осторожно и быстро.

Онъ указалъ ему на стулъ, на столъ и на перечеркнутый докладъ.

«Въ проектѣ не могъ исправить!» съ досадою подумалъ Ивановъ, отвѣшивая глубокій поклонъ.

— Садитесь же. Пишите. Я долженъ черезъ часъ его имѣть готовымъ.

Ивановъ сѣлъ, дичась роскошныхъ канцелярскихъ принадлежностей.

Съ этой минуты, его высокопревосходительство пересталъ имъ интересоваться, даже совсѣмъ забылъ о немъ.

— Ваня! крикнулъ онъ.

Ивановъ вздрогнулъ, точно ему показалось, что сейчасъ войдетъ его сынъ.

Но вошелъ сынъ министра, сытый мальчикъ, съ розовыми щечками, хорошенькій и веселый блондинчикъ.

Горько стало чиновнику для письма. Ежели бы его Ванѣ—да такое здоровье!

— Останься здѣсь, подожди, я тебя сейчасъ позову, ласково проговорилъ министръ и вышелъ. Ему хотѣлось бросить послѣдній взглядъ на всѣ подарки... надо устроить такъ, чтобы у сынишки глаза разбѣжались.

Ваня остался въ кабинетѣ, съ полнымъ сознаніемъ предстоящаго удовольствія. Покачалъ онъ сперва правой ногой, потомъ лѣвою, а затѣмъ сталъ съ интересомъ смотрѣть на чиновника... «Какое у него смѣшное лицо! И почему онъ моргаетъ? Онъ глупый... навѣрно, глупый!»

Ивановъ тоже на него глядѣлъ, машинально вытирая перо. Онъ всѣхъ и все теперь здѣсь ненавидѣлъ. Злила его обязанность писать, злила чужая радость, здоровье этого чужаго Вани оскорбляло. Скверныя чувства гуляли у него по душѣ.

Работы хватитъ на полчаса... нѣтъ, на часъ. Въ часъ Ваня успѣетъ заплакать, видя, что папы нѣтъ.

Вдругъ, Ваня замѣтилъ:—Какой вы смѣшной!

Очевидно, онъ былъ избалованъ и привыкъ выражать свои мысли очень откровенно.

— Какой вы смѣшной! У васъ носъ—какъ картошка.

...Тамъ, на Петербургской, въ тѣсной квартирѣ, другой Ваня часто говоритъ своему отцу: «папочка, носъ у тебя, какъ картошка»...

Вотъ, должно быть, почему эти слова такъ обрадовали Иванова. Ему хотѣлось встать и броситься къ «генеральскому» ребенку, цѣловать его. Но страхъ его обуялъ.

Придвинувъ къ себѣ бумагу, онъ сталъ выводить буквы. Онъ думалъ о томъ, что всѣ дѣти ангелы, что ради нихъ надо любить весь міръ.

Старательно писалъ онъ, осторожно торопясь, и если что-нибудь его злило, то единственно мысль о томъ, что министръ разсердился бы, если бы узналъ о его желаніи поцѣловать и затормошить сына его высокопревосходительства.

КРАЖА.

Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лидія Александровна.
Чалыгинъ, ея мужъ.
Степаловъ.

Сцена представляетъ богатую гостиную. Лидія сидитъ въ креслѣ у стола, на которомъ горитъ лампа, и слушаетъ съ большимъ вниманіемъ игру Степалова, сидящаго за роялемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лидія и Степаловъ.

Степаловъ. Нѣтъ, я сегодня не въ ударѣ (*Встаетъ*).

Лидія. Напротивъ, вы съ большимъ чувствомъ играете.

Степаловъ (*подходя къ ней*). Съ чувствомъ? (*Вздыхаетъ*). Да, конечно... А удобно въ сущности имѣть въ своемъ распоряженіи знакомаго въ

*) Пьеса эта была поставлена, въ первый разъ, на сценѣ Михайловскаго театра осенью 1890 г.

моемъ стилѣ... (*Садится*). Безъ меня вы бы весь вечеръ проскучали, такъ какъ сегодня во всѣхъ театрахъ истрепанную дребедень даютъ... Я явился, сѣлъ за рояль и далъ вамъ возможность помечтать подъ музыку... о мужѣ.

Лидія. Перестаньте... развѣ вы думаете... и вы вѣдь прекрасно знаете, что...

Степаловъ. Что? Что вы не любите своего мужа? Да, представьте, я это знаю, но такъ какъ вы никого не любите и положительно неспособны любить кого бы то ни было, то, конечно, мужъ вамъ все-таки ближе всѣхъ.

Лидія. Я неспособна любить? О!.. (*Взволнованно*). И вы мнѣ говорите это послѣ того, какъ...

Степаловъ. Послѣ чего? Или вы придаете значеніе тому, что, когда я вошелъ сюда полчаса тому назадъ, вы кинулись ко мнѣ навстрѣчу и крикнули: «какъ я рада»?.. Или я долженъ придти въ восторгъ отъ того, что вы приказали никого не принимать, кромѣ меня?.. Можетъ быть вы мнѣ прикажете сумасшествовать отъ радости по поводу того, что вы мнѣ позволили брать вашу руку и цѣловать ее долго, долго цѣловать? (*Цѣлуетъ ея руки*).

Лидія. Перестаньте...

Степаловъ. Нѣтъ, я теперь ужь не перестану. Пеняйте на себя. Зачѣмъ начинали. У васъ тамъ въ душѣ можетъ быть какіе-то пограничные столбы поставлены, дальше которыхъ вы не пускаете своихъ чувствъ, а я не такой, нѣтъ. (*Встаетъ*).

Лидія. Павелъ Николаевичъ...

Степаловъ. Вотъ уже годъ, какъ я у васъ бываю... Будемъ объясняться откровенно... не съ

сегодняшняго дня вы дали мнѣ понять, что я вамъ нравлюсь... И вы сами уже давно знаете, что я васъ люблю... Но я молчалъ, я робѣлъ... Можетъ быть потому, что мало встрѣчался съ вами безъ свидѣтелей... Страдалъ, безмолвно страдалъ... Силы мои истощились, ваше кокетство меня сводитъ съ ума, да, ваше кокетство... Вы любите меня и вмѣстѣ съ тѣмъ играете мною. Я больше молчать не могу... Теперь вы все отъ меня услышали... Конечно, вы меня гоните? Да? Вы находите меня грубымъ и дерзкимъ? Мое признаніе грубо и дерзко... А, можетъ быть, вы воображали, что я способенъ на чахлое воркованье, на розовые разговоры и томное переглядываніе съ луной? Вы ошиблись. Я васъ люблю такъ, какъ любятъ люди, горячо, сильно. Я самъ чувствую, что моя любовь—къ вашей обстановкѣ не подходитъ. Вы собираетесь меня гнать? Не трудитесь, я самъ ухожу. (*Поворачивается, идетъ медленно къ двери*).

Лидія. Куда вы? Подождите... (*Встаетъ*).

Степаловъ (*останавливается*). Зачѣмъ?

Лидія. Не уходите.

Степаловъ (*кидается къ ней*). Такъ ты по моему меня любишь? (*Схватываетъ ее за руку*).

Лидія (*слабымъ голосомъ*). Я не знаю... Я сама не знаю... Я говорить не могу.

Степаловъ (*усаживая ее*). Не говори... Зачѣмъ говорить... Я безъ словъ понимаю. Ты повѣрила мнѣ? Да, я шутилъ! Я знаю, какъ много чувства въ твоей душѣ. Въ тебѣ еще вся душа цѣла, не израсходована... твой мужъ...

Лидія (*перебиваетъ*). Не говори о немъ... Нельзя говорить о немъ теперь... Сухой онъ, черствый,

безсердечный, у него только цифры на умѣ... Я его никогда не любила.

Степаловъ. И онъ тебя никогда не любилъ... Ему пріятно было взять себѣ хорошенькую жену, какъ хорошенькую картину берутъ... Онъ не скоро вернется?

Лидія. Да, какъ хорошенькую картину...

Степаловъ. Онъ скоро вернется?

Лидія. Нѣтъ... Послѣ засѣданія... Ты опять о немъ... Что же это... Развѣ такъ... (*Нервно рветъ платокъ и отходитъ*).

Степаловъ. Лидія... дорогая... какъ я люблю тебя. (*Приближается къ ней*). Ты не боишься меня? Нѣтъ?

Лидія. Нѣтъ... я тебя люблю... давно... Ты такой чудный... (*Протягиваетъ къ нему руки, въ это время входитъ Чалыгинъ. Степаловъ и Лидія быстро отходятъ другъ отъ друга*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Чалыгинъ, Лидія и Степаловъ.

Чалыгинъ. А наше совѣщаніе не состоялось: старички заболѣли... здравствуйте, Павелъ Николаевичъ...

Степаловъ (*растерянно*). Здравствуйте.

Чалыгинъ (*цѣлуетъ руку жены*). Какой у тебя оживленный видъ сегодня вечеромъ.

Лидія (*быстро*). Вовсе нѣтъ. Я всегда такая бываю.

Степаловъ. Вамъ, Борисъ Ѳедоровичъ, просто кажется.

Чалыгинъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно оживленный видъ, даже, такъ сказать, взволнованный... Вѣроятно, игра Павла Николаевича на тебя подѣйствовала...

Степаловъ. Помилуйте.

Лидія. Да, сегодня monsieur Степаловъ игралъ очень хорошо.

Чалыгинъ. Неужели?

Степаловъ. Лидія Александровна слишкомъ добра... Положимъ, Шопенъ мнѣ удается...

Чалыгинъ. А! Шопенъ вамъ удается?.. Это очень хорошо... Что же... присядемъ... садитесь, пожалуйста... глупо разговаривать стоя... А я думаю, можно позавидовать тѣмъ, которымъ Шопенъ удается... Серьезно... Да, вотъ въ чемъ дѣло, не забыть бы... У меня столько дѣла на рукахъ и столько цифръ въ головѣ, что я часто забываю о всемъ томъ, что не котируется на биржѣ.

Степаловъ (*принужденно смѣясь*). Прелестно.

Лидія (*встревоженно*). Не пора ли чай пить?..

Чалыгинъ (*посмотрѣвъ на часы*). Нѣтъ еще... Такъ слушайте... вотъ, въ чемъ дѣло... Я долженъ вамъ признаться, что слышалъ весь вашъ разговоръ.

Лидія (*вскакиваетъ*). Ахъ!

Степаловъ (*подавленно*) Вы... вы... слышали...

Чалыгинъ. Да, портьеры, въ этомъ отношеніи, отвратительно предательская вещь. Произошло это нечаянно, будьте въ томъ убѣждены. Я не готовился подслушивать.

Степаловъ (*встаетъ, съ трудно дающимся ему достоинствомъ*). Я къ вашимъ услугамъ...

Лидія. Борисъ... (*Падаетъ на кушетку*).

Чалыгинъ. Дуэль? Съ какой стати... Садитесь,

пожалуйста, не извольте безпокоиться... А вы, Лидія Александровна, напрасно волнуетесь. Ничего ужаснаго не произойдетъ. Вамъ уже Павелъ Николаевичъ объяснилъ, что я васъ не люблю, такъ зачѣмъ же я стану драматизировать настоящую минуту? Мнѣ нужно поговорить съ господиномъ Степаловымъ самымъ дѣловымъ и мирнымъ образомъ. Мнѣ хочется, чтобы вы были счастливы. Вѣдь вы его любите? Серьезно любите? Да? Ну, такъ о чемъ же тутъ безпокоиться... Я не Отелло, а просто честный человѣкъ, способный на все, лишь бы никому не вредить. Лидія Александровна, оставьте насъ...

Лидія. Васъ... оставить?..

Чалыгинъ. Да... побудьте въ сосѣдней комнатѣ. Неловко, знаете ли, при васъ объясняться. Къ тому же, женщины ничего не понимаютъ въ этихъ дѣлахъ. Идите, идите.

Степаловъ. Не безпокойтесь, Лидія Александровна, идите.

Чалыгинъ. Вы видите, даже Павелъ Николаевичъ васъ проситъ. Неужели вы не уступите его желанію!

(*Лидія Александровна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чалыгинъ и **Степаловъ**. (*Чалыгинъ тщательно запираетъ двери за Лидіей. Степаловъ волнуется*).

Чалыгинъ. Ну, вотъ, теперь мы одни и можемъ бесѣдовать. Присядьте.

Степаловъ. Позвольте, я не понимаю... Какія бесѣды... Глумиться я не позволю.

Чалыгинъ. Глумиться? Странное дѣло. Я вовсе и не желаю глумиться надъ вами. Сядьте же. И такъ, вы любите мою жену и она васъ любитъ. Конечно, ваша цѣль была устроить себѣ счастье въ моей квартирѣ... Не отрицайте. Вы сами заявили, что на розовые разговоры не способны. А я вотъ, какъ человѣкъ цифръ, люблю ясное и опредѣленное положеніе... Черезъ полчаса моя жена выйдетъ съ вами изъ моего дома и больше не вернется. Вы ее любите, берите ее. Она васъ любитъ, пусть будетъ счастлива.

Степаловъ. Что-о? Да вы, помилуйте... это что же такое? Что за фантазія? Вы съ ума сошли...

Чалыгинъ. Ну, да, конечно, это вамъ не по вкусу.

Степаловъ. Перестаньте! Это глупо! Я не хочу, вы меня не заставите.

Чалыгинъ. Развѣ я васъ принуждаю? Если бы я хотѣлъ васъ принудить, то, съ дозволенія сказать, давно бы взялъ васъ за шиворотъ и продержалъ бы минуты полторы очень близко къ пылающему камину, благо силы у меня много... Не смѣйтесь и слушайте, а то, пожалуй, я прибѣгну къ этому средству, чтобы заставить васъ не перебивать меня.

Степаловъ. Ваши угрозы смѣшны. Впрочемъ, я слушаю.

Чалыгинъ. И прекрасно сдѣлаете. Садитесь. Нѣтъ, сюда, это кресло удобнѣе. Вы, можетъ быть, удивляетесь моему хладнокровію, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ я всегда имѣлъ въ виду, что я вдвое старше моей жены, не красивъ и не интересенъ, и что она вышла за меня, прельстившись моимъ богатствомъ.

Поэтому я былъ увѣренъ, что все кончится такъ, приготовился. Надо вамъ сказать, что уже въ день своей свадьбы я отложилъ 150,000 рублей, которые нарочно ни въ какой оборотъ не пускалъ и держу, съ тѣхъ поръ, у себя дома, въ процентныхъ бумагахъ. Это, такъ сказать, деньги на разрывъ. Я рѣшилъ, что, едва только замѣчу склонность къ измѣнѣ со стороны жены, я ей отдамъ эти деньги и скажу: «иди, ты свободна и обезпечена». И очень мудро было съ моей стороны, что я оставилъ эти деньги у себя. По крайней мѣрѣ я могу ее не томить и отпустить сейчасъ же... а то, представьте себѣ, мое состояніе въ такихъ оборотахъ, что я затруднился бы взять изъ него нѣсколько тысячъ... Извините, я опять о цифрахъ, а вы человѣкъ съ идеалами. Ну, теперь я объяснилъ вамъ положеніе... Черезъ двадцать минутъ вы уведете мою жену. Прошу васъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы она не потеряла того сакъ-вояжа, въ которомъ будутъ 150,000. Вы видите, у меня все готово, такъ вы ужъ не тормозите дѣла, прошу васъ... А тамъ послѣ—разводъ, что хотите.

Степаловъ. Тормозить?.. зачѣмъ тормозить... Я, конечно... Почему же... Вы говорите, что...

Чалыгинъ. Ну, да, я говорю, что...

Степаловъ. Разумѣется... Лидія Александровна... Я постараюсь, чтобы она была счастлива...

Чалыгинъ. Еще бы... еще бы... но оставимте лирику... она процентовъ не приноситъ... Слѣдовательно... вы согласны?

Степаловъ. Согласенъ. (*Натянуто смѣясь*). Что же, какъ у васъ тамъ, на биржѣ, по рукамъ бьютъ?

Чалыгинъ (*отстраняясь*). Нѣтъ... зачѣмъ же-съ. (*Громко*). Лидія Александровна, пожалуйте сюда, Лидія Александровна! Вы ей пожалуйста все объясните обстоятельно... я не умѣю толковать съ дамами... и Шопенъ мнѣ не удается.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чалыгинъ, Степаловъ и Лидія (*блѣдная*).

Лидія. Вы меня звали?

Чалыгинъ. Да, я васъ звалъ. Мы объяснились. Все благополучно. Вы будете счастливы. (*Степалову*). Я пойду распоряжусь, чтобы уложили вещи, немного; вѣдь будетъ на что купить въ случаѣ надобности... а теперь я пошлю за извозчикомъ... не ловко же на своихъ.

Лидія. Что это?.. я не понимаю...

Чалыгинъ. Павелъ Николаевичъ все объяснитъ. Да перестаньте безпокоиться. У васъ уже сейчасъ драмы на умѣ. Даже смѣшно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Лидія и Степаловъ.

Лидія. Что это значитъ? Я съ ума сойду!

Степаловъ. Дорогая моя, это значитъ, что мы будемъ счастливы. Твой мужъ человѣкъ безсердечный, безъ привязанности, до мозга костей биржевикъ презрѣнный. Я говорилъ съ нимъ... Я сказалъ ему... да, онъ увидѣлъ, онъ самъ увидѣлъ, что не достоинъ тебя... что ты выше его... Онъ... я... мы съ тобой уѣдемъ отсюда.

Лидія. Какъ... уѣдемъ?

Степаловъ. Да, онъ согласился... онъ отпускаетъ тебя... ты моя теперь... ты разведешься съ нимъ, будешь моей женой...

Лидія. Я не понимаю...

Степаловъ. Онъ не хочетъ, чтобы ты дольше здѣсь оставалась, понимаешь... онъ требуетъ, чтобы ты немедленно уѣхала... Сухой человѣкъ... но я тебя люблю, мы будемъ счастливы.

Лидія. А! Вотъ какъ! Онъ меня гонитъ! Я понимаю! Гонитъ! Такъ, сразу, ничего не сказавъ... ему дѣла нѣтъ до того, что̀ скажутъ люди! Ему только отомстить надо, оскорбить меня... Да, да, я его знаю... Онъ воображаетъ, что я взмолюсь, испугаюсь бѣдности... вѣдь ты бѣденъ?.. тѣмъ лучше... мнѣ все равно... мнѣ нужна любовь, привязанность, молодость мнѣ нужна... А! вотъ какого онъ обо мнѣ мнѣнія! Думаетъ, я стану унижаться... Нѣтъ, мнѣ только ты дорогъ... Этотъ человѣкъ, наказывая меня, даетъ мнѣ радость...

Степаловъ. Ты любишь меня и готова для меня на все?

Лидія (*нервно*). Вопросъ! Господи, какъ всѣ вы глупы!.. Развѣ я могу?.. Ну, идемъ отсюда...

Степаловъ. Идемъ, идемъ... однако, надо подождать...

Лидія. Ждать? Чего?

Степаловъ. Мнѣ нужно... мнѣ нужно еще разъ видѣть Бориса Ѳедоровича.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и **Чалыгинъ**.

Лидія. Зачѣмъ вы пришли? Вамъ хочется сказать мнѣ на прощаніе нѣсколько оскорбительныхъ словъ... Да? Вы, навѣрно, захотите упрекать: «вотъ, я тебѣ богатство далъ, вывелъ тебя изъ нищеты, а ты какъ отблагодарила?» Не нужно мнѣ ваше богатство... дурной вы человѣкъ, считаете всѣхъ такими же, какъ вы...

Степаловъ. Лидія Александровна, напрасно вы... зачѣмъ такъ...

Лидія. Не могу я молчать и слушать безропотно... Я должна высказаться.

Чалыгинъ. Вы уже сказали самое главное, объявивъ, что вамъ богатства не нужно.

Степаловъ. А?

Чалыгинъ. Это очень кстати. Я хотѣлъ вамъ дать денегъ.

Лидія. Какъ вы смѣли?

Степаловъ. Лидія Александровна...

Чалыгинъ. И этихъ денегъ я не нашелъ. У меня ихъ украли...

Лидія. Какое мнѣ дѣло...

Степаловъ. Позвольте, Лидія Александровна, позвольте. (*Чалыгину*). Что вы говорите? Украли? Украли?

Чалыгинъ. Да, украли...

Степаловъ. Какъ же теперь?..

Чалыгинъ. Да очень просто... Вы слышали: она согласна.

Лидія. Павелъ Николаевичъ, что это за вопросы?

Степаловъ. Да подождите... (*Чалыгину*). Такъ намъ-то что-жъ... деньги эти найдутся... вы изъ своихъ дать можете.

Чалыгинъ. Ну, нѣтъ... я не согласенъ путать свои счеты... У меня, батюшка, шальныхъ капиталовъ не имѣется и балансы свои портить я не намѣренъ...

Лидія. Борисъ Ѳедоровичъ, объясните мнѣ...

Степаловъ. Что же это такое... какъ же быть?

Чалыгинъ. Говорю вамъ — очень просто. Напрасно вы за нее безпокоитесь. Ей деньги не нужны...

Степаловъ. Ну, а меня такими антимоніями не проведешь...

Лидія. Я хочу знать...

Чалыгинъ. Сейчасъ узнаете... Видите ли, г-нъ Степаловъ согласенъ былъ взять васъ не иначе, какъ съ большимъ приданымъ... По грустной случайности, я не могу дать это приданое, а теперь онъ отказывается отъ васъ...

Лидія. Что?

Чалыгинъ. Павелъ Николаевичъ, да подтвердите же мои слова...

Степаловъ. Я... и... это... это безобразіе... Вотъ если... (*Горячо*). Да чорта тутъ! Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лидія и **Чалыгинъ.** (*Лидія въ слезахъ падаетъ на кушетку*).

Чалыгинъ. Успокойтесь... успокойтесь... Вы маленькій урокъ получили... Чрезвычайно, видители, вредно увлекаться... А ловко я придумалъ насчетъ денегъ...

Лидія (*встаетъ*). Я понимаю, что мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего... прощайте...

Чалыгинъ. Та, та, та, та, та, та, та... не волнуйтесь. Опять драма. Ничего не измѣнилось, только вы благоразумнѣе станете. Вы боитесь съ моей стороны попрековъ и напоминаній? Напрасно. Я вѣдь всегда зналъ, что вы не лучше другихъ... и я самъ не лучше другихъ. Да, чтобы не забыть... удивительно я сталъ разсѣянъ. Все дѣла меня съ толку сбиваютъ... Вѣдь я, на случай, если бы г-нъ Степаловъ оказался порядочнымъ человѣкомъ, приказалъ приготовить извозчика. (*Подходитъ къ двери*). Отпустите извозчика.

(*Занавѣсъ*).

ВОЛОДЯ.

I.

Володя проснулся очень рано, въ шестомъ часу утра. Такъ всегда бывало съ нимъ, а поэтому онъ уже съ семи часовъ вечера дремалъ, гдѣ попало, положивъ голову на столъ или уткнувшись въ кресло. И такъ какъ всѣ по утрамъ спали гораздо дольше, то онъ смирно лежалъ въ кровати и думалъ. Ему было очень легко думать, потому что онъ многаго не понималъ. Дѣтскія мысли его постоянно толпились около однихъ и тѣхъ же предметовъ, съ правильностью заводной игрушки. Семилѣтній, чахлый, онъ былъ уже мечтателенъ и тихъ, съ чувствомъ постояннаго ущемленія сердца.

Онъ многаго не понималъ. Самымъ мучительнымъ для него было то, что онъ давно не видѣлъ папы. Много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ папа съ нимъ простился,—этого онъ разсчитать не могъ, но твердо помнилъ, что съ той поры было немного зимы, потомъ цѣлое лѣто, и опять зима. Отчего папы нѣтъ и отчего онъ-то у людей, которыхъ даже приходится называть не «дядя» и «тетя», а по имени и отчеству? Отчего папа не можетъ скоро вернуться? Большіе говорятъ, что папа работаетъ очень далеко, тамъ, гдѣ

море холодное, и дѣлаетъ большую желѣзную дорогу... Вѣдь по желѣзной дорогѣ можно пріѣхать очень скоро...

Проснулся Володя и сейчасъ сталъ думать объ этомъ. Первая мысль всегда шла къ папѣ, большому, красивому, доброму, печальному. И сердцу становилось больно. Такъ хотѣлось видѣть папу, цѣловать его, чувствовать, какъ папа крѣпко прижимаетъ къ себѣ и вздыхаетъ. Почему папа вздыхаетъ?

Много Володя плакалъ, когда папа сталъ уѣзжать. Неужели еще больше плачутъ тѣ мальчики, у которыхъ есть папа и мама, когда оба, папа и мама, уѣзжаютъ? У Володи нѣтъ мамы, но, говорятъ, что она была, прежде. Володя этого не помнитъ и ему даже все равно.

Уѣхалъ папа и оставилъ Володю у своихъ знакомыхъ, у Ивановыхъ. Мальчикъ не зналъ, что̀ за люди эти Ивановы. Для него это были Иванъ Петровичъ, который постоянно говоритъ о розгахъ, и Марья Степановна, ставящая въ уголъ, когда учитель Петръ Аркадьевичъ жалуется, что Володя не хочетъ учиться писать!.. Это неправда. Но Володя хочетъ писать письма папѣ, а не ставить палочки на бумагѣ... Изъ палочекъ не выйдетъ: «пріѣзжай скорѣй, папа...»

Мальчикъ не зналъ, что̀ за люди эти Ивановы. Онъ чувствовалъ, что это нехорошіе люди.

Дрянными-то они были, дѣйствительно, въ достаточной степени, главнымъ образомъ, потому, что, въ случаѣ надобности, умѣли притворяться прекрасными людьми. И такими считалъ ихъ, прекрасными, отецъ Володи, инженеръ Порѣцкій, когда отдалъ имъ своего сына на воспитаніе. Родныхъ у него не было никого, брать съ собою

сына онъ не считалъ возможнымъ, не рѣшился рано забить его въ рамки какого-нибудь пансіона. Тутъ подвернулся Ивановъ, сообразившій, что отъ чужого ребенка можетъ быть очень недурной доходъ, хотя бы на вино и папиросы. Лишняя комната въ квартирѣ найдется, горничная станетъ кое-когда за няню присматривать, столовые расходы не увеличатся, а первоначальные уроки согласится давать за гроши любой бѣдный студентъ. На случай болѣзни ребенка можно выговорить спеціальную запасную сумму... Порѣцкій будетъ года два въ отсутствіи, оставитъ денегъ на одежду, бѣлье, будетъ еще присылать... А Марья Степановна прекрасно кроитъ и шьетъ. Во всей этой комбинаціи непріятно только то, что придется держать въ домѣ мальчика. Мальчики всегда несносны, шумятъ.

У Ивановыхъ не было дѣтей и они дѣтей не любили. Но они упоенно ласкали Володю, когда отецъ его привелъ. Потомъ, они стали относиться къ нему съ какою-то тоскливою ненавистью, — до того онъ имъ опротивѣлъ. Для нихъ онъ былъ стѣснительнымъ придаткомъ доходной статьи.

Всего этого Володя не зналъ, но онъ только видѣлъ, что его не цѣлуютъ и не говорятъ ему добрыхъ словъ.

Лежалъ онъ въ кровати и думалъ. Въ комнату, сквозь синія шторы, свѣтъ начинавшагося дня едва проникалъ.

Онъ думалъ о томъ, что завтра будетъ Пасха... Какой это праздникъ, онъ не хорошо помнитъ. Кажется, въ прошломъ году не было такого праздника. Вотъ... что бываетъ всегда Рождество,—это навѣрно такъ. Когда еще папа не уѣзжалъ, въ

этотъ день была ёлка съ игрушками. Въ этомъ году Рождество было, но ёлки не было, потому что Ивановы злые люди. И они ничего не подарили. Завтра Пасха... Что, на Пасху тоже надо ставить ёлку? Если такъ, то ея не будетъ опять. Но праздновать собираются. Марья Степановна говорила, что краситъ на кухнѣ яйца и готовитъ что-то вкусное... но не для Володи, потому что, когда онъ спросилъ: «зачѣмъ?», ему сказали: «отстань, надоѣдливый мальчишка!..»

Есть еще одинъ праздникъ, который называется «балаганы», но, можетъ быть, это неправда. Володя не знаетъ. Некого спросить. Съ нимъ не хочетъ говорить никто. Горничная—злая. Учитель всегда отвѣчаетъ: «молчите, пожалуйста...»

Прежде, при папѣ, все было лучше... Прежде лѣто было — настоящее. Теперь лѣта нѣтъ. На дачу не ѣздятъ. Остаются въ городѣ, посылаютъ съ горничною въ скверъ. Тамъ не хорошо. Злыхъ мальчиковъ много.

Отчего Боженька позволяетъ, чтобы было такъ много злыхъ? Онъ вѣдь можетъ запретить... Если бы Онъ сдѣлалъ такъ, чтобы всѣ Володю любили!.. Вѣдь Володя хочетъ всѣхъ любить... А его не любитъ никто. Одинъ «Мопикъ» ласковъ.

II.

— Пора и вставать, сказала въ восемь часовъ горничная Агаша, просунувъ голову въ дверь.

— Сейчасъ, торопливо отвѣтилъ мальчикъ и, оторванный отъ своихъ мыслей, быстро вскочилъ на ноги, сталъ одѣваться.

Одѣвался онъ и мылся самъ. Сперва ему это

казалось очень неудобно, а потомъ онъ привыкъ. Онъ зналъ, что все это надо дѣлать скорѣй, а то станутъ бранить. Если бы большихъ не было, кто бы тогда бранилъ?

Одѣлся онъ, помолился Богу, завершивъ молитву обычною своею безсловесною мольбою о скоромъ возвращеніи папы. Онъ смотрѣлъ на икону, думалъ объ отцѣ и всей душой поддавался впередъ... Боженька понимаетъ.

Помолившись, онъ пошелъ въ столовую. Иванъ Петровичъ еще спалъ, но Марья Степановна уже пила чай. Онъ подошелъ, безмолвно поцѣловалъ ей руку; она кивнула ему на налитую чашку, около которой лежало три сухарика. Надо было пить, ѣсть и молчать. Очень хотѣлось спросить, какой же это будетъ праздникъ, но страшно было. Также страшно было попросить еще сухарика. Володя торопливо допилъ, снова поцѣловалъ руку Ивановой и ушелъ въ гостиную. Ему нечего было дѣлать. Урокъ, двѣ страницы чистописанія, онъ еще вчера приготовилъ, а учитель не придетъ сегодня.

Явился Мопикъ, хорошая и добрая собачка, курносый мопсъ съ завитымъ хвостомъ, замѣчательно породистый. Увидѣвъ Володю, онъ подбѣжалъ къ нему и сталъ ласкаться. Мальчикъ присѣлъ на полъ, гладилъ его, цѣловалъ и вполголоса разсказывалъ:

— Мопикъ, я очень несчастный... Мопикъ, ты меня любишь? Мопикъ, ты мой хорошій...

Мопикъ, можетъ быть, не понималъ, но поступилъ такъ же хорошо, какъ добрые люди, когда они понимаютъ такія слова. Онъ ласкался и дружелюбно смотрѣлъ на Володю. По дорогѣ

на кухню, Марья Степановна ихъ обоихъ выбранила, послала Володю въ «дѣтскую». Тамъ онъ сидѣлъ долго, съ желаньемъ плакать. Наконецъ, онъ взялъ листокъ бумаги и началъ выводить письмо къ отцу: «Милый папа... Пріѣзжай скорѣй... Я очень несчастный...»

За завтракомъ Иванъ Петровичъ былъ страшно золъ, бранился съ женою за то, что она позвала гостей разговѣться.

— Что за чепуха! Всѣхъ кормить. И такъ не хватаетъ.

Попутно, Володю раза три назвали дряннымъ мальчикомъ. Володя переглядывался съ Мопикомъ и думалъ:

«Если бы ты былъ большой, ты бы укусилъ всѣхъ злыхъ людей...»

Иванъ Петровичъ кинулъ собачкѣ кусокъ хлѣба. Она понюхала и отошла, съ гордымъ видомъ, какъ будто она сознавала, что, въ отношеніи породистости, имѣетъ право презирать всякихъ Ивановыхъ.

Отъ завтрака до обѣда было совсѣмъ скучно. Володя думалъ: «какой это праздникъ будетъ?» И ему хотѣлось плакать. Съ нимъ, по обыкновенію, никто не занимался. Иванъ Петровичъ ушелъ. Марья Степановна хлопотала по поводу куличей. Володя забился въ кресло и, неподвижный, долго просидѣлъ. Въ это время дня, когда не бывало учителя, онъ тоже думалъ, какъ по утрамъ. Въ немъ была тоска, большая, переросшая его. Безъ ласковыхъ словъ, безъ игръ и товарищей, онъ изнывалъ.

— Господи! Боженька! Если бы скорѣе быть большимъ, скорѣе вырости!

Для Володи, быть большимъ, это значитъ — перестать страдать. Большихъ никто не бранитъ и не ставитъ въ уголъ. Они могутъ ѣсть сколько хотятъ, гулять когда угодно и вставать когда захочется... Большіе никого не боятся... но они часто злые. Когда Володя выростетъ, то не будетъ злой. Онъ знаетъ, что это больно для другихъ. Онъ будетъ всѣхъ цѣловать, а знакомымъ дѣтямъ давать игрушки... И онъ никогда не будетъ отходить отъ папы...

Страдальческое чувство къ отцу настроило его плаксиво. Въ отцѣ онъ видѣлъ все свое счастье, стремился къ нему... и сталъ мечтать.

«...Вотъ, вдругъ звонокъ... это папа... папа, который узналъ, что Володя несчастный, и поскорѣй пріѣхалъ... Папа скажетъ Ивановымъ, что они нехорошіе люди, отниметъ у нихъ сына, повезетъ къ себѣ и станетъ цѣловать, цѣловать...»

Дальше уже желать было нечего. Володя началъ снова:

«...Вотъ, вдругъ звонокъ... это папа пріѣхалъ... онъ узналъ, что Володя несчастный...»

Такъ безъ конца, съ возрастающей болью въ маленькой груди, съ тусклою надеждой на то, что все это можетъ быть правдою.

Пришелъ Мопикъ. Володя взялъ его къ себѣ на кресло и разсказалъ ему шепотомъ свою мечту. Собачка, сверкая глазами, виляла хвостикомъ и лизала ему руку.

Шестой часъ. Иванъ Петровичъ вернулся домой. Марья Степановна выбралась изъ кухни. Стали обѣдать.

— Что ты такой кислый? сердито спросилъ

Иванъ Петровичъ Володю.—Что у этого ребенка за гнусная привычка куксить!

Володя едва не заплакалъ, но онъ превозмогъ себя и съ запинкой проговорилъ:

— Какой будетъ завтра праздникъ? Что такое Пасха?

— А, праздникъ! озлобленно захохоталъ Ивановъ,—для такихъ бездѣльниковъ, какъ ты, праздниковъ нѣтъ. Ты будешь стоять въ углу. Я тебѣ дамъ розги. Вотъ тебѣ праздникъ, негодный мальчишка!

Тутъ уже больше ничего не оставалось, какъ заплакать, что̀ Володя и сдѣлалъ. Его за это еще выбранили.

Мопикъ смотрѣлъ на Ивановыхъ съ презрѣніемъ. Вѣроятно, онъ понималъ, что онъ лучше ихъ.

Послѣ обѣда Володя опять остался одинъ. Но ему было уже не такъ тяжело, потому что сонливость заволакивала всѣ чувства. Въ седьмомъ часу, онъ забрался у себя въ комнатѣ на диванъ и заснулъ. Всѣ о немъ забыли. Онъ видѣлъ во снѣ,что папа пріѣхалъ и цѣлуетъ его, Ивановыхъ же бранитъ и бьетъ.

Онъ спалъ очень долго. Около одиннадцати часовъ вечера Марья Степановна вспомнила о немъ, передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, и сказала мужу:

— Знаешь, у насъ будутъ вѣдь Шландены и Карповы... Они знаютъ Порѣцкаго... Я думаю, надо, чтобы Володя разговѣлся съ нами...

Иванъ Петровичъ возмутился было, но потомъ сообразилъ что-то и выразилъ согласіе.

Володя спалъ долго, очень долго. Его приказано было не будить.

III.

Когда Ивановы вернулись изъ церкви вмѣстѣ съ Шланденами и Карповыми, за нимъ послали.

Агаша его разбудила и привела. Онъ не понималъ, почему въ столовой много народа и на столѣ такъ много кушаній. Куличи его поразили, но показались знакомыми... А толстая мадамъ Шланденъ и костлявая дочь госпожи Карповой испугали даже его, такъ онѣ взвизгнули:

— Что за прелесть ребенокъ!

И кинулись къ нему, стали его цѣловать... да, да, онѣ его цѣловали!

Карповъ сказалъ Иванову:

— Господь васъ вознаградитъ за вашу доброту...

Ивановъ, успѣвшій слегка напиться, повѣрилъ, потянулъ къ себѣ Володю и поцѣловалъ его трижды.

— Ну, скажи: воистину воскресъ.

Володя съ трудомъ повторилъ:

— Воистину воскресъ.

Со всѣхъ сторонъ предлагали ему тарелочки съ пасхой, съ куличемъ, съ конфетами.

Онъ смѣялся, счастливый, ничего не понималъ.

...Да, да, это праздникъ... это праздникъ, когда всѣ люди дѣлаются добрыми!

Его тормошили, его цѣловали, съ нимъ смѣялись, ласково пошлепывали его.

Долго ли это продолжалось, онъ не зналъ. Ему было хорошо, до крика хорошо.

Наконецъ, онъ успокоился немного, поѣлъ

пасхи и кулича. Мадамъ Шланденъ объяснила ему, что знаетъ его папу.

Онъ схватилъ ее за руку:

— Разскажите...

Но тутъ стали пить шампанское. Иванъ Петровичъ совсѣмъ разошелся, принялся ораторствовать, вдругъ запнулся, взглянувъ на Володю, и сказалъ ему:

— Уйди на минутку... Да, принеси мнѣ изъ моей комнаты папиросы.

Володя съ радостью побѣжалъ. Ему хотѣлось всѣмъ нравиться, всѣхъ благодарить. По дорогѣ, въ гостиной, онъ увидѣлъ Мопика, который, свернувшись калачикомъ, спалъ на коврѣ.

Мальчикъ остановился, погладилъ собачку.

Мопикъ встрепенулся, вопросительно на него посмотрѣлъ.

— Мопикъ, Мопикъ, какъ хорошо... я счастливый, шепталъ Володя.

Но этого ему показалось мало. Онъ нагнулся, крѣпко поцѣловалъ собачку и сказалъ:

— Милый братецъ...

НЕВѢСТА.

I.

— Мы черезъ часъ пріѣдемъ въ Эмсъ, сказалъ Владиміръ Николаевичъ и пересѣлъ поближе къ окну вагона,—я нѣсколько утомился и чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что, отъ самаго Франкфурта, въ продолженіе цѣлаго часа, никто, къ нашему семейству не принадлежащій, не вошелъ къ намъ и не стѣснилъ насъ, столь нуждающихся въ отдыхѣ послѣ утомительнаго трехдневнаго пути, прерваннаго лишь ночевкою во Франкфуртѣ.

Онъ всегда такими круглыми фразами выражалъ свои мысли. Въ былые годы, начавъ службу въ прокуратурѣ, онъ выработалъ себѣ подобіе краснорѣчія, привыкъ къ готовымъ выраженіямъ. Протяжно-многословный, медленный въ движеніяхъ, онъ методично жилъ, точно совершая гигіеническую прогулку. Онъ любилъ систему и порядокъ и охотно признавался въ томъ, что, будучи еще членомъ суда, составилъ себѣ родъ справочной таблички, гдѣ было безошибочно высчитано, въ какіе сроки предстоятъ ему награды и повышенія. Теперь ему шестьдесятъ лѣтъ, онъ занимаетъ почетную и спокойную должность, ту самую, которую себѣ намѣтилъ, и доволенъ. Онъ сохранился. Борода и усы посѣдѣли, но цвѣтъ лица свѣжъ, походка тверда, осанка внушительна. Онъ декоративенъ. Ему это говорили, и это льстило ему. Онъ знаетъ, что про него твердятъ: «Подольскій—человѣкъ положительный и всегда добьется своего...» Нынѣ онъ уже всего добился, обезпечилъ свою старость, обезпечилъ семью. Сынъ давно пристроенъ. Дочь—невѣста. Ее нужно поскорѣе выдать замужъ. Поскорѣе, но безъ торопливости, толково. У него, относительно ея брака, самыя опредѣленныя мысли. Приданое онъ можетъ дать очень небольшое. Слѣдовательно, необходимо, чтобы у ея мужа былъ обезпеченный годовой доходъ. Меньше пяти тысячъ —согласиться нельзя. Кромѣ того, служебное положеніе, хорошее, желательно. Служба является ручательствомъ порядливости... Дочь—невѣста. Онъ теперь постоянно объ этомъ думаетъ, потому что надо думать о томъ, что выступаетъ на очередь. Когда, двѣ недѣли тому назадъ, окончательно выяснилась возможность ѣхать за границу, и докторъ посовѣтовалъ воспользоваться случаемъ полѣчиться, подкрѣпить горло и бронхи,—Владиміръ Николаевичъ тотчасъ же сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, коль скоро вы, многоуважаемый докторъ, мнѣ предлагаете на выборъ Соденъ и Эмсъ, два мѣста, обладающія спеціально лѣчебными минеральными водами, одинаково полезными для всѣхъ насъ, нуждающихся въ лѣченіи послѣ многочисленныхъ насморковъ, столь часто пріобрѣтаемыхъ въ Петербургѣ и нерѣдко переходящихъ въ кашель,—я склоняюсь въ пользу Эмса, лежащаго недалеко отъ прекрасныхъ бере-

говъ Рейна, справедливо прославляемыхъ за свою живописность.

Но мысль у него была еще другая. Дочь, Катя, только что вышла изъ института. Ей надо выйти замужъ поскорѣй, пока дурныя стороны жизни ея не затронули. Кромѣ того, одной заботой будетъ меньше, и все будетъ приведено въ красивый порядокъ. А въ Эмсѣ, въ этомъ году, соберется много знакомыхъ, много вполнѣ подходящихъ молодыхъ людей... Спорскій, Косулевичъ, Волынинъ, другіе. На водахъ люди легко сближаются, нетрудно изучить, присмотрѣться, рѣшить. Катя хороша, затрудненій не будетъ.

Мысленно повторивъ «теперь затрудненій не будетъ», Владиміръ Николаевичъ замѣтилъ, что пришелъ къ концу своихъ мечтаній. Довольный, онъ облегченно вздохнулъ, сталъ смотрѣть въ окно, на быстро смѣняющіеся виды ласковаго пейзажа.

Жара стояла большая, въ узенькомъ поперечномъ отдѣленіи вагона было душно. Пелагея Ивановна Подольская, толстая женщина лѣтъ пятидесяти, краснокожая брюнетка съ грубыми ухватками, вышедшая, въ дни юности, замужъ за Подольскаго въ силу его методично уложенныхъ соображеній,—уткнулась въ уголъ и спала. Сынъ Подольскихъ, Николай, худощавый брюнетъ тридцати лѣтъ, былъ въ тоскѣ. Сухой наружности, производя на всѣхъ впечатлѣніе пятидесятилѣтняго холостяка, онъ постоянно хандрилъ на тему своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ катарровъ. Выросъ онъ хилымъ пустоцвѣтомъ, между самодовольнымъ отцомъ и кухарочнохлопотливою матерью, и преждевременно скисъ. Мутнымъ взглядомъ водилъ онъ по очертаніямъ

Насаускихъ горокъ, расправляя бородку, и проклиналъ себя за то, что не остался дома, въ холостой квартиркѣ, гдѣ никакія привычки не нарушаются, покойно укладываются въ разъ навсегда заведенное распредѣленіе часовъ. Двинули его въ путь соображенія объ экономіи, о возможности дешево полѣчиться въ тѣни родительскихъ расходовъ. А теперь, еще не доѣхавъ, онъ тоскуетъ и раздражается. Все дѣлается не такъ. Его въ разсчетъ не принимаютъ. Отецъ только на Катю и смотритъ, мать жалуется на жару и мечтаетъ о рѣчномъ купаніи, а Катя, молодой звѣрь, все время улыбается и бѣситъ своей улыбкой. Ничего въ ней нѣтъ.

Полно, неужели ничего?

Тихо сидѣла Катя. Отъ восторженныхъ восклицаній она уже отказалась, видя, что не находитъ сочувствія. Но ощущенія точно дерутся въ ней, выбивая одно другое изъ души, торопливо, словно въ душѣ мѣста не хватитъ. Все такъ ново и такъ хорошо! Возможно-ли не радоваться и не жить! Что они всѣ, больные или несчастные, что, глядя на природу, смѣяться не могутъ! Предыдущее лѣто провела она въ институтѣ, праздники проболѣла, и теперь своихъ не узнаетъ.

Семнадцатилѣтняя блондиночка, хрупко сложенная, хорошенькая, съ безпокойнымъ выраженіемъ лица и искрящимся взглядомъ, она такъ и горитъ среди спокойныхъ. Послѣ долгихъ институтскихъ годовъ, сѣро-окрашенныхъ стремленіемъ въ недоступную жизнь, она сразу въ жизнь и въ красоту попала, едва не захлебнулась впечатлѣніями, съ перваго же дня отъѣзда. Особенно тяжелы были послѣдніе мѣсяцы института, передъ

выпускомъ. Тамъ она была молчалива и сосредоточенна, неопредѣленно грустила, въ душевныхъ поискахъ за чѣмъ-то заманчиво-неизвѣстнымъ. Это томительное стремленіе обострялось при мысли о домѣ, о родителяхъ, о братѣ даже. Хотѣлось весело и свободно прыгать «у своихъ», вдали отъ присмотра классныхъ дамъ и каѳедрнаго нытья преподавателей. Домашняя жизнь рисовалась сплошнымъ счастьемъ, самымъ яркимъ уголкомъ того быта, который, урывками, виднѣлся сквозь институтскія окна. Тянуло туда, въ свое собственное, въ неизвѣстное, къ провѣркѣ дѣвичьихъ гаданій и грёзъ. Болѣе года мечтала она, въ мечтахъ развилась, стала чуткою, постоянно чувствуетъ свою душу.

Болѣзненно желанный день насталъ, наконецъ. Дождалась она его, вошла въ домъ родителей, съ полнымъ радостнымъ сознаніемъ того, что обратно въ институтъ не позовутъ уже. Начиналась настоящая жизнь, взамѣнъ мечты о жизни. Медленно создался въ ней идеалъ, именно идеалъ, съ которымъ она носилась, но сразу, съ дѣтской непосредственностью, она съ первыхъ же шаговъ испугалась, не нашла того, о чемъ мечтала. Люди, съ которыми она говорила, встрѣчалась, обмѣнивалась мыслями, вовсе не были похожи на тѣхъ, что представлялись ей въ ея воображеніи. Ей постоянно хотѣлось крикнуть: «нѣтъ, нѣтъ, это не тѣ...», а другіе не приходили. Отецъ поразилъ сухостью. Его торжественность дѣлала его какъ бы чужимъ, а мать терзала тѣмъ, что показалась... глупою. Братъ—не похожъ на брата. Развѣ такіе братья бываютъ? Ему бы уроки арифметики давать, а не братомъ называться...

Но не всѣ же люди такіе... Есть другіе, которые ближе, понятнѣе, живѣй. Среди тѣхъ лицъ, которыя приходили къ родителямъ въ гости, она не успѣла разобраться... Мелькаютъ бороды, усы, осанки, костюмы, голоса звучатъ, а людей еще, для нея, нѣтъ. Неужели ихъ не бываетъ?.. Хандра взяла, острая, молодая, и вдругъ исчезла, когда оживила вѣсть о предстоящемъ отъѣздѣ за границу, въ Эмсъ и въ Швейцарію.

Заграница! Слово полное обѣщаній и ласкающихъ загадокъ, звучащее новизной. То, что прежде имѣло лишь смыслъ простого урока географіи, должно превратиться въ жизнь и впечатлѣнія... Радость объяла. Катя забыла, на время, что отецъ больше не «папа», что мать сонно къ ней относится, что братъ точно по рецептамъ свои чувства изъ аптеки покупаетъ,—ей мерещился рядъ удовольствій. И вихрь впечатлѣній явился. Все такъ ново и кажется такъ хорошо, именно потому, что ново. Нѣсколько часовъ въ Берлинѣ, проведенные въ суетливомъ осмотрѣ картинныхъ галлерей, отуманили ее яркимъ волненіемъ. Пестрая уличная жизнь ее поразила, и, пока братъ ворчалъ: «казарменный городъ», она душевно ёжилась, видя, что никто ея восторговъ не раздѣляетъ. Потомъ, ночной переѣздъ во Франкфуртъ, прибытіе на величественную станцію, гдѣ она закричала: «папа, мама, смотрите, какъ грандіозно...». А ей отвѣтили: «перестань же! Ты опять забыла свой зонтикъ въ вагонѣ». День во Франкфуртѣ, снова осмотръ выставокъ и садовъ, снова радость, подавляемая равнодушіемъ и ворчаньемъ спутниковъ. Но сегодня, сегодня ужъ совсѣмъ хорошо! Пусть другіе дремлютъ и жа-

луются на духоту,—ей все равно. Въ первый разъ видитъ она горы, и скалистые холмики очаровываютъ ее своей красотой, даютъ ей новое, радующее. Въ Эмсѣ, навѣрно, есть горы... Можно будетъ ходить по красивымъ горамъ, смотрѣть на нихъ, быть счастливою отъ ласокъ природы.

— Папа, а въ Эмсѣ есть рѣка, красивая? вырвалось у нея.

Владиміръ Николаевичъ сдѣлалъ широкій неопредѣленный жестъ и отвѣтилъ:

— Посмотри направо въ окно и ты увидишь довольно жалкую и желтую рѣчонку, носящую названіе Лаанъ и впадающую въ Рейнъ при Оберъ-Ланштейнѣ и Нидеръ-Ланштейнѣ, двухъ городкахъ, составляющихъ, въ сущности, одно цѣлое. Эта самая рѣчка протекаетъ по Эмсу, но не можетъ быть признана украшеніемъ названнаго лѣчебнаго мѣста, гдѣ съѣзжается, каждогодно, столь значительное количество больныхъ.

— Какіе эти нѣмцы дураки! внезапно разсердился Николай,—у нихъ все: «Ober», «Unter» и «Nieder»... Такъ глупо!

Катя снова ушла въ себя, стараясь не слушать. Мать проснулась, затревожилась на тему «не оставили-ли мы во Франкфуртѣ альбомъ съ видами?» Пришлось перерыть весь ручной багажъ и затѣмъ снова быстро приводить его въ порядокъ, потому что кондукторъ зашелъ собирать билеты и сказалъ: «Jetzt kommt Ems, meine Herrschaften».

Владиміръ Николаевичъ спорилъ съ сыномъ. Катя, выбитая изъ мечтаній, равнодушно прислушалась.

— Какъ! Ты зналъ, что графъ Александръ Павловичъ Турмалинъ въ Эмсѣ, и насъ объ этомъ

не предупредилъ! Неужели тебѣ не пришло на мысль, что обстоятельство это можетъ имѣть для меня значеніе.

— Никакъ не могъ предположить, угрюмо отвѣтилъ Николай Владиміровичъ.

— Поля, ты слышишь... Мнѣ Николай сообщаетъ, что графъ Александръ Павловичъ въ Эмсѣ... Помнишь, онъ у насъ бывалъ въ прошломъ году, молодой, хромой, со стекляннымъ глазомъ? Онъ хромаетъ отъ рожденія и лишился глаза вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, будучи на охотѣ въ окрестностяхъ Петербурга, вмѣстѣ съ княземъ Черискимъ, который имѣетъ особенное пристрастіе къ столь дикому и предосудительному удовольствію, какъ избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ.

Пелагея Ивановна зѣвнула.

— Ну, такъ что же?

Владиміръ Николаевичъ пожалъ плечами, строго взглянулъ на жену. Она поняла и сказала: — «Ахъ»!

— Это очень милый молодой человѣкъ, объяснилъ Подольскій,— онъ несчастенъ, и наша обязанность облегчить ему существованіе, удрученное, несомнѣнно, физическими его недостатками. Я надѣюсь, дорогая Катя, что онъ тебѣ покажется столь же симпатичнымъ, какъ и мнѣ.

«Безглазый и хромой!» смѣшливо подумала Катя, но тотчасъ же упрекнула себя за безсердечіе и отвѣтила:

— Хорошо, папа... А развѣ мы будемъ съ нимъ очень часто встрѣчаться?

Едва не разсердился Владиміръ Николаевичъ. Онъ сказалъ: — Разумѣется, будемъ мы съ нимъ

часто встрѣчаться! И нашъ долгъ заключается въ томъ, чтобы мы искали частыхъ встрѣчъ съ графомъ Александромъ Павловичемъ. Какъ соотечественники, какъ добрые знакомые, даже, могу сказать, искренніе друзья, мы можемъ быть ему полезны въ нравственномъ отношеніи. Душевная поддержка необходима всякому, а въ особенности тому человѣку, относительно котораго природа выказала себя мачихою.

Катѣ вдругъ стало скучно. Но быстро вернулось оживленье. Поѣздъ приближался къ Эмсу. Свѣтлый рядъ домовъ потянулся вдоль рѣчки. Вагонъ вздрагивалъ, на скрещивавшихся рельсахъ станціонныхъ путей. Ходъ замедлился. У небольшой, мало оживленной станціи, остановился поѣздъ.

— Мы прибыли къ мѣсту своего назначенія, послѣ утомительнаго пути, сказалъ Подольскій.

Пріѣздныя хлопоты начались, судорожныя вскрикиванія Пелагеи Ивановны, ворчанья Николая, суетня носильщиковъ и торопливыхъ пассажировъ. Одна Катя была на видъ спокойна, но сердце въ ней усиленно двигалось. По-дѣтски воспріимчивая, но уже съ чувствами взрослой дѣвушки, она нервно поддавалась всякому проявленію жизни, была вся на лицо, увеличительнымъ зеркаломъ отражала все, нетронутая, свѣжая, душевно-свѣтлая.

Въѣхали они, четверо, въ Эмсъ, собою торгующій какъ всѣ лѣчебныя мѣста. Со всѣхъ сторонъ, изъ оконъ всѣхъ магазиновъ, мелькали, рядомъ съ бюстами германскихъ императоровъ, надписи: «Bad Ems», «Andenken an Bad Ems», «Erinnerung an Bad Ems».

Катя была именно въ томъ настроеніи, которое требуется отъ пріѣзжихъ. Она была полна

первыхъ поверхностныхъ впечатлѣній отъ Эмса, только объ этомъ городкѣ и думала и ничего не видѣла внѣ его. Въ гостиничной культурѣ вышедшаго изъ моды курорта, находила она въ себѣ поводъ къ тѣмъ самымъ крупнымъ ощущеніямъ, которыя охватываютъ при первомъ взглядѣ на древности Рима, на Босфоръ и на норвежскіе фіорды. Пока ѣхали въ гостиницу, пока, пріѣхавъ, отецъ обсуждалъ съ хозяиномъ отеля «пенсіонныя» цѣны и избыточно доказывалъ свое умѣнье быть краснорѣчивымъ даже на нѣмецкомъ языкѣ, а мать охала и братъ катарально нылъ, — она была въ «первозаграничномъ» бреду, не находила въ себѣ достаточно мѣста впечатлѣніямъ.

— Да, мама... Нѣтъ, папа... Хорошо, папа, говорила она, а мысли ея были далеко отъ безсознательно произносимыхъ словъ. Очнулась она только тогда, когда Пелагея Ивановна энергично потребовала ея участія въ разборкѣ вещей, съ обычнымъ ехиднымъ шипѣніемъ, сразу объясняющимъ всякому новому знакомому, почему жену Подольскаго называютъ «подарокъ молодымъ хозяйкамъ въ переплетѣ изъ змѣиной кожи».

— Куда несешь! это въ шкапъ положить надо... Экая безтолковая! Ни на что не годишься!

Такъ кричала на дочь Пелагея Ивановна, требовала помощи, не отпускала отъ себя.

И Катя не протестовала, покорно исполняла все, съ такимъ чувствомъ, какъ будто отъ нея стараются заслонить что-то красивое и дорогое. Оживленіе пало. Институтская потребность помечтать не находила себѣ пищи. Словно выяснилось, что и мечтать-то не о чемъ было, никогда. Дорожное утомленіе сказывалось, наконецъ, заводило

всѣ мысли въ хандру. Хоть бы отецъ былъ дома... Нѣтъ, ушелъ съ братомъ,—кого-то разыскивать.

Такъ, до вечера, до сна, день прошелъ безцвѣтно. Казалось ей, не за границею она, а скучаетъ дома, далеко отъ всякой жизни, въ какой-то еще неизвѣданной глуши. Вечеромъ, засыпая, она слышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ отецъ и мать разговаривали. Рельефно врѣзалась ей въ слухъ фраза Владиміра Николаевича:

— Ну, я не вижу бѣды въ томъ, что онъ калѣка! Необходимо помнить, что онъ извѣстенъ, какъ богатый человѣкъ. Конечно, я не вѣдаю его денежныхъ дѣлъ, но кто же не знаетъ, что онъ тратитъ до сорока тысячъ въ годъ, предаваясь иногда и чрезмѣрнымъ удовольствіямъ. Здѣсь онъ живетъ скромно, потому что пріѣхалъ лѣчиться, согласно предписанію доктора.

Катя заснула.

II.

Двухъ недѣль не прошло, а сколько новаго за это время совершилось! Катя не можетъ опомниться. Ей кажется, что она вся стала другая...

Первые два дня были употреблены Владиміромъ Николаевичемъ на регламентацію жизни всей семьи, на разработку методичнаго расписанія времени. Утромъ, въ семь часовъ, питье минеральной воды Victoria, въ девятомъ часу кофе, въ десять вдыханіе, имъ и Николаемъ, какихъ-то особенно лѣчебныхъ паровъ, между раннимъ обѣдомъ и ужиномъ — коротенькія неутомительныя прогулки и,

два раза въ недѣлю, визитъ къ доктору, который, повидимому, ровно ничего въ медицинѣ не понимаетъ и только обезсиленно мычитъ, упорно совѣтуя подниматься ежедневно по фуникуляру на Mahlberg, гдѣ, на высотѣ трехсотъ метровъ, надлежитъ вдыхать горный воздухъ. Послѣ ужина— снова краткая прогулка и сонъ. Все это было достаточно «kurgemäss» и противно.

Ни Спорскаго, ни Волынина, ни Косулевича въ Эмсѣ не оказалось. Очевидно, они либо раздумали ѣхать въ Эмсъ, либо запоздали. Это вовсе не огорчало Владиміра Николаевича, Во второй день пребыванія на водахъ, онъ встрѣтилъ графа Александра Павловича, доброжелательно заговорилъ съ нимъ, возобновилъ его знакомство со своей семьей.

Графъ оказался очень симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ и сразу понравился Катѣ. Что онъ хромалъ—этого почти не было замѣтно: двойной каблукъ выручалъ. И стеклянный глазъ казался настоящимъ. Его физическіе недостатки не оскорбляли зрѣнія и были видны лишь настолько, сколько нужно было, чтобы вызвать легкую тепленькую жалость, тѣмъ болѣе, что Александръ Павловичъ положительно отличался красотой и особенною породистостью. Худощавый стройный блондинъ съ тонкими усами, печальнымъ взглядомъ и ласковой улыбкой, онъ сразу располагалъ къ себѣ. Ему было, на видъ, лѣтъ двадцать восемь.

— Какъ я радъ, что вы пріѣхали, и что мы познакомились, просто сказалъ онъ, — здѣсь такъ скучно! Русскихъ совсѣмъ нѣтъ, если не считать жидовъ изъ Россіи... Если вы позволите, я буду

въ вашемъ обществѣ спасаться отъ тоски по родинѣ...

Пока Владиміръ Николаевичъ и Пелагея Ивановна, каждый своимъ слогомъ, заклинали его считать ихъ вполнѣ своими, Катя внимательно смотрѣла на Турмалина, чистосердечно признаваясь себѣ въ томъ, что имъ любуется.

Пошли дальше, всѣ вмѣстѣ, прогулочнымъ шагомъ. Николай сталъ ругать нѣмцевъ. Слово «Oberkellner» и названіе вина «Oberingelheimer» его возмущали. Онъ находилъ, что всѣ нѣмецкія слова глупы. Графъ вѣжливо выслушалъ его, неопредѣленно отвѣтилъ, что плохо знаетъ нѣмецкій языкъ. Потомъ поднялся разговоръ объ Эмскихъ источникахъ, о томъ, кто чѣмъ запиваетъ свои катарры. Оказалось, что у графа было весною сильное воспаленіе легкаго, и что онъ пріѣхалъ замести слѣды болѣзни.

Катя все ждала, когда онъ, наконецъ, заговоритъ съ ней. Раза три взглянулъ онъ на нее своимъ здоровымъ правымъ глазомъ, за которымъ лѣвый плохо въ движеніяхъ поспѣвалъ.

«Развѣ ты не видишь, что мнѣ тебя жалко!» подумала она.

Наконецъ, онъ обратился къ ней:

— Я думаю, вамъ здѣсь будетъ скучно...

— О, нѣтъ! загорячилась она,— мнѣ такъ нравится за границею... просто прелесть.

— А вы въ первый разъ выѣхали изъ Россіи?

— Да...

Онъ улыбнулся.

— Въ такомъ случаѣ, васъ должно было многое поразить.

И онъ сталъ разсказывать о своихъ путешествіяхъ. Оказалось, что онъ весь свѣтъ уже изъѣздилъ.

Разсказывалъ онъ просто и интересно, съ привычною тихой улыбкой. Катя слушала и думала: «Бѣдный! Тебѣ, должно-быть, очень тяжело, что у тебя нѣтъ одного глаза»...

— Такія путешествія должны очень дорого стоить, глубокомысленно замѣтилъ Владиміръ Николаевичъ,— путевыя издержки имѣютъ ту особенность, что всегда выходятъ за предѣлы, заранѣе намѣченные, и не могутъ быть предусмотрѣны съ полною точностью, съ тою точностью, которая должна быть положена въ основаніе всѣхъ нашихъ дѣйствій и предположеній.

— Мы всегда путешествуемъ во второмъ классѣ, сочла необходимымъ вставить Пелагея Ивановна.

— И на каждомъ шагу на чаи, сердито буркнулъ Николай,— я нахожу это возмутительнымъ.

Катѣ стало очень совѣстно за своихъ. Она побоялась, что графъ улыбнется насмѣшливо.

Но Турмалинъ, спокойно всѣхъ выслушавъ, мягко проговорилъ:

— Я не думаю, чтобы можно было путешествовать безъ большихъ лишнихъ денегъ. По крайней мѣрѣ, я, въ путешествіяхъ, всегда имѣлъ съ собою нѣсколько сверхсмѣтныхъ тысячъ.

И, новымъ разсказомъ, отошелъ отъ денежнаго разговора.

«Какой онъ умный», подумала Катя.

Жара стояла сильная, удручающая въ узкой долинѣ Лаанъ. Въ тѣнистыхъ аллеяхъ, навстрѣчу попадались утомленные чахлые люди, иные со стеклянными кружками въ рукахъ. Рѣка почти не шумѣла, безголосая, а маленькія горки толпились

уныло, обездоленными вершинами смотрѣли. Катя шагала медленно, съ такимъ чувствомъ, какъ будто все прежнее отошло, а теперь явилось на смѣну другое, новое. Графъ производилъ на нее впечатлѣніе. Его физическіе недостатки имѣли для нея значеніе типичныхъ особенностей, болѣе ясно его обрисовывающихъ, нежели любое совершенство. Ей нравилась его красота, нравилось его изящество, умѣнье держать себя съ какимъ-то неподражаемымъ величественнымъ спокойствіемъ. Въ первый разъ въ жизни стала она ясно и опредѣленно, съ молодою непосредственностью, думать о любви. До сихъ поръ она много «про любовь» читала въ романахъ и повѣстяхъ, много говорила съ товарками, но такъ же сознательно глупо, какъ дѣти, играющія въ Робинзона Крузо и условившіяся считать коверъ—моремъ, столъ—недосягаемою вершиной. Институтское пресловутое «обожаніе» ея не коснулось. Она знала, по слухамъ, что любовь существуетъ, но жила, то мечтательная, то трепещущая отъ ощущеній,--молодымъ звѣренышемъ, которому ребяческихъ чувствъ достаточно. И вдругъ, теперь, еще чего-то захотѣлось. Именно—захотѣлось. Какъ будто открылись новыя впечатлѣнія, по новому убаюкивающія, уносящія вдаль. Исходная точка ихъ—красота. Вся же ихъ сила — въ чемъ-то еще невыясненномъ, розово-поэтичномъ, облагораживающемъ мельчайшія стремленія. Ей хотѣлось, чтобы графъ только съ ней говорилъ, лишь на нее смотрѣлъ, исключительно о ней думалъ. Но онъ, изрѣдка поглядывая на нее и несомнѣнно ею любуясь, былъ сдержанъ, усиленно занималъ Пелагею Ивановну, недурно притворяясь, будто считаетъ Подольскую очень умною женщиной.

У послѣдняго моста онъ сказалъ:

— До свиданья. Я долженъ зайти къ своему доктору... Вы позволите васъ навѣстить и не разсчитывать на однѣ встрѣчи...

Когда онъ отошелъ на достаточное разстояніе, Владиміръ Николаевичъ медленно проговорилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе, и я съ удовольствіемъ вижу, что онъ не похожъ на современную молодежь, столь поверхностную и даже испорченную. Жаль, что онъ не служитъ. Праздность опасна для холостыхъ людей, и только семейная жизнь можетъ спасти отъ дурного.

— Онъ очень миленькій, сказала Пелагея Ивановна.

Катѣ захотѣлось поцѣловать родителей. По дорогѣ домой, въ гостиницу, она была очень весела.

III.

Было еще нѣсколько встрѣчъ съ «нимъ», повидимому незначительныхъ, самыхъ безцвѣтныхъ, но Владиміръ Николаевичъ не ошибался, придавая этимъ встрѣчамъ значеніе. Дѣйствительно, уже не одна Катя волновалась. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что графъ Александръ Павловичъ сильно ею заинтересовался. Онъ лишь изрѣдка разговаривалъ съ нею, но не сводилъ съ нея взгляда, искалъ встрѣчъ, особенно старательно ухаживалъ за Пелагеей Ивановной.

— А вдругъ Катя себѣ счастье найдетъ, сказала она мужу въ концѣ первой недѣли.

Подольскій огорчился.

— Ты выражаешься такъ, какъ будто собираешься выдать замужъ крѣпостную дѣвку. Наше назначеніе, по отношенію къ дочери, имѣетъ гораздо болѣе серьезное значеніе, нежели ты, повидимому, предполагаешь! Мы должны радоваться не тому, что встрѣтился молодой человѣкъ, къ которому она, очевидно, питаетъ безсознательное сердечное влеченіе, и который, несомнѣнно, заслуживаетъ симпатій и относится къ Катѣ съ такимъ чувствомъ, что о равнодушіи не можетъ быть и рѣчи. Радовать должно насъ то, что этотъ молодой человѣкъ вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ требованіямъ, соотвѣтствуетъ моимъ отеческимъ потребностямъ. Я хотѣлъ именно такого зятя. Положимъ, онъ не служитъ, не предстоитъ ему блестящей карьеры, но мы же знаемъ, что онъ богатъ. Слѣдовательно, жена его будетъ обезпечена, и свадьба не является для него средствомъ поправить дѣла, что столь часто встрѣчается въ наше время, когда деньги пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе первенствующее и преобладающее значеніе.

Пелагея Ивановна знала, что рѣчи ея мужа слѣдуетъ воспринимать съ непоколебимымъ вниманіемъ. Она не хорошо поняла, чѣмъ, собственно, онъ воодушевляется, но, на всякій случай, рискнула:

— У насъ дочь будетъ графиня... Но вѣдь надо ее предупредить, чтобы она имѣла въ виду, а то еще глупостей надѣлаетъ, если онъ ей прискучитъ.

Владиміръ Николаевичъ мысленно пропустилъ этотъ рядъ тривіальныхъ фразъ сквозь фильтръ собственнаго краснорѣчія и благорасположенно произнесъ:

— Да, ты права, хоть и руководствуешься иными соображеніями, нежели тѣ, которыя заставятъ меня послѣдовать твоему совѣту. Коль скоро мы съ тобою пришли къ единогласному заключенію о цѣлесообразности брака Кати съ графомъ Турмалинымъ, — мы должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы этотъ бракъ совершился. На симпатіи нашей дочери, совсѣмъ еще молодой дѣвушки, разсчитывать нельзя. Сегодня онѣ на лицо, а завтра могутъ пропасть. Поэтому надо повліять на разсудокъ нашей дорогой Кати, дать ей понять, что мы имѣемъ въ виду ея счастье въ самомъ широкомъ и высокомъ значеніи этого слова, которымъ мы столь часто безъ нужды злоупотребляемъ въ житейскомъ обиходѣ. Я сегодня же буду имѣть разговоръ съ Катей.

Катя никакого разговора не ожидала. Ей казалось, что никто ничего не знаетъ о томъ, что Александръ Павловичъ и она—больше не чужіе... Конечно, не чужіе... Посмотрѣли другъ другу въ лицо, и все ясно стало. Цѣлый большой новый міръ открылся. Но посторонніе, никто, не могутъ объ этомъ знать. Вѣдь были только взгляды, а словъ и поступковъ нѣтъ еще, о нихъ и не думается.

Поэтому, она очень удивилась, когда отецъ, отведши ее на прогулкѣ въ сторону, съ нею заговорилъ:

— Ты знаешь, что я не люблю лишнихъ фразъ и напрасныхъ разговоровъ. Поэтому ты поймешь, что я не праздный задаю тебѣ вопросъ, спрашивая: какъ относишься ты къ графу Александру Павловичу Турмалину?

Катя вздрогнула и покраснѣла.

— Папа, развѣ онъ... развѣ я... развѣ ты... забормотала она.

— Не волнуйся, дитя мое, не волнуйся и не удивляйся. Конечно, не всякій отецъ станетъ бесѣдовать со своею дочерью о подобномъ предметѣ, и меня нисколько не поражаетъ твое смущеніе. Но ты должна постоянно имѣть въ виду, что я настоящій отецъ, думающій о твоемъ разумномъ счастіи не менѣе, нежели ты сама. Поэтому, дорогая, дай мнѣ совершенно откровенный отвѣтъ на только что выраженный мною вопросъ, вызванный моею искреннею любовью къ тебѣ.

— Папа, папа, онъ мнѣ очень нравится! прошептала Катя и прижалась къ отцу, прижалась потому, что на улицѣ цѣловаться нельзя было.

— Это хорошо, сказалъ Владиміръ Николаевичъ, — очень хорошо. Но, я увѣренъ, ты относишь мое одобреніе вовсе не къ тому, что я разумѣю. Я доволенъ тѣмъ, что онъ тебѣ нравится, доволенъ потому, что твой выборъ разуменъ. Говорю—выборъ, ибо я ко всему привыкъ относиться просто и иду всегда прямо къ цѣли, не признавая безцѣльныхъ поступковъ и пустыхъ рѣчей. Я желаю, чтобы ты вышла замужъ за графа Турмалина...

— О, папа!

— И мнѣ пріятно видѣть, что ты сама этого желаешь. Отъ самого графа я еще ни слова не слышалъ, разумѣется, но я и безъ словъ вижу, что онъ лишь изъ скромности благовоспитаннаго молодого человѣка не рѣшается... О, я далекъ отъ мысли насиловать событія! Все сдѣлается само собою. Такъ должно быть, потому что подобный бракъ прекрасенъ и вполнѣ разуменъ.

— Папа, папа! Какой ты добрый! вскрикнула Катя.

— Я настоящій отецъ, поправилъ Подольскій.— Пойдемъ ужинать.

Пошли ужинать, потомъ спать пошли, но ни ужинать, ни спать Катя не могла. Подъ вліяніемъ словъ Владиміра Николаевича, едва зародившееся чувство бурно разрослось. То, что мерещилось ей, внезапно навязалось вполнѣ, стало касаться всѣхъ мыслей и ощущеній. Неожиданное счастье ея душу возносило, мечты были болѣе яркими, чѣмъ когда-либо.

Какія мечты? Она сама къ нимъ присматривалась съ удивленіемъ.

Казалось, что само будущее подошло къ ней и что-то шепчетъ, таинственно заманчивое, зоветъ впередъ и обѣщаетъ радость. Всѣ тѣ невыясненныя чувства, которыя раньше ни повода, ни примѣненія себѣ не находили, нежданно загорѣлись, превратились во вторую душу, поглотившую первую. Мечталось о громадномъ, безконечномъ завтрашнемъ днѣ, пространномъ какъ вѣчность. Мечты начинались и до конца не доходили, теряясь въ сказочномъ блескѣ дѣвичьихъ надеждъ...

«Я буду его женой, начинала она, — никогда не буду съ нимъ разставаться, узнаю все то свѣтлое, о которомъ онъ такъ красиво разсказывалъ... Да, но какъ стану я его женой?.. Онъ придетъ просить моей руки, мама меня позоветъ... Нѣтъ, онъ сперва мнѣ скажетъ, когда никого не будетъ... Мы пойдемъ всѣ гулять, и мы съ нимъ ото всѣхъ немного отстанемъ. Онъ возьметъ меня за руку, станетъ шопотомъ говорить, такимъ хорошимъ шопотомъ, какъ будто не губы говорятъ, а сердце».

«Мы поѣдемъ далеко, начинала она, — будемъ въ красивыхъ странахъ счастливы.

«Онъ скоро-скоро будетъ просить моей руки. Мнѣ это сказалъ его взглядъ. Въ немъ можно читать...»

Такъ закончилась первая недѣля со времени пріѣзда въ Эмсъ.

IV.

Катя счастлива, очень счастлива... радости такъ и бѣгутъ навстрѣчу, въ ея душу войти спѣшатъ.

Послѣ разговора съ отцомъ, послѣ безсонной ночи, ей кажется, что новый міръ открылся для нея, не только не извѣданный, но даже не обдуманный ею. Словно она вторично за границу попала, въ такой сказочный край, гдѣ—все родное и тепло касается сердца. Возносящее чувство любви въ каждомъ проявленіи жизни ощущается. И все стало лучше, добрѣй. Отца она любитъ, какъ никогда. Его доброта, его свѣтлая проникновенность въ ея душу счастіемъ ласкаетъ. Да, это настоящій отецъ. А она-то считала его холоднымъ, равнодушнымъ къ ней. Мать гораздо меньше сердится, сдѣлалась ласкова и любовно слѣдитъ за туалетами дочери, не возстаетъ противъ покупокъ и заказовъ. И такъ пріятно наряжаться, сознавать себя кокетливо-изящной, думать: «я хорошенькая и я нравлюсь». Встрѣчные люди, на улицѣ, оглядываются, заинтересованные, съ удовольствіемъ. Одинъ братъ вполнѣ прежній. Катя ему ничего не сказала, да и родители, навѣрно, не повѣрили ему ничего. Онъ пьетъ воду, полощетъ себѣ горло,

укрѣпительныя ванны беретъ и бранитъ нѣмцевъ. Слова «oberflächlich» и «unterthänigst» шевелятъ въ немъ желчь. И пусть онъ сердится! Онъ совершенно не нуженъ! Она счастлива.

Утромъ, на музыкѣ, Пелагея Ивановна и Катя встрѣтили графа. При видѣ Александра Павловича, Катя густо покраснѣла. Ей представилось, что Турмалинъ, навѣрно, все знаетъ и сразу на это намекнетъ. Но онъ ничего не зналъ и ни на что не намекнулъ.

Добропорядочно-изящный, какъ всегда, онъ поклонился и подошелъ, справился о здоровьѣ и спросилъ:

— Не сдѣлать ли намъ всѣмъ прогулку на Конкордію сегодня? Погода очень хорошая, особенной жары не будетъ, и вы не утомитесь...

— Еще бы! Отлично! обрадовалась Подольская. —Это будетъ очень пріятно...

— Въ такомъ случаѣ, я зайду за вами въ два часа, въ третьемъ... Такъ хорошо?

— О, да, еще бы! Самое лучшее время... А развѣ вы не погуляете еще теперь съ нами?

— Нѣтъ, Пелагея Ивановна, простите. Я получилъ дѣловое письмо, на которое долженъ отвѣтить до отхода слѣдующей почты.

Онъ снова поклонился и отошелъ. Легкое разочарованіе шевельнулось въ Катѣ. Онъ почти не взглянулъ на нее, ни слова ей не сказалъ. Почему? На минуту она стала очень несчастна, рѣшивъ, что графъ къ ней совсѣмъ равнодушенъ, но потомъ оживилась, радостная, понявъ, что онъ нарочно предложилъ большую прогулку, чтобы быть съ нею и «объясниться» .. Ему съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ, навѣрно, скучно.

Онъ хочетъ быть съ нею... Она будетъ очень хорошенькая и услышитъ слова любви, такія красивыя, музыкой звучащія...

— Ты чего задумалась? спросила Пелагея Ивановна,—пойдемъ домой, скажемъ отцу.

Катя поняла, что мать считаетъ нужнымъ поскорѣе передать Владиміру Николаевичу о встрѣчѣ съ графомъ и о предстоящей прогулкѣ. Ей это показалось очень пріятнымъ и хорошимъ.

Подольскій, дома, выслушалъ жену и одобрительно кивнулъ, не произнося ни слова. Онъ только что вернулся изъ спеціальнаго заведенія, гдѣ вдыхалъ горячіе минеральные пары, и долженъ былъ, по строгому предписанію доктора, молчать послѣ того въ теченіе пятнадцати минутъ. Это составляло самую тяжелую для него часть лѣченія.

Черезъ нѣсколько времени, переодѣваясь въ сосѣдней комнатѣ, Катя услышала слова отца:

— Мнѣ онъ очень нравится, и я увѣренъ, что болѣе подходящаго подъ мои требованія человѣка намъ не найти.

Совершенно безъ причины, Катю вдругъ болѣзненно кольнула мысль о томъ, что подруги будутъ надъ нею смѣяться, когда узнаютъ, что она выходитъ замужъ за господина со стекляннымъ глазомъ. Станутъ потѣшаться надъ нею, а его называть кривымъ... Особенно Лаврикова, такая злая, постоянно поднимающая всѣхъ на смѣхъ. «Ну, и пусть себѣ!» рѣшила она, съ приступомъ озлобленія противъ Лавриковой. И чувство къ Александру Павловичу обострилось жалостью. Хотѣлось приласкать его и утѣшить. А онъ какъ будто не сознаетъ своего несчастія и точно воображаетъ, что никто не знаетъ ничего объ его стекляннномъ глазѣ... Право, такъ мало замѣтно... И онъ, вообще, такъ красивъ, такъ изященъ.

— На какую это Конкордію? хмуро спросилъ Николай, узнавъ за обѣдомъ о предположенной прогулкѣ.

Катя заволновалась.

— Неужели ты не знаешь... Это та гора, на которой большая башня видна. Оттуда, говорятъ, видъ превосходный.

— Почему я знаю... Для меня всѣ нѣмецкія горы—Куллерберги. Я съ вами не пойду.

«Тѣмъ лучше, подумала Катя.—Онъ могъ бы помѣшать Александру Павловичу».

Ровно въ два часа зашелъ графъ.

— Идемте? спросилъ онъ.

Видъ у него былъ нѣсколько озабоченный. Замѣтно было, что онъ старается быть веселымъ черезъ силу.

«Ну, да, ну, да! поняла Катя.—Онъ хочетъ объясниться со мной и не рѣшается. Смѣшной, милый, чего онъ боится! Неужели онъ не видитъ, что я-то все въ немъ вижу и понимаю».

Двинулись въ путь: графъ съ Пелагеею Ивановной, нѣсколько впереди; а Владиміръ Николаевичъ за ними, съ дочерью. Александръ Павловичъ говорилъ о горахъ, разсказывалъ, какъ онъ путешествовалъ пѣшкомъ по Альпамъ.

Идя за нимъ, Катя думала: «ну, какой же онъ хромой, когда такъ легко ходитъ!»

Нѣсколько нагнувшись впередъ, Владиміръ Николаевичъ вмѣшивался въ разговоръ, высказалъ много продолжительныхъ соображеній объ опасности восхожденія на Монбланъ.

За городомъ, по широкой, тѣнистой дорогѣ, пошли всѣ четверо въ рядъ. Катѣ стало скучно. Она ожидала, что будетъ совсѣмъ другое. Минутъ черезъ пятнадцать, она едва не плакала и сердилась на мать за то, что она все время съ графомъ. Стоило идти!

Но какъ полюбила она Пелагею Ивановну, когда та, вдругъ, безнадежно запыхавшись, махнула рукой и сказала:

— Нѣтъ, графъ, мнѣ больше не вмоготу, я устала. Слишкомъ жарко. Идите вы впередъ, а я васъ здѣсь на скамейкѣ подожду.

— Черезъ десять минутъ будетъ бесѣдка, откуда откроется прекрасный видъ, попытался было уговорить ее Турмалинъ, но безуспѣшно, и сталъ извиняться за то, что неблагоразумно поступилъ, рекомендовавъ утомительную прогулку.

— Вовсе не утомительная, поспѣшилъ возразить Подольскій,—но моя жена очень лѣнива и не привыкла вовсе ходить—весьма естественное послѣдствіе петербургской жизни, гдѣ малѣйшіе концы совершаются на извозчикахъ, столь у насъ дешевыхъ. Я самъ нѣсколько въ этомъ отношеніи избалованъ и съ удовольствіемъ посижу на этой скамейкѣ. Вы же, графъ, довершите свое благодѣяніе и не откажите довести нашу дочь до упомянутой замѣчательной бесѣдки.

Сперва Катя обрадовалась, потомъ испугалась: не слишкомъ-ли?

Но Турмалинъ, повидимому, не усмотрѣлъ ничего страннаго въ такой просьбѣ.

Онъ сказалъ:

— Я буду очень радъ, если Екатерина Владиміровна довѣрится моему знанію мѣстныхъ тропинокъ.

Мечты сбывались... Катя должна была сдѣлать большое надъ собой усиліе, чтобы незамѣтно было, какъ она довольна.

— Да, пойдемте, какъ-то неестественно проговорила она,—мнѣ очень хочется посмотрѣть этотъ видъ.

Графъ очень серьезно поклонился и пошелъ рядомъ съ ней, безмолвный. Оглянуться Катя не рѣшилась, но была увѣрена, что папа и мама улыбаются, довольные. На поворотѣ, когда извивающаяся дорожка повела ихъ на другой склонъ горы и скрыла отъ взоровъ Владиміра Николаевича и Пелагеи Ивановны, Катя вдругъ обратила вниманіе на то, что она и графъ молчатъ, идутъ и молчатъ, другъ на друга не смотрятъ. Это молчаніе показалось ей невыносимымъ, чѣмъ-то насмѣшливо-предательскимъ. Во что бы то ни стало, необходимо было заговорить... Иначе онъ пойметъ, и ей будетъ стыдно, потому что онъ пойметъ именно въ ту минуту, когда она это не хочетъ, боится.

— Намъ еще далеко идти? спросила она, какъ можно болѣе дѣловымъ тономъ.

— Нѣтъ, минутъ десять-пятнадцать, протяжно промолвилъ графъ,—можетъ быть, вамъ тяжело подниматься? Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ руку предложить...

Катя покраснѣла. Согласиться или отказаться, сухо, отъ его руки?

Растерянно, она пробормотала:

— Съ удовольствіемъ.

Они пошли дальше, совсѣмъ близко другъ къ

другу. При каждомъ шагѣ Катя ощущала, что ея спутникъ хромаетъ. Ей хотѣлось самой захромать, чтобы ему, несчастному, легче стало.

Разговоръ начался, безцвѣтный, лживый съ обѣихъ сторонъ. И ей, и ему хотѣлось говорить совсѣмъ другое, а они прикидывались, будто температурой и погодой интересуются.

Вдругъ Александръ Павловичъ, очевидно набравшись храбрости, спросилъ:

— Екатерина Владиміровна, почему вы сегодня не такая, какъ обыкновенно? Вы всегда веселая, а теперь молчаливы...

Она вздрогнула. «Такъ, должно-быть, всегда начинается», подумала она.

— Нѣтъ, что вы, я такая же, какъ постоянно, увѣряю васъ.

Горячо звучалъ голосъ Турмалина, когда онъ отвѣтилъ:

— Зачѣмъ меня обманывать... точно я не вижу! Въ первый разъ удается мнѣ быть съ вами наединѣ, впервые становится возможнымъ поговорить съ вами откровенно, а вы замкнулись въ самой себѣ, словно прочесть...

— Я не понимаю, слабымъ голосомъ начала Катя, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ вы меня понимаете... Не такіе у васъ глаза, чтобы не понимать! Я еще вчера рѣшилъ, что, во что бы то ни стало, объясняюсь съ вами сегодня. Если бы насъ теперь не оставили однихъ, я бы придумалъ что-нибудь невозможное, пошелъ бы напроломъ...

Сейчасъ онъ скажетъ, что онъ меня любитъ! подумала Катя.

Александръ Павловичъ, дѣйствительно, въ ту же самую минуту произнесъ:

— Я васъ люблю, Екатерина Владиміровна, я васъ люблю потому, что вы—олицетворенная чистота и нѣжность, что отъ васъ красивой правдой вѣетъ... Я васъ люблю, я васъ съ перваго взгляда понялъ и полюбилъ...

«Хорошо, хорошо! Говори еще, говори подольше!» мысленно кричала она, безумно счастливая.

Онъ продолжалъ, разгоряченный:

— Мнѣ казалось, что вы меня поймете и сжалитесь надо мной, несчастнымъ. Вы засіяли душевно передо мною именно въ то время, когда утѣшеніе стало для меня невыносимо необходимымъ. Я увидѣлъ васъ и понялъ, что есть еще для меня большая радость на землѣ. Не въ вашей красотѣ тутъ дѣло! Нѣтъ, вы замѣчательно хороши, но въ этомъ ничтожнѣйшее ваше достоинство. Мнѣ ваша душа видна, и она поддержитъ меня въ жизни, дастъ силу, дастъ мужество, и я больше не буду страдать, если вы согласитесь быть моей женой, если вы захотите спасти меня отъ гнетущей меня жизни, дать мнѣ другую, свѣтлую жизнь, и если вы сжалитесь надо мною, полуслѣпымъ, полубезногимъ...

— О! вскрикнула Катя, болѣзненно потрясенная,—не говорите такъ!

Ее охватило то же чувство нѣжности, которое бывало у нея въ дѣтствѣ къ разбитымъ куклямъ.

— Не говорите такъ, не говорите такъ! повторяла она, прелестно-слезливая, безсознательно прижимаясь къ нему, съ ухватками ласковаго ребенка, и нисколько не удивилась, замѣтивъ, что онъ ее обнимаетъ и цѣлуетъ.

— Дорогая, милая, жизнь моя! шепталъ онъ, съ дрожью въ голосѣ.

Вдругъ, они оба чего-то непонятнаго испугались, отошли другъ отъ друга. Слишкомъ скоро договорились они до конца, гораздо скорѣе, нежели могли ожидать Пелагея Ивановна и Владиміръ Николаевичъ.

Совершенно растерянная, Катя торопливо пробормотала:

— А гдѣ же бесѣдка?

Онъ засмѣялся и сказалъ:

— Да вотъ она, передъ нами, мы у нея стоимъ.

Имъ обоимъ сдѣлалось смѣшно и сразу легко стало. Словно веселая интимность установилась, а поцѣлуевъ не было.

— Показать видъ на Эмсъ? оживленнымъ тономъ спросилъ онъ, беря ее за руку.

Катѣ показалось очень милымъ, что онъ не говоритъ ни «ты», ни «вы»... И то, и другое представилось бы неестественнымъ.

— Да, пожалуйста, отвѣтила она, и пошла за нимъ въ бесѣдку.

Внизу, продолговатымъ свѣтло-пестрымъ пятномъ—лежалъ Эмсъ, въ тѣснотѣ узкой долины рѣки Лаанъ. Въ прозрачномъ воздухѣ выпукло вырисовывались зданія, игрушечно-маленькія на большомъ разстояніи. Видны были двигающіеся экипажи, люди.

— Господи, какъ красиво! вырвалось у Кати,— какъ хорошо мнѣ здѣсь!

— Мнѣ тоже очень хорошо, сказочно хорошо, проговорилъ Александръ Павловичъ,—потому что я счастливъ, и въ моемъ счастьи эта картина такая

жалкая подробность, что о ней и не стоитъ упоминать.

Возвращалось прежнее настроеніе. Въ воздухѣ горячностью, жгучимъ чувствомъ пахло.

Съ трудомъ проговорила Катя:

— Папа и мама внизу насъ ждутъ...

— Сказать имъ? спросилъ онъ, придвигаясь,— можно имъ сказать, что вы меня любите такъ же, какъ я васъ, и что я прошу у нихъ вашей руки? Сказать?

Катя испугалась.

— Нѣтъ, не говорите, дрожащимъ голосомъ произнесла она,—потомъ, не сегодня, завтра...

И глупая, непроизвольная мысль совсѣмъ не во-время принесла ей на память риѳмованную нѣмецкую поговорку: «morgen, morgen, nur nicht heute, sagen immer träge Leute»...

— Завтра? Хорошо, завтра я скажу, со смѣхомъ согласился Турмалинъ и обнялъ ее.— Но ты до завтра не забудь, что я тебя люблю, и что внѣ тебя нѣтъ для меня радости...

Теперь такъ хорошо и ласково звучало слово «ты»!

— Пора идти? весело спросилъ онъ.

— Да... пора...

Они пошли, медленно, каменистой тропинкою, внизъ.

Катя молчала, Александръ Павловичъ говорилъ... Она слушала, впиваясь душою въ каждое слово его... Онъ разсказывалъ, какія чувства вызвала въ немъ первая встрѣча съ нею, почему сразу понялъ онъ, что въ ней его счастье, почему совершилось въ нѣсколько дней то, на что другимъ мѣсяцы нужны... Они поняли и разгадали другъ

друга въ первый день... Зачѣмъ же было ждать дней слѣдующихъ! Счастья такъ мало на землѣ, что его нельзя откладывать, надо хватать его жадно.

И Катя волновалась, испуганная впервые сознанною быстротой, съ которой все сдѣлалось... Всего этого могло бы не быть, и тогда что̀ за жизнь была бы! Отецъ и мать помогли, да, добрые, захотѣли ея счастья. Господи! Какъ хорошо живется на землѣ!.. такъ легко быть счастливымъ, а люди этого не понимаютъ, все сердятся на что-то, хмурятся и проходятъ мимо счастья, словно зажмуривъ глаза.

— Вотъ вы, наконецъ! раздался голосъ Владиміра Николаевича, — я собирался уже идти за вами, полагая, что случилось какое-нибудь происшествіе. Эти горныя дорожки далеко не обладаютъ той степенью безопасности, которою, на мой взглядъ, должны отличаться даже мельчайшіе пути сообщенія прилегающихъ къ курорту мѣстностей, столь обильно посѣщаемыхъ больными и выздоравливающими людьми.

— Видъ былъ настолько хорошъ, что мы замечтались, весело объяснилъ Александръ Павловичъ, и оживленно разсказалъ, что они до самой башни Конкордія не поднялись, а были въ какой-то Mooshütte, любовались Эмсомъ и не могли оторваться отъ красивой панорамы.

Пока онъ говорилъ, Подольскій заинтересованно улыбался, а Пелагея Ивановна смотрѣла на дочь съ большимъ любопытствомъ. Ей очень хотѣлось знать, какой былъ разговоръ съ графомъ. Она не выдержала, близко подошла къ Катѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что увидѣла у нея на платьѣ жука, и тихо спросила:

— Ну, что?

Вопросъ этотъ показался Катѣ невыносимо оскорбительнымъ и глупымъ. Неужели мать не понимаетъ, что Турмалинъ можетъ услышать и Богъ знаетъ что̀ подумаетъ. Она кивнула. Пелагея Ивановна, довольная, отошла.

Внизъ пошли быстро. Графъ предложилъ Подольской руку. Владиміръ Николаевичъ сказалъ дочери:

— А я буду твоимъ кавалеромъ. Спускаясь съ горы, не надо пренебрегать никакими предосторожностями.

И замедлилъ ходъ, намѣренно отставая отъ жены и графа.

Катя не стала ждать вопроса. Она сама заговорила, сдержаннымъ голосомъ:

— Папа, я такъ счастлива, такъ счастлива... Онъ меня любитъ, онъ хочетъ на мнѣ жениться.

— Уже? съ несвойственной ему торопливостью удивился Подольскій, но тотчасъ же спохватился.—Неужели онъ уже сегодня сразу такъ откровенно и ясно объяснился, что чувства его для тебя не подлежатъ сомнѣнію?

Ужасно смѣшно стало Катѣ. «Должно-быть ясно, когда цѣловались!» подумала она и отвѣтила:

— Да папа... я не могу сомнѣваться, онъ мнѣ все сказалъ.

— Въ такомъ случаѣ, дитя мое, я полагаю, что онъ не замедлитъ сообщить намъ о своихъ намѣреніяхъ...

— Да, папа... онъ завтра же будетъ просить моей руки...

— Дитя мое, ты знаешь, что я широко смотрю

на вещи и не питаю преувеличенной склонности къ тому, что̀ я не задумаюсь назвать житейскою условностью. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что графъ поступилъ бы лучше, если бы хоть нѣсколько дней подождалъ...

— Сколько? Недѣлю? живо спросила Катя, — хорошо, я ему скажу.

Подольскій провелъ рукой по воздуху, точно отстраняя препятствіе.

— Нѣтъ, ты ему ничего не говори по этому поводу. Я всегда былъ того мнѣнія, что благоразуміе заключается въ предоставленіи обстоятельствъ собственному теченію. Теперь я хочу поговорить съ тобою, какъ съ благоразумною дѣвушкой, вступающею въ жизнь. Я понимаю, что практическая сторона большинства насущныхъ вопросовъ, въ нѣкоторой степени, тебѣ недоступна и даже можетъ показаться черезчуръ сухою. Дитя мое, это взглядъ ошибочный, могущій поставить цѣлое существованіе на ложномъ пути. Поэтому, отрѣшись отъ него. Я хочу, чтобы ты знала, что настоящее твое счастье — дѣло моихъ рукъ. Я подготовилъ его, я тебя направилъ. Ты спросишь, почему я это сдѣлалъ?

Онъ остановился, сложа руки на груди. Катя, покорная, стояла передъ нимъ. Ей было скучно слушать его рѣчь, но она такъ любила отца за его доброту, что думала: «говори побольше, ты это любишь».

Владиміръ Павловичъ продолжалъ, тихо зашагавъ и взявъ дочь подъ руку:

— Я это сдѣлалъ потому, что такой бракъ, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ моимъ требованіямъ. Если бы я держался другого взгляда, то

не допустилъ бы графа до знакомства съ тобою и, во всякомъ случаѣ, смогъ бы повліять на твое благоразуміе. Скажу прямо: я всегда считалъ необходимымъ выдать тебя замужъ за богатаго человѣка. Средства у насъ есть, но не такія, которыя бы позволили мнѣ тебя вполнѣ и навѣки обезпечить. Слѣдовательно, моею обязанностью было о тебѣ въ этомъ отношеніи позаботиться.

Тяжело стало Катѣ. Пришли въ голову такія мысли, которыхъ не было раньше.

— Папа, неужели только ради денегъ? сдавленнымъ голосомъ произнесла она.

Владиміръ Николаевичъ нахмурился.

— Ты придаешь совершенно не то значеніе моимъ словамъ. Вообще, отъ многихъ дѣтскихъ идей тебѣ слѣдуетъ отойти, вылѣчиться отъ нихъ. Нельзя жить такъ, какъ въ куклу играютъ.

Нѣсколько шаговъ прошли они, недовольные другъ другомъ. Впереди стройная фигура графа изящно вырисовывалась рядомъ съ необъятнымъ станомъ Пелагеи Ивановны. Глядя на Александра Павловича, Катя думала: «Пусть тебя другіе обманываютъ и ради денегъ дорожатъ тобою... я-то тебя не обману, я люблю тебя!»

— Во всякомъ случаѣ, знай, что я тебя горячо люблю, сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Я это знаю, папа... Ты на меня не сердись.

— Скорѣй! Скорѣй! закричала вдругъ Пелагея Ивановна, — посмотрите, какая сзади идетъ туча, а у насъ и дождевыхъ зонтиковъ нѣтъ!

Дѣйствительно, туча наползала, громадная, совсѣмъ темная. Сѣрая дождевая завѣса надвигалась, затронула уже горы по другую сторону Лаанъ.

— Мы никогда не поспѣемъ, никогда! волновалась Пелагея Ивановна.

Озабоченная судьбой своего новаго платья, она готова была крикнуть на графа: «и дернуло тебя тащить насъ на свои дурацкія горы».

Заторопились, заспѣшили внизъ. Прогулка превратилась въ бѣгство. Подольская, широко размахивая руками, покатилась впередъ, отказавшись отъ руки Александра Павловича, который тогда обратился къ Катѣ:

— Возьмите мою руку, я вамъ помогу.

Какъ она ему была благодарна! Опираясь на его руку, она перестала вспоминать слова отца. Радость взаимной любви все заслоняла. Какое дѣло до другихъ, когда самой хорошо! Почему не всѣ любятъ, почему?

Едва вошли они въ городъ, какъ ливень хлынулъ, невѣроятно сильный. Пришлось побѣжать, но до гостиницы и до колоннады было далеко.

— Такъ нельзя, зайдемъ въ ресторанъ, сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—тамъ переждемъ ненастье.

V.

Тѣсно было въ ресторанѣ. Людъ сбѣжался, скрываясь отъ проливнаго дождя.

За небольшимъ столомъ, близъ окна, усѣлись Подольскіе и Турмалинъ. Душно было. Сигарный дымъ ѣлъ глаза и затруднялъ дыханіе. Пелагея Ивановна не выдержала и очень оскорбительно выразилась о нѣмцахъ, а Владиміръ Николаевичъ, какъ человѣкъ некурящій, подробно объяснилъ

графу и дочери вредъ, причиняемый никотиномъ. Ни Катя, ни Александръ Павловичъ его не слушали. Они были подъ обаяніемъ своего счастія, и оба чистосердечно удивлялись тому, что никто ихъ не спрашиваетъ; «почему вамъ такъ весело?»

— Что же мы потребуемъ? спросилъ Подольскій, когда толстощекая косоглазая кельнерша наскочила на него съ вопросомъ:

— Die Herrschaften bekommen?

— Я думаю, рейнвейну, сказалъ Турмалинъ и указалъ на особенную марку:—Rüdesheimer Hinterhauser Cabinet.

Взглянувъ на карту и замѣтивъ цѣну—девять марокъ—Владиміръ Николаевичъ сперва было поморщился, а потомъ рѣшилъ, что торжественность общаго настроенія требуетъ экстреннаго расхода.

Катѣ было какъ-то особенно, игрушечно весело. Все ей нравилось, всѣхъ она любила. Милъ былъ ей дождь, милою казалась голая стѣна, въ которую упиралось окно ресторана. Дороги были ей незнакомые люди, сидѣвшіе за сосѣдними столами. Даже ресторанный воздухъ представлялся ей праздничнымъ и веселымъ. Она видѣла, что Александръ Павловичъ часто взглядываетъ на нее, ласково засматриваетъ ей въ душу... Такъ хорошо было, такъ хотѣлось этого,—того, что она испытываетъ,—еще и еще!

— Господи! взмолилась Пелагея Ивановна,—хоть бы этотъ негодный дождь скорѣе прошелъ.

— Мама, да вѣдь здѣсь вовсе не скучно! смѣшливо запротестовала Катя.

Турмалинъ тоже:

— Помилуйте, здѣсь даже совсѣмъ хорошо, и времени у насъ еще много.

Одинъ Владиміръ Николаевичъ воздержался отъ положительнаго мнѣнія.

— Съ одной стороны, конечно, нельзя не поблагодарить судьбу за то, что мы нашли привѣтливое убѣжище, но, съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что, при благопріятной погодѣ, укрывшее насъ помѣщеніе казалось бы намъ гораздо болѣе симпатичнымъ и, могу даже прибавить, гораздо болѣе уютнымъ.

Принесли бутылку вина и золотисто-желтые стаканы. Подольскій взялъ на себя обязанности виночерпія.

— За общее наше благополучіе, торжественно произнесъ онъ,—да благословитъ судьба наши начинанія и протянетъ намъ всѣмъ руку помощи, а также трудныя минуты отъ насъ отстранитъ.

Чокнулись. У Кати сильно дрожала рука, когда ея стаканъ коснулся стакана графа. Александръ Павловичъ неожиданно покраснѣлъ. А родители смотрѣли на нихъ обоихъ ласково.

Интимностью, признаніемъ и откровенностью повѣяло за небольшимъ столомъ. Пелагея Ивановна совсѣмъ перестала сердиться и сказала, что торопиться некуда. Если черезъ полчаса дождь не пройдетъ, пошлютъ въ гостиницу за зонтиками, либо карету наймутъ.

— И такъ, графъ, половину курса лѣченія вы уже преодолѣли? спросилъ Подольскій, откинувшись на спинку стула и барабаня пальцами по столу,—вы уже стремитесь въ Россію, я думаю.

— О, нѣтъ, вовсе не стремлюсь, но я думаю, что обстоятельства заставятъ двинуться въ путь...

«Обстоятельства—приготовленія къ свадьбѣ», рѣшилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, да, сказалъ онъ,—у насъ много заботъ... Большое состояніе требуетъ своего рода ухода.

«Опять о деньгахъ!» съ неудовольствіемъ подумала Катя.

— Развѣ? усмѣхнулся графъ,—я не знаю. Вѣроятно, безденежье причиняетъ больше хлопотъ, чѣмъ богатство.

— Вопросъ этотъ представляется мнѣ спорнымъ, закусилъ удила Подольскій,—нельзя, конечно, не принять во вниманіе, что рѣшительно все на свѣтѣ сопряжено съ извѣстными преимуществами и неудобствами. Но необходимость заставляетъ насъ признать, что люди богатые, если и бываютъ удручены общечеловѣческими невзгодами, какъ, напримѣръ, болѣзнь,—то средства, которыми они въ изобиліи располагаютъ, даютъ имъ возможность принимать всѣ мѣры къ облегченію своего положенія, между тѣмъ какъ человѣкъ бѣдный принужденъ довольствоваться, при подобныхъ обстоятельствахъ, милостынею судьбы.

На лицѣ Пелагеи Ивановны было ясно написано: а мужъ мой, что ни скажете, умный человѣкъ.

— Пожалуй, что и такъ, равнодушно проговорилъ Турмалинъ,—но я полагаю, что не въ деньгахъ блаженство.

— Разумѣется, таковымъ должно быть ваше мнѣніе, именно потому, что у васъ прекрасное состояніе.

Александръ Павловичъ, собиравшійся было выпить вина, опустилъ свой стаканъ на столъ.

— Прекрасное состояніе? весело переспросилъ

онъ.—Мои гроши положительно не заслуживаютъ столь лестнаго отзыва.

Владиміръ Николаевичъ снисходительно улыбнулся:

— Даже скромностью вы богаты!

Тутъ графъ едва не выдержалъ и не разсердился на упрямаго собесѣдника.

— Да нѣтъ же.. Вотъ уже шесть недѣль какъ тяжба съ близкими родственниками лишила меня всего состоянія, а сегодня утромъ я получилъ дѣловое письмо, какъ дважды два четыре доказавшее мнѣ, что мой ежегодный доходъ равняется отнынѣ двумъ тысячамъ рублей... А вы считали меня милліонеромъ?!

Александръ Павловичъ чистосердечно расхохотался и допилъ свое вино.

Когда смѣхъ его замолкъ, за столомъ сдѣлалось совсѣмъ тихо, вдругъ.

Катя, взглянувъ на отца, поняла, что случилось что-то ужасное, совсѣмъ не предвидѣнное. У Пелагеи Ивановны были на лицѣ всѣ признаки глупости. Владиміръ Николаевичъ, совершенно растерянный, упорно пилъ изъ пустого стакана. На улицѣ лилъ дождь сильнѣе прежняго и барабанилъ по окну.

Графъ быстро замѣтилъ произведенное впечатлѣніе. Внезапная блѣдность залила ему лицо мертвенной бѣлизной.

— Да, да, рѣзкимъ голосомъ произнесъ онъ,—у меня только двѣ тысячи годового дохода, а вовсе не двѣсти тысячъ. Вы, очевидно, ошиблись. И самое плачевное заключается въ томъ, что мнѣ подъ тридцать лѣтъ и что я уже не могу разсчитывать

на служебную карьеру, какъ на якорь спасенія... не могу, не могу.

По тону его слышно было, что онъ ищетъ повода къ ссорѣ. Катя трепетала, угадывала что-то страшное и боялась. Недавній разговоръ съ отцомъ загорѣлся у нея въ памяти, угрозой въ ушахъ прозвучалъ. Она тоже была блѣдна, большими, необычайно темными глазами на Владиміра Николаевича смотрѣла.

— Что же, почти беззвучно проговорилъ Подольскій,—что же... я не знаю... это...

Ихъ всѣхъ охватило такое мучительно-неловкое настроеніе, какъ будто Александръ Павловичъ публично просилъ руки Кати, публично получилъ отказъ и всенародно объявилъ «это потому, что у меня нѣтъ денегъ».

Турмалинъ глубоко заглянулъ Катѣ въ глаза, точно ея взглядомъ затягивался, потомъ рѣзко пожалъ плечами, отвернулся отъ нея немного и сказалъ:

— Какое отвратительное вино!

— Да, согласился Подольскій,—вино, дѣйствительно, очень скверное. Рейнское винодѣліе, повидимому...

— Папа! неожиданно закричала Катя.

Ее трясло. Губы ея побѣлѣли.

— Что, что? съ преувеличенною нѣжностью спрашивали родители.

Графъ всталъ, поклонился.

— Екатеринѣ Владиміровнѣ стало дурно, и я могу только помѣшать. Позвольте, я распоряжусь, чтобы подъѣхалъ крытый экипажъ, а самъ поспѣшу домой, такъ какъ я рѣшилъ сегодня же вечеромъ ѣхать въ Россію.

Еще разъ поклонился онъ, пошелъ, медленно протискиваясь между столами.

Какъ громомъ пораженные, сидѣли Подольскіе. Все краснорѣчіе Владиміра Николаевича пропало. Онъ не находилъ словъ, потому что ни одной мысли у него въ головѣ не было. Все перепуталось, разбило всѣ его понятія о систематичности. Пелагея Ивановна тяжело пыхтѣла, красная. Катя замерла, уставившись безжизненнымъ взглядомъ въ ту дверь, за которою исчезъ Турмалинъ. Ее точно больно ударило и рѣзко отшвырнуло куда-то въ сторону отъ счастья. Мерещилось ей, что съ нею отвратительно гадко поступили, что надъ нею насмѣялись, душу побили ей.

Они другъ на друга не смотрѣли, слишкомъ хорошо видѣли другъ друга и ненавидѣли.

Наконецъ, Пелагея Ивановна сказала мужу:

— Твоя дурацкая затѣя только такъ и могла кончиться. Нашелъ калѣку и обрадовался, а теперь этому калѣкѣ съ шарманкой остается идти.

— Мои предположенія у меня не были на лицѣ написаны, хотѣлъ оправдаться Подольскій, но жена его перебила:

— Да у этой дуры за то написаны... Право, хоть бы сквозь землю провалиться.

«Эта дура» медленно перевела глаза на мать, хотѣла было что-то сказать, но снова застыла.

— Свѣтъ не клиномъ сошелся, самоутѣшительно произнесъ Владиміръ Николаевичъ.—Я, право, не могу постигнуть, почему придавать значеніе подобному происшествію. Турмалинъ вѣдь еще не дѣлалъ предложенія, переговоровъ между нами не было... Его объясненіе съ Катей насъ не касается.

— Разумѣется, не касается, однозвучно сказала Катя.

Подольскому стало очень непріятно.

Къ ресторану подъѣхалъ крытый экипажъ.

— Это намъ, угадалъ Владиміръ Николаевичъ и позвалъ кельнершу, чтобы заплатить за бутылку вина.

— Der Herr Graf hat schon bezahlt, объявила она.

Подольскій нахмурился.

— Поѣдемъ.

По дорогѣ въ гостиницу всѣ молчали. Катѣ казалось, что въ ней растетъ какая-то злая рѣшимость, что она сегодня покажетъ себя, заставитъ родителей покаяться. Но опредѣленныхъ мыслей у нея не было, такъ же, какъ не ощущалось ясной скорби. Теперь что-то отошло отъ души, и въ душѣ пусто стало, неуютно. То, въ чемъ такъ красиво отражалась жизнь, внезапно разбилось. Горячее чувство любви словно задохлось, безъ воздуха. Противно было, до нельзя противно. И хотѣлось найти кого-нибудь, къ кому плаксиво прижаться, съ мольбой объ утѣшеніи, съ жалобой на всѣхъ... Мысль объ Александрѣ Павловичѣ вызывала ощущеніе бреда. Вспомнивъ, что онъ ее поцѣловалъ, она провела перчаткой по щекѣ.

Пріѣхали. Пока Владиміръ Николаевичъ объяснялся съ кучеромъ, а Пелагея Ивановна кричала: «таксу спроси, таксу!», Катя быстро поднялась по лѣстницѣ, постучалась къ брату въ дверь.

— Херейнъ, послышался его голосъ, съ интонаціей отвращенія къ произносимому слову.

Она вошла. Онъ сидѣлъ у окна, читалъ русскую газету.

— А, это ты, сказалъ онъ.—Въ Москвѣ опять холера... Что у тебя за лицо такое?

Близко подсѣла къ нему Катя и начала говорить, сперва спокойно, потомъ все болѣе и болѣе волнуясь:

— Ты знаешь или не знаешь, что отецъ и мать рѣшили, было, выдать меня замужъ за графа Турмалина. Вчера папа подробно уговаривалъ меня согласиться, и я согласилась, потому что мнѣ онъ очень нравился и я сама хотѣла выйти за него замужъ. Сегодня папа устроилъ такъ, что онъ могъ имѣть со мною объясненіе. Александръ Павловичъ и я признались другъ другу въ любви, мы цѣловались, понимаешь? Понимаешь, мы цѣловались, а потомъ, когда мы узнали, что графъ разоренъ, то случилась сцена, изъ которой графъ понялъ, что онъ не женихъ мнѣ. Меня заставили его любить, и меня же оторвали отъ него. Коля, Коля, я такъ несчастна!

Она едва не заплакала, и заплакала бы, если бы не услышала холоднаго отвѣта брата:

— Довольно дурацкая исторія! Мы пріѣхали сюда лѣчиться, а не наживать непріятности... Куда съ тобою торопиться! Точно пришла крайность тебя съ рукъ сбывать.

Катя похолодѣла. Неподвижная, она смотрѣла въ окно, необыкновенно ясно видѣла прохожихъ, деревья, дождевыя лужи.

Хоть бы все кругомъ пропало, все, хоть бы весь міръ разбился, лишь бы ей не выйти изъ этой комнаты!

— Здѣсь Катя? тревожнымъ голосомъ спросилъ Владиміръ Николаевичъ, входя. — А, ты

тутъ!... Я очень радъ... Я очень радъ... Николай, ты человѣкъ разумный, и я хочу переговорить съ ней въ твоемъ присутствіи, а то твоя мать мнѣ покоя не даетъ.

— Ахъ, папа, не путайте меня въ эти исторіи... Ну, какое мнѣ дѣло! брезгливо произнесъ Николай Владиміровичъ. — Вы знаете, что я этого не люблю.

— Нѣтъ, ты долженъ мнѣ помочь... Катя, слушай...

Она, блѣдная, равнодушно посмотрѣла на отца.

— Ты ужъ не дѣвочка, сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—и должна понимать жизнь, которая вовсе не состоитъ изъ ряда удовольствій и удачъ. Напротивъ, постоянно приходится идти на компромиссы во имя собственнаго своего блага, во имя блага близкихъ намъ людей.

«Господи! подумала Катя,—онъ будетъ долго говорить, чтобы доказать, что деньги — все, что онъ и мама хотятъ меня отдать съ выгодой...»

— Знаю, знаю, перебила она. — Думайте, что хотите, дѣлайте, что хотите... выдавайте меня замужъ, за кого хотите, но выдавайте замужъ поскорѣй! Я не могу среди васъ оставаться.

...Еще двухъ недѣль не прошло съ пріѣзда въ Эмсъ, а такъ много новаго совершилось. Катя себя не узнаетъ...

— Да вовсе не въ томъ и заключается твое назначеніе, докторально произнесъ ея отецъ, и чрезвычайно удивился, замѣтивъ, что съ его дочерью дѣлается истерика, что она, вдругъ, стала хохотать и плакать, шатаясь.

Пришлось перенести ее въ ея комнату, на-

шумѣть на весь коридоръ и встревожить сосѣдей.

Владиміръ Николаевичъ былъ очень недоволенъ.

Когда Катя пришла въ себя, она увидѣла, что лежитъ на кровати, полураздѣтая, и что никого съ нею въ комнатѣ нѣтъ. Ей это показалось пріятнымъ. На душѣ большая свѣжесть ощущалась, какъ послѣ грозы. Теперь она совсѣмъ спокойна, тихо лежитъ, можетъ думать.

Обо всемъ она можетъ думать, даже объ Александрѣ Павловичѣ, безъ волненія.

Ею овладѣло такое душевное состояніе, какъ будто раньше терзало ее что-то вовсе ненужное, словно бредъ былъ и исчезъ. Ей представляется ясно, что она во всемъ виновата... Отецъ былъ правъ. Она это понимаетъ такъ, точно на десять лѣтъ старше стала. Вполнѣ нормальная, безъ тревоги, она понимаетъ своего отца, чувствуетъ себя совсѣмъ его дочерью, стыдится своего глупаго гнѣва. Вспоминается ей книжка Верна «Le docteur Ox». Тамъ разсказывается, какъ одинъ ученый насытилъ воздухъ провинціальнаго города кислородомъ, и какъ всѣ жители стали волноваться и творить глупости. Такъ и съ нею было, но тоже прошло. Она вышла на обыкновенный воздухъ. Конечно, ей надо выйти замужъ. Въ этомъ ея назначенье, и выйти замужъ слѣдуетъ за человѣка обезпеченнаго. Отецъ и мать знаютъ, какъ слѣдуетъ жить, и она теперь сама это знаетъ. Жить впроголодь она несогласна. Безумною была она, когда возмутилась. И напрасно сердилась на брата. Онъ правъ. Довольно глупая исторія. Она

молода, хорошенькая, найдетъ себѣ, съ помощью родителей, хорошаго жениха. Буря унесла все лишнее, ложное, точно отъ дѣтской болѣзни избавила. Она излѣчилась и будетъ благоразумна.

И ей захотѣлось поскорѣй успокоить отца. Быстро застегнула она на себѣ кофту, приподнялась слегка и крикнула въ сосѣднюю комнату:

— Папа, дорогой, приди ко мнѣ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Въ толпѣ	1 р. 50 к.
Дѣти	1 р. 50 к.
Теноръ	1 р. 50 к.
Судъ идетъ	1 р. 25 к.
Баба	1 р. 50 к.
Мракъ	1 р. 75 к.
Хворь	1 р. 50 к.
Около любви	2 р. —
Князья	1 р. 25 к.
Не убій	— 75 к.
Рубли	1 р. 75 к.
Убогіе и нарядные	1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1895 г.